

13

СОБРАНИЕ ВОЛЬФ

РУССКЕ БЕЛЫЯ ПУКІ

СОБРАНІЯ

А. О. ВИСЕМСКОГО

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

ТОМЪ XI.

COOPERATIVE BOOKS

BRITISH BOOKS

COOPERATIVE

A. O. UNCLEMCHATO

VOLUME XI

СОЧИНЕНІЯ
А. ПИСЕМСКАГО

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМЪ ХІ.

ВЪ ВОДОВОРОТѢ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА,

Гостиный дворъ, и №№ 17 18,

ИТРОВКА, д. Михалкова, № 5,

1884.

<http://rcin.org.pl>

СЪВЕЩАНІЕ
ОБЪЯВЛЕНІЕ

Съобщаваме, че на 15-го септември 1880 г.

във Варшавѣ

състои се

общо сѣданіе

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ (Спб., В. О., 16 л., № 5).

<http://rcin.org.pl>

ВЪ ВОДОВОРОТѢ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

84 501080805 28

ВЪ ВОДОВОРОТЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Вскорѣ послѣ отъѣзда княгини Григоровой за границу, Елена, съ сыномъ своимъ, переѣхала въ домъ къ князю и поселилась на половинѣ княгини.

Между московской и петербургской родней князи это произвело страшный гвалтъ. Всѣ безусловно винили князя, даже добрѣйшая Марья Васильевна, со смертнаго одра своего, написала ему строгое письмо, въ которомъ укоряла его, зачѣмъ онъ разошелся съ женой.

Князь не дочиталъ этого письма и разорвалъ его. Николай Оглоблинъ, самодовольно сознавшійся въ душѣ, что это онъ вытурилъ княгиню за границу, и очень этимъ довольный, вздумалъ было, по своей неудержимой болтливости, рассказывать, что княгиня сама уѣхала съ обожателемъ своимъ за границу; но ему никто не вѣрилъ, и нѣкоторыя дамы, обидѣв-

шлись за княгиню, прямо объяснили Николая, что его послѣ этого въ домъ принимать нельзя, если онъ позволяетъ себѣ такъ клеветать на подобную безукоризненную женщину. Николай, дѣлать нечего, сталъ прималчивать и только сильно порывался завхватъ къ князю и рассказать ему, что о немъ трезвонятъ; но этого, однако, онъ не посмѣлъ сдѣлать; за то Елпидифоръ Мартынычъ, тоже бывшій, по своей практикѣ, въ разныхъ сферахъ и слышавшій этотъ говоръ, изъ преданности своей къ князю Григорову, рѣшился ему передать, и разъ, пріѣхавъ поутру, доложилъ ему голосомъ, полнымъ сожалѣнія.

— А тутъ, по Москвѣ, какая болтовня идетъ.

— О чемъ это? — спросилъ его князь довольно сурово.

— Да вотъ.... все о томъ, что Елена Николаевна переѣхала къ вамъ въ домъ, — началъ Елпидифоръ Мартынычъ съ небольшой улыбочкой. — Разъ, при мнѣ, двѣ модныя дамы пріѣхали въ однимъ домъ и начали вквкать: «Какъ это не стыдно!... Какъ это не стыдно!...» Въ Москвѣ будто бы никогда еще этого и не бывало.... Господи, Боже мой! думаю: сорокъ лѣтъ я здѣсь практикую и, можетъ, недѣли не прошло безъ того....

Съ каждымъ словомъ Елпидифора Мартыныча, лицо князя дѣлалось все болѣе и болѣе недовольнымъ и сумрачнымъ.

— Ну, я попросилъ бы васъ, — сказалъ онъ презрительнымъ тономъ, когда Елпидифоръ Мартынычъ кончилъ: — не передавать мнѣ разнаго вздору. Я нисколько не интересуюсь знать, кто и что про меня говоритъ.

Елпидифоръ Мартынычъ, конечно, этимъ замѣчаніемъ былъ нѣсколько опѣшенъ и далъ себѣ слово не беспокоить болѣе князя своимъ участіемъ.

Прошло такимъ образомъ болѣе полугода. Князь замѣтно успокоился душой: онъ сталъ заниматься много чтеніемъ и врядъ ли не замышлялъ кое-что написать!... Но про Елену никакъ нельзя было сказать того: читать, напримѣръ, она совершенно перестала, потому что читать какія-нибудь очень, можетъ быть, умныя вещи, но ничего не говорящія ея сердцу, она не хотѣла, а такого, чтобы прямо затрогивало ее, не было ничего подъ руками; кромѣ того она думала: зачѣмъ читать, съ какою цѣлю? Чтобы только еще больше раздражать и волновать себя?... Въ жизни Елена милліонной доли не видала осуществленія тому, что говорили и что проповѣдывали ее любимыя книги. Ребенка своего Елена страстно любила, но въ то же время посвятить ему всѣ дни и часы свои она не хотѣла и находила это недостойнымъ всякой неглупой женщины, а между тѣмъ чѣмъ же было ей занять себя? При этой мысли Елена начинала очень жалѣть о своей прежней службѣ, которая давала ей возможность трудиться все-таки на болѣе широкомъ поприщѣ, и, наконецъ, за что же лишили ее этого мѣста! За то, что она сдѣлалась матерью?... А еслибъ она замужемъ была, такъ ей, вѣроятно, дали бы въ этомъ случаѣ вспомоствованіе. Такого рода логики и нравственности Елена рѣшительно не могла понять и желаніе

какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь отомстить Россіи и разнымъ ея начальствамъ снова овладѣло всѣмъ существомъ ея. Жизнь въ домѣ князя тоже стала казаться Еленѣ пошлою, безцвѣтною. Ей мечтались заговоры, сходки въ подземельѣ, клятвы на кинжалахъ и, наконецъ, даже позорная смерть на площади, посреди благословляющей втайнѣ толпы. Сравнивая свое настоящее положеніе съ тѣмъ, котораго она жаждала и рисовала въ своемъ воображеніи, Елена невольно припоминала стихотвореніе Лермонтова «Парусь», и часто, ходя по огромнымъ и пустымъ комнатамъ княжескаго дома, она повторяла вслухъ и какимъ-то восторженнымъ голосомъ:

- Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
- Надъ нимъ сводъ неба голубой,
- А онъ, мятежный, ищетъ бури,
- Какъ-будто въ буряхъ есть покой!

Всего этого князь ничего не замѣчалъ и не подозрѣвалъ и, думая, что Елена, по случаю отъѣзда княгини, совершенно довольна своей жизнію и своимъ положеніемъ, продолжалъ безмятежно предаваться своимъ занятіямъ; но вотъ, въ одно утро, къ нему въ кабинетъ снова явился Елпидифоръ Мартынычъ. Князь, заранѣе предчувствуя, что онъ опять съ какими-нибудь дразгами, нахмурился и молча кивнулъ головой на всѣ расшаркиванья Елпидифора Мартыныча, который, однако, нисколько этимъ не смутился и сѣлъ. Видя, что князь обложенъ былъ разными книгами и фоліантами, Елпидифоръ Мартынычъ сказалъ:

— За учеными трудами извольте обрѣтаться!

Князь молчалъ и держалъ глаза опущенными въ одну изъ книгъ.

— А я сейчасъ къ малюткѣ вашему заходилъ, — краснушка въ городѣ свирѣпствуетъ! — продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, думая этимъ заинтересовать князя: но тотъ все-таки молчалъ. — Лепетать ужь начинаетъ и какъ чисто при мнѣ выговорилъ два слова: няня и мама, — прелесть! — подольщаяся Елпидифоръ Мартынычъ.

На князя, однако, и то не дѣйствовало: онъ не поднималъ своихъ глазъ отъ книги.

Елпидифоръ Мартынычъ, затѣмъ, перешелъ видимо въ главному предмету своего посѣщенія.

— А что бабушка его не была у васъ? — спросилъ онъ.

— Какая бабушка? — спросилъ его въ свою очередь князь, не понявъ его съ начала.

— Елизавета Петровна-съ, — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ. — Она идти хочетъ къ вамъ съ объясненіемъ: «дочь, говоритъ, теперь на глазахъ всей Москвы живетъ у него въ домъ, какъ жена его, а между тѣмъ, говоритъ, онъ никого изъ насъ ничѣмъ не обезпечилъ».

— Какъ, я ее не обезпечилъ?... Она получаетъ, что ей назначено! — сказалъ князь съ сердцемъ и презрѣніемъ.

— Знаю это я-съ! — подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ. — Сколько разъ сама мнѣ говорила «какъ у Христа за пазухой, говоритъ, живу; кромѣ откормленныхъ индѣекъ и кондитерской телятины ничего не ѣмъ»... А все еще недовольна тѣмъ: дерз-

кая эдакая женщина, нахальная..., не глупая, но ужь, ухъ, какая бѣдовая!

Елпидифоръ Мартынычъ нарочно бранилъ Елизавету Петровну, чтобы князь не заподозрилъ его въ какой-нибудь солидарности съ ней; кромѣ того онъ думалъ и понапугать нѣсколько князя, описывая ему бойкія свойства его пришлой тещенки.

— Чего-жь еще она желаетъ?—спросилъ тотъ.

— Е-ха! — откашлянулся Елпидифоръ Мартынычъ: — да говорить, — продолжалъ онъ:— «когда князь живъ то, конечно, е-ха! мы всѣмъ обезпечены, а умеръ онъ, — что, говорить, тогда съ ребенкомъ будетъ?»

— О ребенкѣ она не беспокоилась бы, — возразилъ князь потупляясь: — ребенокъ будетъ совершенно обезпеченъ на случай моей смерти.

— И о дочери также говорить: «что, говорить, и съ той будетъ?»

— И дочь ея будетъ обезпечена! — продолжалъ князь.

— Ну, и о себѣ, должно быть, подумываетъ: «и мнѣ бы, говорить, слѣдовало ему хоть тыщенокъ тридцать дать въ обезпеченіе: дочь, говорить, меня не любить и кормить въ старости не будетъ».

Князь при этомъ взглянулъ ужь съ удивленіемъ на Елпидифора Мартыныча.

— Дочь ея, очень естественно, что не любить, потому что она скорѣй мучительницей ея была, чѣмъ матерью, — проговорилъ онъ.

— Это такъ-съ, такъ!... — согласился Елпидифоръ Мартынычъ. — А она матерью себя почитаетъ, и какой еще полновластной: «если, говорить, князь не

сдѣлаетъ этого для меня, такъ я обращусь къ генералъ-губернатору, чтобы мнѣ возвратили дочь».

— Что? — переспросилъ князь, вспыхнувъ весь въ лицѣ.

— Возвратить дочь къ себѣ желаетъ, — повторилъ Елпидифоръ Мартынычъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Что такое возвратить дочь?... Дочь ея не малолѣтняя и совершенно свободна во всѣхъ своихъ поступкахъ.

— Конечно-съ, нынче не прежнія времена, не даютъ очень командовать родителямъ надъ дѣтьми!... Понимаетъ это!... шуму только и огласки еще больше хочетъ сдѣлать по Москвѣ.

— Шуму этого и огласки, — началъ князь, видимо вышедшій изъ себя: — ни я, ни Елена нисколько не боимся, и я этой старой негодяйкѣ никогда не дамъ тридцати тысячъ, а если она вздумаетъ меня запугивать, такъ я велю у ней отнять и то, что ей даютъ.

— Говорилъ я это ей, предостерегалъ ее! — произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, немного струсившій, что не испортилъ ли онъ всего дѣла такимъ откровеннымъ объясненіемъ съ княземъ: его, впрочемъ, въ этомъ случаѣ очень торопила и подзадоривала Елизавета Петровна, пристававшая къ нему при каждомъ почти свиданіи, чтобъ онъ говорилъ и посовѣтовалъ князю дать ей денегъ.

— Ко мнѣ она тоже лучше не являлась бы съ объясненіями... — началъ было князь, но въ это время вошелъ челоувѣкъ и подалъ ему визитную карточку съ загнутымъ уголкомъ.

Князь прочелъ вслухъ напечатанную на ней фамилію: «Monsieur Жуквичъ»; при этомъ и безъ того сердитое лицо его сдѣлалось еще сердитѣе.

— Ты спроси господина Жуквича, что ему угодно отъ меня?—сказалъ онъ лакею.

Тотъ ушелъ.

Князь съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ сталъ ожидать его возвращенія. Елпидиору Мартынычу смертельно хотѣлось спросить князя, кто такой этотъ Жуквичъ, однако онъ не посмѣлъ этого сдѣлать.

Лакей возвратился и доложилъ:

— Господинъ Жуквичъ пришелъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и передать письмо отъ княгини изъ за-границы.

— Отъ княгини... письмо...—повторилъ князь и, подумавъ немного, присовокупилъ:

— Проси.

Елпидиоръ Мартынычъ только взорами своими продолжалъ какъ-бы спрашивать князя: кто такой это Жуквичъ?

Господинъ Жуквичъ, наконецъ, показался въ дверяхъ. Это былъ весьма благообразный изъ себя мужчина, съ окладистою, начинавшею сдѣтъ бородою, съ густыми, кудрявыми, тоже съ просѣдью, волосами; одѣтый въ франтоватую черную фракную пару; глаза у него были голубые и нѣсколько приподнятые вверхъ; выраженіе лица задумчивое. При видѣ князя, онъ весь какъ-то склонился и имѣлъ на губахъ какую-то неестественную улыбку.

— Позволяю-жь себѣ, ваше сіятельство, напомнить вамъ наше старое знакомство и вручить вамъ

письмо отъ княгини, — проговорилъ онъ нѣсколько пѣвучимъ голосомъ и подавая князю письмо.

Князь, движеніемъ руки, указалъ ему на мѣсто около себя.

Жуквичъ сѣлъ и продолжалъ сохранять задумчивое выраженіе. На Елпидифора Мартыныча онъ не обратилъ никакого вниманія. Тотъ этимъ, разумѣется, сейчасъ же обидѣлся, и, въ свою очередь, принявъ осанистый видъ, а для бѣльшаго эффекта поставивъ себѣ на колѣни свою, хотя новую, но все-таки скверную, круглую шляпу, сталъ почти съ презрѣніемъ смотрѣть на Жуквича.

Княгиня писала князю: «Мой дорогой Грегуаръ! рекомандую тебѣ господина Жуквича, съ которымъ я познакомилась на водахъ. Онъ говоритъ, что знаетъ тебя и до небесъ превозноситъ. Онъ ѣдетъ на житье въ Москву и не имѣетъ никого знакомыхъ. Надѣюсь, что по добротѣ твоей, ты его примешь и обласкаешь. На дняхъ я переѣзжаю въ Парижъ; по Россіи я очень скучаю и каждоминутно благословляю память о тебѣ!»

Окончивъ чтеніе письма, князь обратился къ Жуквичу.

— Княгиня мнѣ, между прочимъ, пишетъ, — началъ онъ съ небольшой усмѣшкой:— что вы ей превозносили до небесъ меня?... Признаюсь, я никакъ не ожидалъ того...

Жуквичъ при этихъ словахъ замѣтно сконфузился.

— Вы, можетъ быть, — началъ онъ тоже съ небольшой улыбкой и вскинувъ на мгновеніе свои глаза на Елпидифора Мартыныча: — разумѣете тотъ

маленькій споръ, который произошелъ между нами въ Лондонѣ?...

— Ну, я не нахожу, чтобъ этотъ споръ былъ маленькій, — произнесъ князь, окончательно усмѣхнувшись и дѣлая удареніе на слова свои.

— Боже-жь мой! — подхватилъ Жуквичъ опять тѣмъ-же пѣвучимъ голосомъ: — между кѣмъ изъ молодыхъ людей не бываетъ того?... Увлеченіе, патріотизмъ! Я сознаюсь теперь, что мы поступили тогда вспыльчиво; но что-жь дѣлать? Это порокъ нашей націи; потомъ-жь, когда я зрѣло это обдумалъ, то увидѣлъ, что и вы тутъ поступили какъ честный и благородный патріотъ.

— Въ томъ-то и дѣло-сь! — воскликнулъ князь: — что вамъ позволялось быть патріотами, а намъ нѣтъ... ставилось даже это въ подлость.

— Духъ времени-жь былъ таковъ, — отвѣчалъ Жуквичъ, смиренно пожимая плечами: — теперь-же перемѣнилось многое и во многихъ людяхъ. Позвольте мнѣ закурить папироску? — присовокупилъ онъ, врядъ ли не съ цѣлю, чтобы подзамять этотъ разговоръ.

— Сдѣлайте одолженіе! — сказалъ князь.

Жуквичъ вынулъ изъ кармана красивый портъ-сигаръ, наполненный турецкимъ табакомъ, и своими бѣлыми руками очень искусно свернулъ себѣ папироску и закурилъ ее.

Князь во все это время внимательно смотрѣлъ на него.

— Зачѣмъ собственно вы пріѣхали сюда? — спросилъ онъ его.

Жуквичъ замѣтно недоумѣвалъ, какъ ему отвѣчать.

— Я препровожденъ сюда!...—произнесъ онъ, пуская густую струю дыма и скрывая тѣмъ выраженіе своего лица.

— А!...—протянулъ князь.—Но для чего же вы въ такомъ случаѣ изъ за-границы возвращались?

Жуквичъ пустилъ еще болѣе густую струю дыма передъ лицомъ своимъ.

— По многимъ обстоятельствамъ...—проговорилъ онъ наконецъ, держа совершенно опущенными свои глаза въ землю.

— Б-ха!—откапаянулся при этомъ громко и недовѣрчиво Елпидифоръ Мартынычъ.

— Я имѣю еще письмо къ паннѣ Жиглинской,— продолжалъ Жуквичъ опять уже заискивающимъ голосомъ.

— Отъ княгини?—спросилъ его князь нѣсколько удивленнымъ тономъ.

— О, нѣтъ-жъ... отъ господина Миклакова! — отвѣчалъ съ разстановкой Жуквичъ. — И онъ мнѣ сказалъ, что вы знаете-жъ ея адресъ, — присовокупилъ онъ.

— Очень знаю, потому что она живетъ у меня въ домѣ, — сказалъ князь, не совсѣмъ, повидимому, довольный тѣмъ, что Елена переписывается съ Миклаковымъ.

— И я поэтому могу ее видѣть или долженъ-жъ передать ей это письмо черезъ васъ?—поворно говорилъ Жуквичъ.

— Нѣтъ, я попрошу васъ лично ей передать, — произнесъ князь и позвонилъ.

Вошелъ лакей.

— Доложи Еленѣ Николаевнѣ, что нѣкто господинъ Жуквичъ привезъ ей письмо отъ Миклакова, а потому можетъ ли она принять его?

Лакей пошелъ и очень скоро воротился.

— Могутъ-съ!—доложилъ онъ.

— Проводи господина Жуквича! — сказалъ ему князь.

Жуквичъ поднялся, почтительно раскланялся съ княземъ, слегка поклонился Елпидифору Мартынычу и пошелъ за лакеемъ.

— Полякъ!... голову мою прозакладываю, что полякъ!—произнесъ ему вслѣдъ, почти раздраженнымъ голосомъ, Елпидифоръ Мартынычъ.

— Какъ же вы это такъ догадались? — спросилъ его въ насмѣшку князь.

— Да такъ ужъ, сейчасъ видно! — отвѣчалъ не безъ самодовольства Елпидифоръ Мартынычъ. — Коли ты выше его, такъ падамъ до ногъ онъ къ тебѣ, а коли онъ выше тебя, Боже ты мой, какъ носъ дереть! Знай онъ, что я генералъ и что у меня есть звѣзда, (у Елпидифора Мартыныча, въ самомъ дѣлѣ, была ужъ звѣзда, которую ему выхлопотала его новая начальница, весьма его полюбившая), — такъ онъ въ дугу бы передо мной согнулся, — словомъ полякъ!...

— Хороши и русскіе по этой части есть! — возразилъ ему князь, прямо разумѣя въ этомъ случаѣ самого Елпидифора Мартыныча.

— Есть и русскіе! — подхватилъ Иллѣонскій, совершенно не принявъ этого намека на свой счетъ.

Жуквичъ, войдя къ Еленѣ, которая приняла его въ большой гостиной, если не имѣлъ такого подобо-бострастнаго вида, какъ передъ ввяземъ, то все-таки довольно низко поклонилси Еленѣ и подаль ей письмо Миклакова. Она, при видѣ его, нѣсколько даже сконфузилась, потому что никакъ не ожидала въ немъ встрѣтить столь изящнаго и красиваго господина. Жуквичъ, съ своей стороны, тоже, кажется, былъ пораженъ совершенно какъ-бы южною красотой Елены. Не зная съ чего бы начать разговоръ съ нимъ, она проговорила ему:

— Пожалуйста, садитесь.

Жуквичъ сѣлъ. Елена тоже сѣла и принялась прежде всего читать письмо Миклакова.

Тотъ писалъ о Жуквичѣ нѣсколько иное, чѣмъ княгиня князю:

«Эту записочку мою доставить вамъ одинъ сѣдовласый юноша, господинъ Жуквичъ. Онъ социалистъ, коммунистъ, демократъ, и все, что вамъ угодно, и всему этому я, разумѣется, не придаю бы большаго значенія, но онъ человекъ умный, много видавшій и много испытавшій; — вамъ, вѣроятно, будетъ пріятно съ нимъ встрѣчаться. Что сказать вамъ про Европу?... Климатъ ея лучше нашего; города ея красивѣе нашихъ; жизнь и газеты европейскія поумнѣе нашихъ, но сами людишки — такая дрянь, какъ и мы! Наши братья, славяне, это какіе-то неумытые господа, умѣющіе только воздыхать о своемъ политическомъ положеніи; итальянецъ — красивъ, но сильно простоватъ; отъ каждаго француза воняетъ мѣдными пятаками, или лежень д'онеромъ; нѣмцы — глубокомысленно <http://www.anglican.ru> торгаши; наши

заатлантическіе друзья, американцы, по-моему, — все кочегары, шведовъ и датчанъ я не видалъ, но, должно быть, такая же физическая и нравственная безцвѣтность, какъ и чухна наша. На прощанье желаю вамъ больше всего не страдать скукою, такъ какъ я часто замѣчалъ, что за улыбающимся и счастливымъ личкомъ амура всегда почти выглядываетъ сморщенное лицо старухи — «скуки»!

— Скажите, — начала Елена, все еще не совсѣмъ совладѣвъ съ собой: — гдѣ вы встрѣтились съ Миклаковымъ?

— Я жилъ съ нимъ мѣсяца три-жь на водахъ? — отвѣчалъ Жуквичъ.

— Значить, вы и княгиню Григорову знаете?

— Да!...

— И госпожу Петицкую?

— И госпожу Петицкую.

— Они всѣ трое въ одномъ домѣ живутъ? — при-совокупила Елена послѣ небольшого молчанія.

— Нѣтъ-жь!... Княгиня и Петицкая въ одной гостиницѣ, а господинъ Миклаковъ въ совершенно другой, болѣе скромной.

— Но все-таки выдаются между собою довольно часто?

— Каждодневно-жь! — отвѣчалъ, слегка улыбаясь, Жуквичъ.

Елена опять помолчала нѣкоторое время.

— А вотъ что еще, — начала она съ какимъ-то ужъ нервнымъ волненіемъ: — вамъ извѣстно содержаніе письма Миклакова?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ Жуквичъ.

— Прочтите! — проговорила Елена и показала Жуквичу то, что писалъ о немъ Миклаковъ.

Прочитавъ о себѣ отзывъ, Жуквичъ только слегка и нѣсколько грустно усмѣхнулся.

— Что же, Миклаковъ правду пишетъ про васъ? Я, конечно, касательно только убѣжденій вашихъ говорю, — допрашивала его Елена.

— Кто-жь въ наше время, смотрящій здраво и не эгоистично на вещи, не имѣетъ этихъ-же убѣжденій? — отвѣчалъ онъ ей тоже какъ-бы больше вопросомъ.

— Ахъ, очень многіе! — произнесла, слегка вздохнувъ, Елена. — Я потому такъ и спѣшу васъ исповѣдать, чтобы знать какъ съ вами говорить.

— Говорите-жь такъ, какъ вы сами желаете того! — произнесъ, склоняя передъ ней голову свою, Жуквичъ.

— Ну, и прекрасно, значитъ! — Скажите: дѣлается ли въ Европѣ, покрайней мѣрѣ, что-нибудь во имя социалистическихъ началъ?

Жуквичъ сдѣлалъ соображающую мину въ лицѣ.

— Въ общемъ, если хотите, мало-жь!... Такъ что самый съездъ членовъ лиги мира въ Женевѣ вышелъ какой-то странный... — проговорилъ онъ.

— А вы были на этомъ съездѣ? — спросила его Елена.

— Нѣтъ, я не былъ!.. — Я-жь былъ въ это время боленъ въ Брюсселѣ, — отвѣчалъ Жуквичъ, и еслибъ Елена внимательно смотрѣла на него въ это время, то очень хорошо бы замѣтила, что легкій оттѣнокъ краски пробѣжалъ у него при этомъ по всѣму лицу его. — Но въ частности, Боже-жь мой, — продолжалъ

онъ, нѣсколько восклицая: — сколько есть утѣшительныхъ явленій!... Я самъ лично знаю въ Лондонѣ очень многихъ дамъ, которыя всю жизнь свою посвятили вопросу о рабочихъ; потомъ, сколько-жъ въ этомъ отношеніи основано ассоціацій, учреждено собственно съ этою цѣлью кредитныхъ учреждений; наконецъ, вопросъ о женскомъ трудѣ у васъ, въ Россіи-жъ, на такой, какъ мнѣ говорили, близкой чередѣ къ осуществленію....

Елена слушала Жуквича все съ болѣе и болѣе разгорающимися глазами.

— Все это такъ-съ! — произнесла она: — но все это, какъ хотите, очень блѣдныя начинанія, тогда какъ другое-то, старое, отжившее, очень еще ярко цвѣтеть!

— А вы думаете-жъ, что начинанія въ каждомъ дѣлѣ мало значать?... — произнесъ съ чувствомъ Жуквичъ. — Возьму вами-жъ подсказанный примѣръ... — продолжалъ онъ, устремляя вдаль свои голубые глаза и какъ бы приготовляясь списывать съ умственной картины, нарисовавшейся въ его воображеніи. — Взгляните вы на дерево, когда оно расцвѣтаетъ, — развѣ-жъ вся растительная сила его направляется на то, чтобы развивать цвѣтки, и развѣ-жъ эти цвѣтки вдругъ покрываютъ все дерево? — Нисколько-жъ! — Мы видимъ, что въ это-жъ самое время листья дерева дѣлаются больше, вѣтви становятся раскидистѣе; цвѣты-жъ только то тутъ, то тамъ еще показываются; но все-жъ вы говорите, что дерево въ періодъ цвѣченія; такъ и наше время: мы явно находимся въ періодъ соціального зацвѣтанія!

— Это хорошо!—воскликнула Елена:—эти бѣдные социальныя цвѣтки поцвѣтутъ, поцвѣтутъ да и опадутъ; а корни и вѣтви останутся старыя.

— Да нѣтъ-жь: эти цвѣтки дадутъ сѣмена, изъ которыхъ начнутъ произрастать новыя деревья!

— Съ такими точно корнями и вѣтвями какъ и прежнія!—подхватила Елена.

— Нѣтъ, съ другими-жь, съ другими!—произнесъ многозначительно Жуквичъ.

— Ахъ, не думаю, что съ другими!...—сказала грустнымъ голосомъ Елена.—Можетъ быть, у васъ тамъ въ Европѣ это предчувствуется, а здѣсь—нисколько, нисколько!

— Но какъ-жь меня завѣряли, и наконецъ я читалъ-жь много,—перебилъ ее съ живостью Жуквичъ:—что здѣсь социалистическія понятія очень хорошо приживаются и усваиваются...

— Въ Петербургѣ—можетъ-быть!—сказала ему Елена.

— Нѣтъ, здѣсь, именно-жь въ Москвѣ!—повторилъ настойчиво Жуквичъ.

Елена сомнительно покачала головой.

— Прежде еще было кое-что,—начала она:—но и то потомъ оказалось очень нетвердымъ и непрочнымъ: я тутъ столько понесла горькихъ разочарованій; нѣсколько изъ моихъ собственныхъ подругъ, которыхъ я считала за женщинъ съ совершенно честными понятіями, вдругъ, выходя замужъ, дѣлались такими негодяйками, что даже взяточничество супруговъ своихъ начинали оправдывать. Господа кавалеры—тоже: улыбнись имъ хоть немного на-

чальство или просто богатый человекъ, сейчасъ же продавали себя съ руками и ногами.

— Грустно-жь это слышать,—сказалъ Жуквичъ, въ самомъ дѣлѣ, грустнымъ голосомъ:—а я-жь было думалъ тутъ встрѣтить участіе, сочувствіе и даже помощь нѣкоторую,—присовокупилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Но въ чемъ вамъ, собственно, помощь нужна?—спросила его Елена.

Жуквичъ опять нѣкоторое время обдумывалъ свой отвѣтъ.

— Я—полякъ, а потому прежде-жь всего сынъ моей родины!—началъ онъ, какъ бы взвѣсивая каждое свое слово:—но всякій-жь человекъ, какъ-бы онъ ни желалъ душею идти по всѣмъ новымъ путямъ, всюду не поспѣетъ. Вотъ отчего, какъ я вамъ говорилъ, въ Европѣ все это раздѣлилось на нѣкоторыя группы, на нѣсколько спеціальностей, и я-жь, если позволите мнѣ такъ назвать себя, принадлежу къ группѣ именуемыхъ возстановителей народа своего.

— То есть, поляковъ, конечно?.. — подхватила Елена.

— О, да!—подтвердилъ Жуквичъ.

— А вы знаете, что я, вѣдь, тоже полякъ?—сказала Елена.

— Да, знаю-жь!—воскликнулъ Жуквичъ:—и, какъ землячку, прошу васъ не оставить меня вашимъ вниманіемъ!—прибавилъ онъ съ улыбкой и протягивая Еленѣ руку.

— Въ чемъ только могу!—проговорила она, подавая ему взаимно свою руку и отвѣчая на довольно

крѣпкое пожатіе Жуквича такимъ же крѣпкимъ пожатіемъ.

— Но я прошу васъ, панна Жиглинская, объ одномъ!—присовокупилъ онъ затѣмъ какимъ-то почти встревоженнымъ голосомъ:—все-жъ, о чемъ я вамъ говорилъ теперь, вы сохраните въ тайнѣ...

— Разумѣется, сохраню въ тайнѣ!—подхватила она.

— Въ тайнѣ-жъ отъ всѣхъ, даже отъ князя!—говорилъ Жуквичъ тѣмъ же встревоженнымъ голосомъ.

— И отъ князя?—переспросила Елена.

— Да... я князя давно знаю. Онъ не любитъ-жъ поляковъ очень, а я-жъ сосланный!...—На меня достаточно глазомъ указать, чтобъ я былъ повѣшенъ... разстрѣлянъ...

— Извольте, я и князю не скажу!...—отвѣчала Елена, припоминая, что князь, въ самомъ дѣлѣ, не очень прилюбливалъ поляковъ, и по поводу этого она нерѣдко съ нимъ спорила.—Но надѣюсь, однако, что вы будете бывать у насъ.

— Если вы мнѣ позволите то!—отвѣчалъ Жуквичъ, уже вставая и приготавлиаясь уйти.

— Я даже буду просить васъ о томъ!—подхватила Елена:—приходите пожалуйста, безъ церемоніи, обѣдать, на цѣлый день. Послѣ-завтра, на при-мѣръ, можете придти?

— Могу.

— Ну такъ и приходите!—заклчила Елена.

При окончательномъ прощаніи, Жуквичъ снова протянулъ ей руку. Она тоже подала ему свою, и онъ вдругъ поцѣловалъ ей руку; такъ что Елену

немного даже это смутило. Когда гость, наконецъ, совсѣмъ уѣхалъ, она отправилась въ кабинетъ къ князю, котораго застала одного и читающимъ внимательно какую-то книгу. Епилидфоръ Мартынычъ, не осмѣливавшійся болѣе начинать разговора съ княземъ объ Елизаветѣ Петровнѣ, только-что передъ тѣмъ оставилъ его.

— А у меня все сидѣлъ этотъ Жуквичъ, который привезъ мнѣ письмо отъ Миклакова!—сказала Елена.

— Что такое тебѣ пишетъ Миклаковъ?—спросилъ ее князь, не оставляя своего чтенія.

— Ничего особеннаго!—отвѣчала Елена и сѣла на кресло, занимаемое до того Ельпидифоромъ Мартынычемъ.—Я позвала Жуквича послѣ-завтра обѣдать къ намъ!...—присовокупила она.

— Зачѣмъ?—спросилъ какъ-бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и даже неудовольствіемъ князь.

— За тѣмъ, что онъ здѣсь заѣзжій человѣкъ!...—никого не знаетъ.

Князь на это промолчалъ, и Елена, по выраженію его лица, очень хорошо видѣла, что у него былъ на умѣ какой-то гвоздикъ противъ Жуквича.

— Ты зналъ его за-границей?—спросила она.

— Зналъ!...—отвѣчалъ протяжно князь.

— Что же, по-твоему, онъ за человѣкъ?

— Чортъ его знаетъ, что за человѣкъ!...—Что полякъ—это я знаю!—произнесъ князь, продолжая свое чтеніе.

— Но что тутъ дурнаго, что онъ полякъ?—возразила ему насмѣшливо Елена.

Князь ей на это ничего не сказалъ и, какъ-будто

бы даже не разслышавъ ея словъ, принялся что-то такое выписывать изъ читаемой имъ книги.

Еленѣ, наконецъ, сдѣлалось досадно это полувниманіе къ ней князя.

— Что ты тутъ такое дѣлаешь? — начала она приставать къ нему.

Елена еще и прежде спрашивала объ этомъ князя, но онъ все какъ-то отмалчивался.

— Такъ себѣ, ничего! — сказалъ было онъ ей и на этотъ разъ; но Елена этимъ не удовольствовалась.

— Вовсе не такъ, а непременно дѣлаешь что-то такое большое!... Отчего ты не хочешь сказать мнѣ?

— Отъ того, что нельзя говорить о томъ, что у самого еще смутно въ головѣ.

— Это ничего не значить; мнѣ ты долженъ сказать, и ты вовсе не погову не говоришь, — вовсе не потому!

— Почему же?

— Да потому, что я знаю почему; во-первыхъ я вижу по книгамъ, ты что-то такое по русской исторіи затѣваешь — такъ?... да?

— Можетъ-быть, и по русской исторіи.

— Но что изъ нея можно написать? — Все ужъ, кажется, написано!

— Нѣтъ, много еще не написано.

— А именно?

— А именно, на примѣръ, — началъ князь, закидывая назадъ свою голову: — сколько мнѣ помнится, ни однимъ историкомъ нашимъ не прослѣжены тѣ вольности удѣльныя, которыя потомъ постоянно

просьбились и высказывались въ московскій періодъ и даже въ петербургскій.

Елена разсмѣялась громкимъ смѣхомъ.

— Вольности еще какія-то нашелъ!—произнесла она.

Князь при этомъ покраснѣлъ нѣсколько въ лицѣ.

— Никакихъ я вольностей, признаюсь, у русскаго народа не вижу,—продолжала Елена.

— Ты не видишь, а я ихъ вижу!—сказалъ князь.

— Но гдѣ, скажи, докажи?—воскликнула Елена.

— Вольности я вижу во всѣхъ попыткахъ Новгорода и Пскова противъ Грознаго!...—заговорилъ князь съ удареніемъ:—вольности проснувшіяся вижу въ періодъ всего междуцарствія!... вольности въ расколѣ противъ московскаго православія!...—вольности въ бунтахъ стрѣльцовъ!...—вольности въ образованіи всѣхъ нашихъ украинъ!...

— Какой же результатъ всѣхъ этихъ вольностей?... Петербургъ?...—возразила ему Елена.

— Я говорю не о результатахъ, а о томъ, что есть же въ русскомъ народѣ настоящая, живая сила.

— Тебя за эту статью, если ты только напечатаешь ее, такъ раскатаютъ, такъ раскатаютъ, какъ ты и не воображаешь!—произнесла Елена.

— Но за что же?...—Я могу дурно выполнить, дурно написать — это другое дѣло; но не за самую мысль.

— Нѣтъ, за самую мысль, потому что въ ней ложь и натяжка есть.

— По-твоему—натяжка, а по-моему, какъ гово-

рить мое внутреннее чувство, она есть величайшая истина.

— Чувство ему говорить!..—Исторія не романъ сантиментальный, который подъ вліяніемъ чувства можно писать.

— Нѣтъ, именно нашу исторію подъ вліяніемъ чувства надобно было бы написать,—чувства чисто-народнаго, демократическаго, и котораго совершенно не было ни у одного изъ нашихъ историковъ, а потому они и не сѣумѣли въ маленькихъ явленіяхъ подмѣтить самой живучей силы народа нашего.

— Никакой такой силы не существуетъ!—произнесла Елена.—Вѣдь это странное дѣло — навязывать народу свободолюбіе, когда въ немъ и намека нѣтъ на то. Я вонъ, на дняхъ еще какъ-то, вѣхала на извозникѣ и разговаривала съ нимъ. Онъ горькимъ образомъ оплакиваетъ вѣрностное право, потому что теперь некому посвѣть его и поучить послѣ того, какъ онъ пьянъ бываетъ!..

— Мало-ли что тебѣ наболтаетъ одинъ какой-нибудь дуралей; нельзя по немъ судить о цѣломъ народѣ!—возразилъ князь.

— Нѣтъ, это не онъ одинъ, а и болѣе высшія сословія. Ты посмотри когда-нибудь по большимъ праздникамъ, какая толпа рвется къ подъѣздамъ разныхъ начальствующихъ лицъ... Рабство и холопство,—это скрывать нечего,—составляютъ главную черту или, какъ другіе говорятъ, главную мудрость русскаго народа.

— Господинъ Жуквичъ, что ли, успѣлъ натолковать тебѣ это?...—И поляковъ, вѣроятно, превознесъ до небесъ?—проговорилъ князь.

— Нѣтъ, я еще до господина Жуквича знала это очень хорошо, и ужь, конечно, поляки всегда были и будутъ свободолюбивѣе русскихъ!—воскликнула Елена.—Когда еще въ цѣлой Европѣ все трепетало передъ королевской властью, а у насъ ужь король былъ выборный. На сеймѣ воскликнетъ кто: *«не позволяемъ!»*.. и кончено: тормозъ всякому произволу.

— До многого и докричались вы!..

— Да, но все-таки кричали, а не низкопоклонничали.

— Что-жь такое кричали?..—И собаки на улицѣ лаютъ безпрестанно, однако отъ того большой пользы ни имъ, ни человѣчеству нѣтъ! — возразилъ князь и самъ снова принялся за свою работу.

Елена даже покраснѣла вся при этомъ въ лицѣ.

— Какое глупое сравненіе!—произнесла она и, какъ-видно, не на шутку разсердилась на князя, потому что немедленно встала и пошла изъ кабинета.

— Господинъ Жуквичъ послѣ-завтра будетъ у насъ обѣдать?—крикнулъ ей вслѣдъ князь.

— Послѣ-завтра!—отвѣчала Елена, не поворачиваясь къ нему.

— Послѣ-завтра!...—повторилъ самъ съ собою князь.

II.

Анна Юрьевна послѣднее время какъ-будто бы утратила даже привычку хорошо одѣваться и хотя сколько-нибудь себя подтягивать, такъ что въ тотъ день, когда у князя Григорова долженъ былъ обѣ-

дать Жуквичъ, она сидѣла въ своемъ будуарѣ въ совершенно распушенной блузѣ; слегка подпудренные волосы ея были не причесаны, лицо не подбѣдено. Баронъ былъ тутъ же и, помѣщаясь на одномъ изъ креселъ, держалъ голову свою наклоненною внизъ и внимательнымъ образомъ разсматривалъ свои красные ногти.

— Я вамъ давно говорилъ,—началъ онъ въ одно и то же время грустнымъ и насмѣшливымъ голосомъ:—что въ этой проклятой Москвѣ задохнуться можно отъ скуки!

— Что же, въ Петербургѣ вашемъ развѣ лучше?—возразила ему Анна Юрьевна.

— Безъ всякаго сомнѣнiя!... Тамъ люди живутъ человѣческой жизнью, а здѣсь, я не знаю,—жизнью какихъ-то...—«свиней», вѣроятно, хотѣлъ добавить баронъ, но удержался.

— Ужасно какой человѣческой жизнью!—воскликнула Анна Юрьевна:—цѣлое утро толкуются въ переднихъ у министровъ; потомъ, побѣгаютъ, высуня языкъ, по Невскому, съѣдать гдѣ-нибудь въ отелѣ протухлый обѣдъ; наконецъ вечеръ проведутъ въ объятiяхъ чахоточной камелии—вотъ жизнь всѣхъ васъ петербуржцевъ.

— То для мужчинъ, а для женщинъ мало ли есть тамъ развлеченiй: отличная опера, концерты, театры.

— Все это и здѣсь есть; но я не дѣвчонка какая-нибудь, чтобы мнѣ всюду ѣздить и восхищаться этимъ...

— Въ такомъ случаѣ, поѣдьте за-границу, — сказалъ ей на это баронъ: послѣдняго онъ даже еще больше желалъ. <http://rcin.org.pl>

— Вамъ за-границей въ диво побывать!.. Вы никогда тамъ не бывали; *mais moi, j'ai voyagée par monts et par vaux!*.. Не мадонну же Рафаэлевскую мнѣ въ тысячный разъ смотрѣть или дворцы разные.

— Но гдѣ же лучше?—воскликнулъ баронъ.

— Въ молодости, вотъ гдѣ лучше. Въ молодости вездѣ хорошо,—отвѣчала ему Анна Юрьевна.

— Но въ эту страну нельзя воротиться, — произнесъ баронъ съ небольшой улыбкой.

На этихъ словахъ его, Анна Юрьевна увидѣла, что въ гостиную входилъ приѣхавшій князь Григоровъ.

— Ah!.. *Voilà qui nous arrive!*—воскликнула она ему навстрѣчу радостнымъ голосомъ.—Наконецъ-то удостоилъ великой чести посѣтить.

Князь пожалъ руку кузины, пожалъ руку и барону.

— Я, шутки въ сторону, начинала на тебя сердиться, что ты совсѣмъ не ѣдишь,—говорила Анна Юрьевна.

— Некогда все было,—отвѣчалъ князь.

— Да что ты такое дѣлаешь? Неужели все цѣлуешься съ своей Еленой?.. Не надоѣло развѣ тебѣ еще это?

— Нѣтъ, не надоѣло.

— А другой нѣтъ у тебя пока никакой?

— Нѣтъ другой пока.

— *Mensonge, je n'en crois rien.*

— Но у барона же нѣтъ другой;—сказалъ князь, показывая глазами на барона.

— Баронъ что?.. Баронъ—рыба.

— Рыба онъ?

— Совершенная... мерзкая даже.

— О, это ужасно!—воскликнулъ князь.

Баронъ краснѣлъ только, слушая этотъ милый разговоръ двухъ родственниковъ.

— А я, кузина, пріѣхалъ васъ звать сегодня обѣдать къ себѣ,—продолжалъ князь.

— Это что тебѣ вздумалось? — спросила Анна Юрьевна.

— Да такъ, тутъ одинъ мой знакомый полякъ будетъ у меня обѣдать, красавецъ изъ себя мужчина; пріѣзжайте, пожалуйста!.. Поболтаемъ о нашей заграничной жизни.

— А обѣдъ будетъ порядочный?

— Самолучшій заказанъ повару.

— Посмотримъ! При княгинѣ у тебя въ этомъ случаѣ нехорошо было: она, какъ нѣмка, только и знала вкусъ въ картофелѣ да въ кофеѣ.

— Теперь у меня другая хозяйка; а кстати, вы не скомпрометируетесь быть у меня тѣмъ, что встрѣтите mademoiselle Жиглинскую?

— Quelle idée... скомпрометируюсь я!... Меня теперь, я думаю, ничто ужъ въ мірѣ не скомпрометируетъ!... А что-жь ты барона не зовешь?—прибавила Анна Юрьевна.

— Баронъ, разумѣется, пріѣдетъ. Пріѣдете? — спросилъ князь барона.

— Пріѣду!—отвѣчалъ тотъ, держа, по прежнему, голову потупленною и какимъ-то мрачнымъ голосомъ: слова князя о томъ, что у него будетъ обѣдать красивый полякъ, очень непріятно отозвались въ ухѣ барона. Надобно сказать, что баронъ, не смотря на то, что былъ моложе и красивѣе Анны Юрьевны, каждую минуту опасался, что она измѣ-

нить ему и предпочтеть другаго мужчину. Чтобы предохранить себя съ этой стороны, баронъ, какъ ни скучно это было ему, всюду ѣздилъ съ Анной Юрьевной и старался не допускать ее сблизаться съ кѣмъ бы то ни было изъ мужчинъ. Князь же, въ свою очередь, кажется, главною цѣлію и пмѣлѣ, приглашая Анну Юрьевну, сблизить ее съ Жуквичемъ, который, какъ онъ подозрѣвалъ, не прочь будетъ занять мѣсто барона: этимъ самымъ князь рассчитывалъ показать Еленѣ, какого сорта былъ человекъ Жуквичъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся образумить и спасти этимъ барона, который былъ когда-то другъ его и потому настоящимъ своимъ положеніемъ возмущалъ князя до глубины души.

Выйдя отъ Анны Юрьевны, князь отправился домой не въ экипажѣ, а пошелъ пѣшкомъ и, проходя по Кузнецкому, онъ вдругъ столкнулся лицомъ къ лицу съ шедшимъ къ нему навстрѣчу Николая Оглоблинымъ.

— Здравствуйте, князь!—проговорилъ тотъ трепещущимъ отъ радости голосомъ.

Въ прежнее время князь, встрѣчаясь съ Николаемъ, обыкновенно на всѣ его привѣтствія отвѣчалъ только молчаливымъ кивкомъ головы; но тутъ почему-то пріостановился съ нимъ и пожалъ даже ему руку.

Ободренный этимъ, Николая не преминулъ вернуться и пойти съ княземъ въ одну сторону.

— Это чортъ знаетъ что за городъ Москва! — заговорилъ онъ: — болтаютъ!.. врутъ!.. такъ что я хотѣлъ ѣхать къ вамъ и сказать, чтобы вы зажали нѣкоторымъ господамъ ротъ!

Князь очень хорошо догадался, что такое собственно хочет отрапортовать ему Николая.

— Какимъ господамъ?—спросилъ онъ его.

— А такимъ, которые говорятъ, что тамъ эта mademoiselle Жиглинская... вы, конечно, знаете ее... будто бы она переѣхала къ вамъ въ домъ.

— Это совершенно вѣрно, что она переѣхала,—отвѣчалъ князь.

— Да-съ... Но что кому до того за дѣло? Что за дѣло?.. — горячился Николая. — А, вѣдь, знаете, она чудо какъ хороша собой! — присовокупилъ онъ, явно желая тѣмъ подольститься къ князю.

— Да, хороша!—отвѣчалъ князь:—и вобразите, она мнѣ то же самое про васъ говорила; она видѣла васъ тамъ гдѣ-то на гуляньи и говорила: «какой, говоритъ, красавецъ изъ себя Оглоблинъ.»

— Я?.. Ха, ха, ха!—захохоталъ Николая.—Онъ заподозрилъ, что князь надъ нимъ подшучиваетъ и потому самъ хотѣлъ тоже отойти отъ него шуточкою.

— Увѣряю васъ,—продолжалъ между тѣмъ тотъ, совершенно серьезнымъ голосомъ: — и чтобъ убѣдиться въ томъ, пріѣзжайте ко мнѣ сегодня обѣдать, — у меня кстати будетъ Анна Юрьевна.

— Но, можетъ быть, у васъ именинный обѣдъ, а я въ визитѣ, — сказалъ Николая уже серьезно.

— Никакого нѣтъ имениннаго обѣда, а просто знакомые обѣдаютъ. Пріѣзжайте!.. Можете при этомъ полюбезничать съ mademoiselle Жиглинской.

— А вы не разсердитесь за это? — спросилъ Николая, лукаво прищуривая глаза и полагая, что онъ ужасно ядовито сказалъ.

— Нисколько, это совершенно не въ нашихъ

нравахъ.... Кромѣ того, у меня еще будетъ обѣдать одинъ полякъ.... эдакій, знаете, заклятый патріотъ польскій; ну а вы, я надѣюсь, патріотъ русскій.

— Надѣюсь!... Надѣюсь!...—шепелявилъ Никола со смѣхомъ, но въ тоже время самодовольно.

— А потому, если что коснется до патріотизма, то не ударьте себя въ грязь лицомъ и выскажите все, что у васъ на душѣ, — продолжалъ князь.

— Извольте!... извольте!... — говорилъ Никола еще самодовольнѣе.

На Тверской они разстались. Никола забѣжалъ къ парикмахеру, чтобы привести въ порядокъ свою прическу, а князь до самаго дома продолжалъ идти цѣшкомъ. Здѣсь онъ узналъ, что Жуквичъ уже пришелъ и сидѣлъ съ Еленой въ гостиной, куда князь, проходя черезъ залу, увидѣлъ въ зеркало, что Жуквичъ читаетъ какое-то письмо, а Елена очень внимательно слушаетъ его; но едва только она услышала шаги князя, какъ стремительно сдѣлала Жуквичу знакъ рукою, и тотъ сейчасъ же послѣ того спряталъ письмо. Князю это очень не понравилось, однако онъ рѣшился повиждать, что дальше будетъ, и въ гостиную вошелъ съ довольнымъ и веселымъ видомъ.

При входѣ его Жуквичъ всталъ на ноги.

— Извините-жь, ваше сіятельство, — проговорилъ онъ, склоняя передъ нимъ голову: — что я безъ вашего позволенія являюсь къ вамъ обѣдать; но паничъ Жиглинской угодно-жь было пригласить меня.

— Ничего, это все равно, — отвѣчалъ князь, протягивая къ нему руку.

Послѣ того князь сѣлъ и Жуквичъ сѣлъ.

— А у насъ сегодня будутъ обѣдать Анна Юрьевна и баронъ, — сказалъ князь Еленѣ.

— Вотъ какъ! — сказала та, немного удивленная этимъ.

— Потомъ прѣдетъ обѣдать и Николая Оглобинъ.

— Это еще зачѣмъ? — не утерпѣла и почти воскликнула Елена.

— За тѣмъ, что онъ теперь одинъ.... родитель его въ Петербургъ, кажется, уѣхалъ. Куда-жь ему, бѣдному, дѣваться? — проговорилъ князь насмѣшливымъ тономъ.

Елена поняла, надъ чѣмъ, собственно, онъ тутъ подтрунивалъ, и вспыхнула въ лицѣ.

Потомъ князь снова обратился къ Жуквичу.

— Это, вотъ, Анна Юрьевна-съ, о которой я сейчасъ говорилъ, кузина моя, и представьте себѣ, у нея ни много, ни мало, какъ около ста тысячъ годового дохода.

— Доходъ не малый! — сказалъ на это Жуквичъ, слегка ухмыляясь.

— Еще бы!... И можете себѣ вообразить: при такомъ состояннн она держитъ у себя въ обожателяхъ одного моего пріятеля, мужчину весьма некрасиваго и невзрачнаго.

— Но она, кажется, васъ прежде того желала сдѣлать своимъ обожателемъ? — перебила князя Елена.

— Меня — да; но что-жь дѣлать, я упустилъ тогда этотъ удобный случай.

— Теперь можете поправить это! — продолжала Елена.

— Что теперь!... Теперь она меня разлюбила, а другой бы очень могъ успѣть, потому что она прямо говоритъ про моего друга барона, что онъ—судакъ мерзлый.

Жуквичъ выслушивалъ весь этотъ разговоръ, по прежнему, съ небольшою улыбкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ равнодушнымъ выраженіемъ лица, которое ясно показывало, что все это его нисколько не интересуетъ.

— Гдѣ же вы живете здѣсь въ Москвѣ, monsieur Жуквичъ? — обратился къ нему еще разъ князь.

Жуквичъ назвалъ ему улицу и гостиницу, гдѣ жилъ.

— Это почти рядомъ съ нами! — воскликнулъ князь.

Жуквичъ на это ничего не сказалъ.

— Я очень рада тому: это даетъ вамъ возможность чаще бывать у насъ!—подхватила Елена, обращаясь къ нему.

Жуквичъ и ее поблагодарилъ только молчаливымъ наклоненіемъ головы.

Князь же, съ своей стороны, не повторилъ ея приглашенія Жуквичу.

Вскорѣ затѣмъ прибыла Анна Юрьевна съ барономъ.

Елена встала и вышла встрѣтить ее.

— Bonjour, моя милая, bonjour!—говорила Анна Юрьевна, входя и крѣпко пожимая Еленѣ руку.

Князь, между тѣмъ, какъ-то шаловливо привсталъ съ своего мѣста и шаловливо началъ знакомить всѣхъ другъ съ другомъ.

— Честь имѣю представить вамъ: господинъ

Жуквичъ!—говорилъ онъ Аннѣ Юрьевнѣ,—а это— графиня Анна Юрьевна!—говорилъ онъ потомъ тому;—а это—баронъ Мингеръ, мой другъ и пріятель!... а это—госпожа Жиглинская, а я, честь имѣю представить—коллежскій секретарь князь Григоровъ.

На это Анна Юрьевна махала только рукой.

— Козель какой!... Очень что-то разыгрался сегодня!...—говорила она, садясь на одномъ концѣ дивана, а на другомъ его концѣ помѣстилась Елена, второй, кажется, было не совсѣмъ ловко передъ Анной Юрьевной, да и та не вполнѣ свободно обращалась къ ней.

— Что это онъ такъ веселъ сегодня?—спросила Анна Юрьевна Елену, показывая на князя и не находя ничего другаго, съ чего бы начать разговоръ.

— Передъ слезами, вѣроятно!—отвѣчала Елена, саркастически сжимая губы.

— Зачѣмъ такъ злопророчествовать?... Я веселъ потому, что у меня собралось такое милое и пріятное общество!—отвѣчалъ князь не то въ насмѣшку, не то серьезно.

Баронъ Мингеръ съ самаго прихода своего молчалъ и только по-временамъ взглядывалъ на Жуквича, который, въ довольно красивой позѣ, стоялъ нѣсколько вдали и расправлялъ свою съ просьдью бороду. Пріѣхавшій наконецъ Никола окончателью запуталъ существовавшую и безъ того неловкость между всѣми лицами. Помня слова князя, что Елена будто бы называла его красавцемъ, Никола прямо и очень стремительно разлетѣлся къ ней, такъ что та съ удивленіемъ и почти съ испугомъ взглянула

на него. Она никогда даже не видала Николая и только слыхала о немъ, что онъ дуракъ великій.

Николай, видя, что его даже не узнаютъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ видъ, что не узнаютъ, обратился къ князю:

— Князь, представьте меня mademoiselle Жяглинской, — проговорилъ онъ.

— Это monsieur Оглоблинъ! — сказалъ князь, не поднимаясь съ своего мѣста.

Тогда Елена протянула руку Николаю, которую онъ съ восторгомъ пожалъ.

— А я васъ видалъ, клянусь Богомъ, видалъ! — говорилъ онъ, продолжая стоять передъ Еленой: — и именно въ театрѣ, въ бенуарѣ.

— Меня? — спросила Елена.

— Васъ, непременно васъ! — продолжалъ Николай какимъ-то даже патетическимъ голосомъ.

— Можетъ-быть, я иногда бываю въ театрѣ.

— Непременно васъ!... Я еще тогда... не помню кто-то сидѣлъ около меня... «посмотрите, говорю, какая красавица!»

Елена при этомъ немного даже смутилась.

— Подобныя вещи, я думаю, не говорятъ въ глаза, — сказала она.

— Ахъ, ma chère, чего отъ него другаго ждать! — объяснила ей почти вслухъ Анна Юрьевна.

— Почему не говорятъ? почему?... — сталъ было допрашивать Николая, дѣлая видъ, что словъ Анны Юрьевны онъ какъ-бы не слыхалъ совсѣмъ.

Елена хотѣла было ему отвѣчать, но въ это время доложили, что обѣдъ готовъ; всѣ пошли. Елена крайне была удивлена, когда князь повелъ гостей своихъ

не въ обычную, маленькую столовую, а въ большую, парадную, которая, по убранству своему, была одна изъ лучшихъ комнатъ въ домѣ князя. Она была очень длинная; потолокъ ея былъ украшенъ рѣзнымъ деревомъ; по одной изъ длинныхъ стѣнъ ея стоялъ огромный буфетъ изъ буйволовои кожи, съ тончайшею и изящнѣйшею рѣзною живописью; весь верхній ярусъ этого буфета былъ уставленъ фамильными кубками, вазами и бокалами князей Григоровыхъ; прямо противъ входа виднѣлся, съ огромнымъ зеркаломъ, карарскаго мрамора каминъ, а на противоположной ему стѣнѣ были разставлены на малиновой бархатной доскѣ, идущей отъ пола до потолка, японскія и севрскія блюда; мебель была средневѣковая, тяжелая, глубокая, съ мягкими подушками; посрединѣ небольшого, накрытаго на нѣсколько приборовъ, стола красовалось серебряное плато, изображающее, должно быть, одного изъ мифическихъ князей Григоровыхъ, убивающаго татарина; по бокамъ этого плато возвышались два чуть ли не золотые канделябра съ цѣлымъ десяткомъ свѣчей; кромѣ этого столовую освѣщали огромная люстра и нѣсколько бра по стѣнамъ. Человѣкъ шесть княжескихъ лакеевъ, одѣтыхъ въ черные фраки и бѣлые галстуки, стояли въ разныхъ мѣстахъ комнаты, и надъ всѣми ими надзиралъ почтенной наружности метръ д'отель. Устраивая такого рода роскошный обѣдъ, князь просто, кажется, дурачился, чтобы заглушить волновавшую внутри его досаду. Когда всѣ, наконецъ, усѣлись за столъ и Елена стала разливать горячее, то съ удивленіемъ посмотрѣла въ миску.

— Что это такое за супъ? — проговорила она.

— Разливайте ужь! — сказалъ ей на это князь.

Елена налила первую тарелку и подала ее, разумѣется, Аннѣ Юрьевнѣ. Та попробовала и съ удовольствіемъ взглянула на князя.

— Это черепаший супъ? — спросила она его.

— Черепаший, — подтвердилъ ей предположеніе князь.

— И тѣмъ хорошъ, что онъ по-французски сваренъ, а не по-англійски: не такъ густъ и слизистъ. Очень хорошо!... божественно!... — говорила Анна Юрьевна, почти съ жадностью глотая ложку за ложкой.

— Не дурно-съ... не дурно!... — повторялъ за ней князь, начиная ѣсть.

Николя тоже жадно ѣлъ, но больше потому, что онъ все на свѣтѣ жадно ѣлъ.

Елена и баронъ попробовали супъ и не стали его ѣсть.

— А вы какъ находите это блюдо? — спросилъ князь Жуквича, очень исправно съѣвшаго свою порцію.

— Превосходнѣйшее! — отвѣчалъ тотъ, склоняясь передъ нимъ.

— А не напоминаетъ ли онъ вамъ нашего послѣдняго съ вами обѣда въ Лондонѣ? — сказалъ князь.

Жуквичъ при этомъ какъ-то невесело улыбнулся.

— Я бы желалъ лучше совсѣмъ забыть этотъ обѣдъ! — проговорилъ онъ.

— Какой это обѣдъ? — полюбопытствовала Анна Юрьевна, пришедшая въ совершенно блаженное состояніе отъ скушеннаго супа.

— Господинъ Жуквичъ знаетъ какой... — отвѣтилъ князь.

За супомъ слѣдовали превосходныя бараньи котлеты, обложенныя трюфлями, такъ что Анна Юрьевна почти въ ражъ пришла.

— *Où prenez vous ces delicatesses!*... — воскликнула она.—Здѣсь на вѣсь золота нельзя добыть хоть сколько-нибудь сносной баранины.

— А я добылъ!... — произнесъ съ лукавствомъ князь.

— Я только въ Парижѣ такія котлеты и ѣдала, только въ одномъ Парижѣ! — обратилась Анна Юрьевна уже къ Жуквичу.

— Въ Брюсселѣ еще есть первоклассная баранина!—замѣтилъ ей тотъ съ почтеніемъ.

— *Oui!... c'est vrai!...* Да!—согласилась съ нимъ Анна Юрьевна, благосклонно улыбаясь при этомъ Жуквичу.

— Виномъ, кухня, тоже прошу не брезговать: бургондское у меня не дурное! — отнесся князь въ Аннѣ Юрьевнѣ, наливая ей цѣлый стаканъ.

Она попробовала сначала, а потомъ и выпила весь стаканъ.

— Лучше моего — знаешь?... гораздо лучше!... Налей мнѣ еще! — говорила Анна Юрьевна.

Князь налилъ ей еще стаканъ.

Баронъ при этомъ взмахнулъ глазами на Анну Юрьевну и сейчасъ ихъ потомъ снова опустилъ въ тарелку.

Князь, между тѣмъ, сталъ угощать Жуквича.

— Что вы не пьете!—сказалъ онъ, наливая ему стаканъ.

— О, благодарю васъ!—произнесъ тотъ, какъ-бы съ чувствомъ живѣйшей благодарности.

Никола Оглоблинъ, совершенно забытый хозяиномъ, сначала попробовалъ было любезничать съ Еленой.

— Скажите, вы гуляете по утрамъ на Кузнецкомъ? — спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, не гуляю! — отвѣчала она ему сухо.

— Гулять для здоровья даже нужно, — продолжалъ молодой человѣкъ.

— Зачѣмъ же я пойду для этого на Кузнецкій?... Я вотъ тутъ ближе могу гулять, на бульварѣ.

— На Кузнецкомъ болѣе пріятныя впечатлѣнія для дамъ!... Модныя вещи... модные наряды—все это ласкаетъ глаза!

— Но не на столько, чтобъ идти за такую даль,— проговорила Елена.

— Да, виновать! — воскликнулъ вдругъ Никола (онъ вспомнилъ, что Елена была нигилистка, а потому непременно должна была быть замарашкой и нарядовъ не любить).—Можетъ быть, вы наряды не цѣните и презираете? — произнесъ онъ съ нѣкоторымъ даже глубокомысліемъ.

— Напротивъ, я очень люблю наряды! — отвѣчала Елена.

Никола при этомъ осмотрѣлъ весь ея туалетъ и увидѣлъ, что она была прекрасно одѣта.

— Васъ не поймешь, ей-богу! — сказалъ онъ, какъ бы за что-то ужъ и обидѣвшись.

— Что такое во мнѣ непонятнаго? — возразила ему, смѣясь, Елена.

— Такъ, много непонятнаго! — продолжалъ Ни-

коля тѣмъ же недовольнымъ тономъ. Онъ очень хорошо понималъ, что ему съ такой умной и ученой госпожей не стговорить, а потому замолчалъ и, для развлеченія себя, принялся пить вино; но такъ какъ знаменитаго бургондскаго около него не было, то Николи началъ продовольствовать себя добрымъ портвейномъ, и такимъ образомъ, къ концу обѣда, нализался порядочно. Слыхавъ отъ вого-то, что англичане всегда грѣются у каминовъ послѣ обѣда, онъ, когда тутъ же въ столовой усѣлись пить кофе, не преминулъ стать къ камину задомъ и весьма нецеремонно раздвинулъ фалды у своей визитки. Въ противоположность ему, Жуквичъ велъ себя въ высшей степени скромно и прилично: помѣстившись на одномъ изъ креселъ, онъ первоначально довольно односложно отвѣчалъ на разспросы Анны Юрьевны, съ которыми она относилась къ нему, а потомъ, разговорившись, завелъ между прочимъ рѣчь объ Ирландіи, рассказалъ всю печальную зависимость этой страны отъ Англии, всѣ ея патріотическія попытки къ самостоятельности; рассказалъ подробно исторію феніевъ, трагическую участь нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ что Анна Юрьевна даже прослезилась. Елена слушала его съ серьезнымъ и чрезвычайно внимательнымъ выраженіемъ въ лицѣ; даже баронъ оставилъ пристальный взглядъ на Жуквича, и только князь слушалъ его съ какой-то недовѣрчивой полуулыбкой, потомъ, Николя Оглоблинъ, который взиралъ на Жуквича почти съ презрѣніемъ и ожидалъ только случая оспорить его, уничтожить, втоптать въ грязь. Князь замѣтилъ это и явно съ

умысломъ постарался открыть ему для этого свободное поприще.

— Вы, monsieur Жуквичъ, такъ прекрасно рассказываете объ Европѣ и о заграничной жизни вообще,—началъ онъ: — но вотъ рекомендую вамъ господина Оглоблина, у котораго тоже будетъ со временемъ тысячь полтораста годоваго доходу...

— Ну, нѣтъ, меньше!—перебилъ его Николая съ скромнымъ самодовольствомъ.

— Нѣтъ, не меньше! — возразилъ ему князь. — И, вообразите, онъ ни разу еще не былъ за-границей и говорить, что это дорого для него!

Николая при этомъ страшно покраснѣлъ; онъ не ѣздилъ за-границу чисто по страху,—изъ сознанія, что, по его глупости, тамъ, пожалуй, какъ-нибудь его совсѣмъ оберутъ.

— Я вовсе не потому не ѣду за-границу, вовсе не потому!—принялся онъ отшлепывать своимъ язычищемъ.

— А почему же? — спросилъ его князь, заранѣе почти знавшій его отвѣтъ.

— А потому-съ, что я русскій человѣкъ! — отвѣчалъ Николая:—я не хочу русскихъ денегъ мотать за-границею!

— Но для этого-жь такъ немного надобно денегъ, что это, конечно, никакого убытка не можетъ сдѣлать Россіи,—осмѣлился ему замѣтить Жуквичъ.

Николая яростно остервенился на него за это.

— Нѣтъ-съ, извините!—почти закричалъ онъ на всю комнату:—я буду думать: небольшія деньги!... другой!... Сколько теперь нашихъ богатыхъ людей

живеть за-границей, мотають наши деньги и сами ничего не дѣлають!...

Николя, попреимуществу, такъ опредѣленно и смѣло объ этомъ предметѣ выражался, что наканунѣ только передъ тѣмъ слушалъ такое именно разсужденіе одного пожилаго господина.

— И все-таки-жь отъ этого очень немного пропадаетъ русскихъ денегъ и русскаго труда! — осмѣлился ему еще разъ возразить Жуквичъ.

— Нѣтъ-съ, много! — оралъ на это Николя. — Мы, позвольте вамъ сказать, не польскіе магнаты, чтобы намъ зорить и продавать наше отечество.

Жуквичъ взмахнулъ глазами на Николя.

— Кто-жь это изъ польскихъ магнатовъ продалъ свое отечество? — спросилъ онъ тихо.

— Всѣ! — хватилъ Николи.

Князь замѣтно имъ былъ доволенъ и ободрялъ его глазами и движеніями.

— Voilà un benet, qui radote! — произнесла опять почти вслухъ Анна Юрьевна.

Елена сидѣла молча и надувшись: она очень хорошо понимала, что весь этотъ споръ съ умысломъ затѣялъ и устроилъ князь.

Жуквичъ тоже, кажется, догадался, съ какимъ господиномъ онъ спорилъ.

— Если всѣ, то конечно!... — произнесъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки.

— Рѣшительно всѣ! — продолжалъ орать Николя, ободренный такой уступчивостью Жуквича.

Анна Юрьевна, наконецъ, не въ состояніи была долѣе выслушивать его дурацкаго крику и, кромѣ

того, она съ нѣкотораго времени получила сильную привычку спать послѣ обѣда.

— Ну, прощай, однако, князь!—сказала она, приподнимаясь съ своего мѣста.—За то, что я пріѣхала къ тебѣ обѣдать, пріѣзжай ко мнѣ завтра вечеромъ посидѣть; обѣдать не зову: старикъ мой поваръ боленъ, а подростки ничего не умѣютъ; но мороженого хорошаго дамъ, нарочно зайду сама къ Трамбле и погрожу ему пальчикомъ, чтобы прислалъ самаго лучшаго. Пріѣзжайте и вы, пожалуйста!—прибавила Анна Юрьевна Жуквичу.

Тотъ сначала молча ей поклонился.

— Пріѣдете?—спросила она его еще разъ, протягивая ему руку и очень умильно взглядывая на него.

— Непремѣнно-съ,—отвѣчалъ онъ.

Баронъ при этомъ выпрямилъ себѣ спину и сталъ растирать грудь рукою.

— А вы, chère amie, конечно, пріѣдете?—отнеслась Анна Юрьевна ласково къ Еленѣ.

— Пріѣду,—отвѣчала та.

— Ну, поведемте, баронъ!—отнеслась Анна Юрьевна къ сему послѣднему.

— А что же вы, Анна Юрьевна, меня не зовете?—вскринулъ было ей вслѣдъ расходившійся Никола.

— Очень вы съ отцомъ вашимъ браните меня, такъ можете и не ѣздить ко мнѣ,—объяснила та ему прямо и пошла.

Баронъ въ томъ же молчаніи, которое сохранялъ все время, послѣдовалъ за ней, такъ что князь, провожая ихъ, спросилъ его даже:

— Что вы таковой сегодня?

— Нездоровится мнѣ что-то, — отвѣчалъ ему баронъ.

— Надобно беречь свое здоровье; нельзя имъ такъ рисковать! — проговорилъ князь, Богъ знаетъ что желая этимъ сказать; но баронъ не отвѣтилъ ему на это ни слова и поспѣшно началъ сходить съ лѣстницы.

Возвратясь въ столовую, князь бросился въ кресло и явно уже не скрывалъ, что онъ былъ сильно утомленъ.

Жуквичъ сейчасъ же это замѣтилъ и взялся за шляпу.

— Позвольте васъ поблагодарить... — началъ онъ.

— Не задерживаю васъ болѣе, не задерживаю, — сказалъ ему князь.

Жуквичъ затѣмъ издали поклонился Еленѣ.

— Завтра увидимся мы съ вами у Анны Юрьевны? — спросила его та.

— Да, я-жь буду, — отвѣтилъ Жуквичъ уходя.

— Можетъ быть, и мнѣ пора домой? — проговорилъ Никола, все еще стоявшій у камина и сильно опѣшенный послѣднимъ отвѣтомъ Анны Юрьевны.

— И васъ не задерживаю, и васъ... — сказалъ ему князь.

Николя, въ подражаніе Жуквичу, тоже издали поклонился Еленѣ и ушелъ.

Когда гости такимъ образомъ разъѣхались, князь всталъ и пошелъ было въ кабинетъ, но Елена спросила его:

— Это что за комедіи сегодня вы вздумали разыгрывать? <http://rcin.org.pl>

— Какія комедіи?—сказалъ князь, останавливаясь на минуту.

— А такія... Вы думаете, что васъ трудно понять...—произнесла Елена съ удареніемъ.

— Нисколько не думаю того! — отвѣтилъ князь и ушелъ: письмо, которое Жуквичъ такъ таинственно читалъ Еленѣ поутру передъ его приходомъ, не выходило у него изъ головы.

Что касается сей послѣдней, то надобно было имѣть темпераментъ Елены, чтобы понять, какъ она, въ продолженіи всего этого обѣда, волновалась и сердилась на князя. Приглашая Жуквича, Елена думала радушно угостить его, интимно побесѣдовать съ нимъ, и вдругъ князь назвалъ всю эту сволочь. Для чего это онъ сдѣлалъ? Чтобы досадить ей или чтобы унижить Жуквича?... Но за что же все это?... За то, что Жуквичъ имѣетъ извѣстнаго рода убѣжденія или за то, что онъ полякъ?... Но князь самъ нѣкоторымъ образомъ претендуетъ на такого рода убѣжденія, презирать же и ненавидѣть человѣка за его происхожденіе отъ враждебнаго, положимъ, намъ племени можетъ только дикарь. Далѣе, затѣмъ, Елена перешла и къ иному предположенію: очень естественно, что князь, по своей доходящей до невѣроятныхъ предѣловъ подозрительности, ревнуетъ ее къ Жуквичу. «Въ такомъ случаѣ, онъ сумасшедшій и невыносимый, по характеру, человѣкъ!»—почти воскликнула сама съ собой Елена, сознавая въ душѣ, что она въ помыслахъ даже ничѣмъ не виновата передъ княземъ; но въ то же время приносить въ жертву его капризамъ всѣ свои симпатіи и антипатіи къ другимъ людямъ. Елена вивать не хотѣла, а потому

рѣшилась, сколько бы ни противодействовалъ этому князь, чтобы онъ ни выдѣлывалъ, сблизиться съ Жуквичемъ, подружиться даже съ нимъ и содѣйствовать его планамъ, которые онъ тутъ будетъ имѣть, а что Жуквичъ, хоть и сосланный, не станетъ спдѣть сложа руки, въ этомъ Елена почти не сомнѣвалась, зная, по слухамъ, какого несокрушимаго закала польскіе патріоты.

III.

Баронъ, какъ мы видѣли, былъ очень печаленъ, и грусть его проистекала изъ того, что онъ день ото дня все больше и больше начиналъ видѣть въ себѣ человѣка съ окончательно испорченною житейскою карьерою. Гдѣ эта прежняя его дѣятельная, исполненная почти-каждогодичнымъ служебнымъ повышеніемъ, жизнь? Гдѣ его честолюбивыя мечты и надежды на будущее? Подъ сѣнью благосклоннаго крыла Михаила Борисыча, баронъ, почти навѣрное, рассчитывалъ сдѣлаться со временемъ сановникомъ; но вдругъ колесо фортуны повернулось иначе, и что теперь вышло изъ него? Барону совѣстно даже было самому себѣ отвѣчать на этотъ вопросъ. Сближаясь съ Анной Юрьевной, онъ первоначально никакъ не ожидалъ, что объ этомъ такъ скоро узнается въ обществѣ и что это поставитъ его въ столь щекотливое положеніе. Баронъ судилъ въ семъ случаѣ нѣсколько по Петербургу, гдѣ долгіе годы можно дѣлать что угодно, и никто не будетъ на то обращать большаго вниманія; но Москва оказалась другое

дѣло: по выраженіямъ лицъ разныхъ знакомыхъ, по-сѣщавшихъ Анну Юрьевну, баронъ очень хорошо видѣлъ, что они понимаютъ его отношенія къ ней и втайнѣ подсмѣиваются надъ нимъ. «Другое бы дѣло, рассуждалъ онъ, еслибъ Анна Юрьевна вышла за него замужъ, — тогда бы онъ явился представителемъ ея богатства, ея связей, могъ бы занять мѣсто какого-нибудь попечителя одного изъ благотворительныхъ учрежденій и получать тутъ звѣзды и ленты, — словомъ, занялъ бы извѣстное положеніе.» Но Анна Юрьевна всегда только отшучивалась, когда онъ намекалъ ей на замужество. Появленіе Жуквича окончательно напугало барона: не даромъ точно каленымъ желѣзомъ кто ударилъ въ грудь его при первыхъ же словахъ князя объ этомъ господинѣ. Жуквичъ показался барону весьма красивымъ, весьма проницательнымъ и умнымъ и, вдобавокъ къ тому, Анна Юрьевна, съ замѣтнымъ удовольствіемъ разговаривавшая съ Жуквичемъ на обѣдѣ у князя, поспѣшила сейчасъ же пригласить его къ себѣ на вечеръ. Очень естественно, что она можетъ заинтересоваться Жуквичемъ и пропишетъ барону отставку; въ такомъ случаѣ ему благовиднѣе было самому убраться заранѣе, тѣмъ болѣе, что баронъ, управляя совершенно безконтрольно имѣніемъ Анны Юрьевны, успѣлъ скопить себѣ тысячекъ тридцать, — сумма, конечно, небольшая, но достаточная для того, чтобы переѣхать въ Петербургъ и выждать тамъ себѣ мѣста. Все это баронъ обдумывалъ весь вечеръ и всю бессонную ночь, которую провелъ по пріѣздѣ отъ князя, и чтобы не томить себя долѣе, онъ рѣшился на другой же день переговорить объ этомъ съ

Анной Юрьевой и прямо высказать ей, что если она не желаетъ освятить бракомъ ихъ отношеній, то онъ вынужденнымъ находится оставить ее навсегда. Но такое рѣшеніе все-таки было довольно сильное, и баронъ очень затруднялся, съ чего именно начать ему свое объясненіе съ Анной Юрьевой, а потому невольно медлилъ идти къ ней и оставался у себя внизу часовъ до трехъ, такъ что Анна Юрьевна, еще вчера замѣтившая, что баронъ за что-то на нее дуется, обезпokoилась этимъ и нѣсколько разъ спрашивала людей:

— Да что баронъ дѣлаетъ и нейдетъ ко мнѣ?

— У себя сидятъ-съ,—отвѣчали ей тѣ.

Терпѣнье Анны Юрьевны лопнуло: она сама рѣшилась идти къ нему.

Тяжело и неловко спустившись по винтообразной лѣстницѣ внизъ, Анна Юрьевна вошла въ кабинетъ къ барону, гдѣ увидѣла, что онъ, въ халатѣ и съ блѣднымъ отъ бессонницы лицомъ, сидѣлъ на одномъ изъ своихъ дивановъ.

— Ты боленъ? — спросила она, вглядываясь въ него.

— Нѣтъ, не боленъ!—отвѣчалъ баронъ.

— Отчего-жь нейдешь ко мнѣ навверхъ? Ухъ, задохнулась совсѣмъ!—присовокупила Анна Юрьевна, усаживаясь на другомъ диванѣ.

Баронъ нѣкоторое время замѣтно колебался.

— Я все обдумывалъ одно мое предположеніе...— заговорилъ онъ, наконецъ, серьезнымъ и какимъ-то даже мрачнымъ голосомъ. — Признаюсь, играть при васъ ту роль, которую я игралъ до сихъ поръ, мнѣ

становится невыносимо: тому, что я привязанъ къ вамъ по чувству, конечно, никто не повѣритъ.

— Да и вѣрить тому нельзя,—перебила его Анна Юрьевна:—меня *по чувству* въ молодости только и любилъ одинъ мужчина, да и то потому, что дуракъ былъ!

— Вотъ видите!.. Вы сами даже не вѣрите тому!..—продолжалъ баронъ.—Чѣмъ же я послѣ этого долженъ являться въ глазахъ другихъ людей?... Какой-то камеліей во фракъ!

— Ну что за пустяки,—произнесла Анна Юрьевна, хотя въ душѣ почти сознавала справедливость словъ барона.—Но какъ же помочь тому?—прибавила она.

— Очень просто,—отвѣчалъ баронъ:—я нѣсколько разъ намекалъ вамъ, что положеніе мое будетъ совершенно другое, когда вы... (баронъ приостановился на нѣкоторое время) когда вы выйдете за меня замужъ, и мы обвѣнчаемся.

Анна Юрьевна при этомъ захохотала.

— Quelle absurdité!... Что еще выдумалъ!... — сказала она.

— Если вы находите, что это абсурдъ съ моей стороны, то я завтра же буду имѣть честь пожелать вамъ всего хорошаго и уѣду въ Петербургъ.

— Oh, folie!...—воскликнула Анна Юрьевна съ испугомъ. — Но я безъ смѣха вообразить себѣ не могу, какъ я, такая толстая, надѣну вѣнчальное платье!

— Вѣнчальное платье можете не надѣвать: мы сдѣлаемъ это очень скромно.

— Назонецъ, я прямо тебѣ скажу: j'ai peur du

mariage!... Меня мужъ, пожалуй, бить станетъ: зачѣмъ я, старая хрычевка, замужъ шла!...

— Нѣтъ, я васъ бить не стану!—произнесъ баронъ съ нѣкоторымъ чувствомъ.

— Когда же ты хочешь, чтобъ я вышла за тебя?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—хоть на этой же недѣлѣ.

— Ха, ха, ха! — опять начала смѣяться Анна Юрьевна:—я все не могу представить себѣ невѣстою себя! Бочка сороковая этакая—невѣста!..

Баронъ на это молчалъ: онъ видѣлъ уже, что Анна Юрьевна согласится выйти за него замужъ.

— Потомъ-съ,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного: — женясь на васъ, я окончательно обрубаю для себя всякую иную житейскую карьеру и, покуда вы будете сохранять ко мнѣ ваше милостивое вниманіе, я, безъ сомнѣнія, буду всѣмъ обезпеченъ; но, можетъ быть, въ одно прекрасное утро... напередъ испрашиваю извиненія въ моемъ предположеніи... въ одно утро, не смотря на то, что я буду мужъ вашъ, вы вздумаете сказать мнѣ: «убирайтесь вонъ!»—и я очутюсь на голомъ снѣгу, ни съ чѣмъ...

— За что же я скажу тебѣ это?

— Да хоть за то, что вамъ понравится какой-нибудь другой мужчина.

— Вотъ что выдумалъ!... понравится другой мужчина! Знаю я васъ: vous êtes tous les mêmes mauvais et detestables!

— Не ручайтесь, Анна Юрьевна, не ручайтесь!—сказалъ баронъ опять съ нѣкоторымъ чувствомъ:—ни одинъ человекъ не можетъ сказать, что онъ будетъ завтра!

— А я могу, потому что я стара...

Баронъ пожалъ плечами.

— Не на столько, мнѣ кажется, еще... а потому я просилъ бы васъ обезпечить меня при жизни и хоть небольшую часть вашего состоянія передать мнѣ.

— Да изволь, если ужъ это такъ тебя беспокоитъ! — сказала, слегка усмѣхнувшись, Анна Юрьевна. — Я, пожалуй, когда ты сдѣлаешься моимъ мужемъ, и на остальное мое имѣнье дамъ тебѣ завѣщаніе!... Что мнѣ какимъ-то родственникамъ моимъ, шелопаямъ, оставлять его.

— Благодарю васъ за это! — произнесъ баронъ и, вставъ со своего мѣста, поцѣловалъ у Анны Юрьевны руку.

— Ахъ, однако, какой ты плутъ! — сказала она ему, погрозя пальцемъ.

— Что дѣлать!.. — отвѣчалъ баронъ, улыбаясь: — еще Грибоѣдовъ сказалъ: «что умный человекъ не можетъ быть не плутъ».

— Ну да, оправдывайся Грибоѣдовымъ! — произнесла Анна Юрьевна и больше не въ состояніи была шутить: предложеніе барона замѣтно ее встревожило; лицо Анны Юрьевны, какъ-бы противъ воли ея, приняло недовольное выраженіе, такъ что баронъ, замѣтивъ это, немножко даже струхнулъ, чтобъ она не передумала своего рѣшенія.

— Но, можетъ быть, вамъ жаль перемѣнить ваше графство на баронство? — спросилъ онъ ее, какъ-бы нѣсколько шутя.

— Э, стану я объ этомъ жалѣть! — проговорила Анна Юрьевна почти презрительнымъ тономъ: —

жалъ мнѣ моей свободы и независимости! — присо-
вокупила она съ легкой досадою.

— Вы нисколько и не утратите ее! — возразилъ баронъ.

— Увидимъ! — отвѣчала, вздохнувъ, Анна Юрьевна и вскорѣ ушла наверхъ въ свой будуаръ, гдѣ продолжала быть задумчивою и какъ-бы соображающей что-то такое. Баронъ, напротивъ, оставшись одинъ, предался самымъ пріятнымъ соображеніямъ: Анна Юрьевна, конечно, передастъ ему при жизни довольно порядочную долю своего состоянія; такимъ образомъ жизнь его устроится никакъ не хуже того, если бы онъ служилъ все это время и, положимъ, дослужился бы даже, что почти невѣроятно, до министровъ; но что же изъ этого? Чтобы долго удержаться на этомъ щекотливомъ и отвѣтственномъ посту, надобно было имѣть или особенно сильныя связи, или какія-нибудь необыкновенныя, геніальныя способности; но у барона, какъ и самъ онъ сознавалъ, не было ни того, ни другаго; а потому онъ очень хорошо понималъ, что въ концѣ концовъ очутится членомъ государственнаго совѣта, то есть, станетъ получать весьма ограниченное содержаніе. Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ больше бы удовлетворилось его самолюбіе и онъ бы больше стяжалъ въ жизни почестей. «Но если здраво разсмотрѣть, что такое въ сущности всѣ эти мундиры шитые, кресты, ленты и даже чины?.. Одна только мишура и громкія слова!» философствовалъ баронъ. Кромѣ того, идя по служебному пути, онъ не скопилъ бы тридцати тыщенокъ, которыя теперь покоились у него въ карманѣ и которыя онъ, продол-

жая управлять имѣніемъ Анны Юрьевны, надѣялся еще увеличить; не было бы впереди этого огромнаго наслѣдства, которое она обѣщала завѣщать ему. Конечно, какъ женщина, Анна Юрьевна была не совсѣмъ привлекательна. «Но нельзя же, чтобы въ женѣ соединились всѣ достоинства!» утѣшалъ себя и въ этомъ случаѣ баронъ.

Часамъ къ восьми вечера богатый домъ Анны Юрьевны былъ почти весь освѣщенъ. Баронъ, франтовато одѣтый, пришелъ изъ своего низу и съ гордымъ, самодовольнымъ видомъ началъ расхаживать по всѣмъ параднымъ комнатамъ. Онъ на этотъ разъ какъ-то болѣе обыкновеннаго строго относился къ проходившимъ взадъ и впередъ лакеямъ, приказывая имъ то лампу поправить, то стереть тутъ и тамъ пыль, — словомъ, замѣтно, начиналъ чувствовать себя нѣкоторымъ образомъ хозяиномъ всей этой роскоши.

Вскорѣ пріѣхали князь и Елена. Анна Юрьевна только передъ самымъ ихъ появленіемъ успѣла кончить свой туалетъ и вышла изъ своей уборной. Вслѣдъ за княземъ пріѣхалъ и Жуквичъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! — говорила Анна Юрьевна, пожимая всѣмъ имъ руки. — Пойдемъ, однако, князь, со мной на минуту, — мнѣ нужно переговорить съ тобой два, три слова! — присовокупила она и, взявъ князя подъ руку, увела его въ свой будуаръ.

Баронъ догадался, что разговоръ между ними

будеть происходить о предстоящей свадьбѣ, а потому тихими шагами тоже пошелъ за ними. Комнаты въ домѣ Анны Юрьевны были расположены такимъ образомъ: прямо изъ залы большая гостиная, гдѣ остались вдвоемъ Жуквичъ и Елена; затѣмъ малая гостиная, куда войдя, баронъ остановился и сталъ прислушиваться къ начавшемуся въ будуарѣ разговору между княземъ и Анной Юрьевной.

— Ты знаешь, — начала она, какъ только они усѣлись: — я замужъ выхожу?

— Вы?... Но за кого же?... — спросилъ князь удивленнымъ голосомъ.

— Конечно за барона! — отвѣчала Анна Юрьевна.

— Зачѣмъ вамъ это понадобилось? — продолжалъ князь.

— Онъ присталъ; онъ этого требуетъ!

— А, вотъ что! — произнесъ князь, почесавъ у себя за ухомъ.

— Говорить, что его положеніе въ обществѣ неприлично. И точно что, — самъ согласись, — оно не совсѣмъ ловкое.

— Онъ это положеніе, я думаю, прежде бы долженъ былъ предвидѣть, — замѣтилъ князь.

— Да; но оно сдѣлалось теперь ему невыносимымъ.

Князь сомнительно усмѣхнулся.

— Я хотѣла тебя спросить объ одномъ, — приговорила Анна Юрьевна: — не зодъ ли онъ очень? Можетъ быть онъ скрываетъ отъ меня это... Tu le connais de longue date; c'est ton ami.

При этомъ вопросъ Анны Юрьевны, баронъ весь превратился въ слухъ.

— Нѣтъ, не золь! — отвѣчалъ князь протяжно.

— А что же онъ? — спросила Анна Юрьевна, понявъ, что князь тутъ кое-чего не договариваетъ.

— По моему, во первыхъ, онъ пусть, а потомъ подловать немного, — извините, что я такъ выражаюсь! — заключилъ князь.

— Ничего! — отвѣчала Анна Юрьевна.

Баронъ невольно даже отшатнулся отъ драпировки, къ которой приложилъ свое ухо.

— Это еще ничего! — продолжала Анна Юрьевна: — но я боюсь, чтобы онъ капризничать, командовать надо мной не сталъ очень.

— Вы сами ему не поддавайтесь, — возразилъ ей князь.

— Я не поддамся, конечно... Я помню, какъ и тотъ мой мужъ вздумалъ было на меня кричать, что я долго одѣваюсь на балъ, я взяла да банкой съ духами и пустила ему въ лицо; но все же неприятно имѣть въ домъ бури, особенно на старости лѣтъ...

— Но отчего баронъ такъ вдругъ вздумалъ требовать вашей руки?... Отъ ревности, что ли? — спросилъ князь, слегка усмѣхаясь.

— *C'est possible!*... *je n'en sais rien!* — отвѣчала, усмѣхнувшись, Анна Юрьевна, — и требуетъ еще чтобъ я, выйдя за него, отдала ему часть моего состоянія.

— Состоянія, однако, требуетъ?... Не дуракъ, значить, онъ.

— Какой дуракъ!... Онъ очень умный и расчет-

ливый человекъ, но это Богъ съ нимъ! Я ему дамъ; а главное, скажи, какъ по нашимъ законамъ: могу я всегда отдѣлаться отъ него?...

— Почему же не можете?... Можете!

— *Par consequent tu m'encourages!* — заключила Анна Юрьевна.

Князь нѣкоторое время подумалъ.

— Ничего особеннаго не имѣю сказать противъ того, — проговорилъ онъ наконецъ. Его въ это время, впрочемъ, занимала больше собственная, довольно безпокойная мысль. Ему пришло въ голову, что баронъ могъ уйти куда-нибудь изъ гостиной и оставить Жуквича съ Еленой съ глазу на глазъ, чего князь вовсе не желалъ.

— И такъ все? — сказалъ онъ, вставая.

— Все! — отвѣчала Анна Юрьевна.

Баронъ въ эту минуту юркнулъ, но не въ большую гостиную, а черезъ маленькую дверь во внутреннія комнаты. Не смотря на причиненную ему досаду тѣмъ, что тутъ говорилось про него, онъ однако былъ доволенъ, что поделушалъ этотъ разговоръ, изъ котораго узналъ о себѣ мнѣніе князя, а также отчасти и мнѣніе Анны Юрьевны, соображаясь съ которымъ онъ рѣшился впередъ дѣйствовать съ нею.

Князь не даромъ безпокоился: у Елены съ Жуквичемъ, въ самомъ дѣлѣ, происходилъ весьма интимный разговоръ. Какъ только остались они вдвоемъ въ гостиной, Елена сейчасъ же обратилась къ Жуквичу:

— Вы, однако, не дочитали мнѣ письма, которое вчера получили.

— Я-жь его привезь сюда! — отвѣчалъ Жуквичъ и, вынувъ изъ кармана письмо, подалъ его Еленѣ.

Елена принялась читать письмо, а Жуквичъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, съ цѣлью, кажется, наблюдать, что бы не вошелъ кто нечаянно.

Елена, дочитавъ письмо, измѣнилась даже вся въ лицѣ.

— Это ужасно! — произнесла она.

Жуквичъ молча принялъ отъ нея письмо и положилъ его снова въ карманъ: грусть и почти скорбь отражались въ глазахъ его.

— Надобно какъ можно скорѣе пособить имъ, — сказала Елена стремительно.

— А чѣмъ?... — возразилъ ей печальнымъ голосомъ Жуквичъ.—У меня-жь ничего нѣтъ: все взято и отнято правительствомъ!

— У меня тоже рѣшительно ничего нѣтъ, — подхватила Елена, смотря себѣ на гутаперчевые браслеты, и готовая, кажется, ихъ продать. — Но вотъ чего я не понимаю, — продолжала она: — какимъ образомъ было имъ эмигрировать, не взявъ и не захвативъ съ собой ничего!

— Однимъ нечего было захватить, — отвѣчалъ съ грустною улыбкой Жуквичъ: — другіе-жь не успѣли.

— Въ такомъ случаѣ я лучше бы осталась дома и никуда не пошла?

— Да; но человѣку жить желается, — его жь инстинктъ влечетъ къ тому; остаться значило—навѣрное быть повѣшеноу.

— Потомъ еще, — допытывалась Елена, — они жили

до сихъ поръ!... Этому уже лѣтъ пять прошло, какъ они эмигрировали; но отчего они вдругъ всѣ разо-
рились?

— О, тому причина большая есть!... — подхва-
тилъ Жуквичъ:—до послѣдняго времени правитель-
ство французское много поддерживало... въ Англіи
тоже цѣлыя общества помогали, въ Германіи тоже....

— А теперь, что же, они прекратили эту по-
мощь?

Жуквичъ грустно склонилъ при этомъ свою го-
лову.

— Теперь прекратили!... Прусско-австрійская
война какъ-будто-жъ всему міру перевернула голову
на изнанку; забыли-жъ всякій долгъ, всякую обя-
занность въ другимъ людямъ; всѣмъ стало до себя
только!...

— Ужасно!—повторила еще разъ Елена.—Нельзя
ли въ Москвѣ составить подписку въ пользу ихъ?...
Я почти увѣрена, что многіе подпишутся.

— Въ Москвѣ-жъ... подписку въ пользу польскихъ
эмигрантовъ?... Что вы, панна Жиглинская!—почти
воскликнулъ Жуквичъ.

Елена сама поняла всю несбыточность своего пред-
положенія.

— Въ такомъ случаѣ составьте подписку только
между поляками московскими, — тѣ должны отдать
все; я хоть полуполька какая-то, но покажу имъ при-
мѣръ: я отдамъ всѣ мои платья, всѣ мои вещи, всѣ
мои книги!

— И все это будетъ такая-жъ брѣвня въ морѣ, —
произнесъ Жуквичъ.—Вы прочтите: двѣсти семействъ
безъ платья, безъ крова, безъ хлѣба!...

У Жуквича при этомъ даже слезы выступили на глазахъ, у Елены тоже онѣ искрились на ея черныхъ зрачкахъ.

— Ну, такъ вотъ что! — начала она: — я просто скажу князю, чтобы онъ послалъ имъ денегъ сколько только можетъ!

— О, нѣтъ, нѣтъ!... — опять воскликнулъ Жуквичъ, кивая отрицательно головой. — Вы-жь не знаете, какой князь заклятый врагъ поляковъ.

— Тутъ дѣло не въ полякахъ, — отвѣчала Елена: — а въ угнетенныхъ, въ несчастныхъ людяхъ. Кроме того, я не думаю, чтобъ онъ и противъ поляковъ имѣлъ что-нибудь особенное.

— Противъ-жь поляковъ онъ имѣеть!... Я могу вамъ это доказать ясно, какъ Божій день, изъ его заграничной жизни.

— Пожалуйста, я никогда ничего подобнаго отъ него не слыхала! — проговорила Елена съ замѣтнымъ любопытствомъ.

Жуквичъ нѣкоторое время медлилъ и какъ-бы собирался съ мыслями.

— Это было жъ въ Лондонѣ, — началъ онъ, замѣтно приготовляясь къ длинному разсказу. — Я-жь самъ, къ сожалѣнію, былъ виновникомъ тому, что произошло... Былъ митингъ въ пользу поляковъ въ одной тавернѣ!... Возстаніе польское тѣмъ временемъ лишь началось... Я только прибылъ изъ Польши и, какъ живой свидѣтель, подъ вліяніемъ не остывшихъ впечатлѣній, сталъ разсказывать о томъ, какъ наши польскія дамы не совсѣмъ, можетъ, вѣжливо относятся къ русскимъ офицерамъ... какъ потомъ были

захвачены въ казармахъ солдаты и всѣ уничтожены... Вдругъ князь, который былъ тутъ же, вскакиваетъ... Я передаю-жь вамъ, нисколько не преувеличивая и не прикрашивая это событіе: онъ былъ блѣденъ, какъ листъ бумаги!... Голосъ его былъ это-жь голосъ звѣря разъяреннаго. «Если-жь, говоритъ, вы такъ поступаете съ нашими, ни въ чемъ не виноватыми солдатами, то влянусь вамъ честью, что я самъ съ перваго-жь изъ васъ сдеру съ живаго шкуру!» Всѣхъ такъ-жь это удивило: друзья князя стали было его уговаривать, чтобы онъ попросилъ извиненья у всѣхъ; онъ-жь и слушать не хочетъ и кричитъ: «пусть, говоритъ, идутъ со мной-жь на дуэль, кто обиженъ мною!...».

Елена слушала Жуквича съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ: она хоть знала нерасположеніе князя къ полякамъ, но все-таки не ожидала, чтобы онъ могъ дойти до подобной дикой выходки.

— Это, можетъ быть, тогда произошло подъ вліяніемъ какой-нибудь случайной минуты, но теперь, я надѣюсь, этого не повторится, — проговорила она.

— Вы думаете-жь?—спросилъ ее Жуквичъ.

— Совершенно увѣрена въ томъ! — отвѣчала Елена.

— Развѣ-жь красота женская способна такъ измѣнить человѣка?...—сказалъ, пожимая плечами, Жуквичъ:—А я-жь полагаю, что князь мнѣ будетъ даже мстить, что я передалъ вамъ о положеніи моихъ несчастныхъ собратьевъ.

— Но чѣмъ онъ можетъ мстить вамъ?... Не до-

ность же онъ на васъ сдѣлаетъ,—возразила ему Елена, уже обидѣвшись за князя.

Разговоръ ихъ при этомъ долженъ былъ прекратиться, потому что въ гостиную вошли Анна Юрьевна и князь. Сей послѣдній, какъ только взглянулъ на Елену, такъ сейчасъ догадался, что между ею и Жуквичемъ происходила весьма одушевленная и замѣтно взволновавшая ихъ обоихъ бесѣда. Такое открытіе, разумѣется, не могло быть ему пріятнымъ и придало ему тревожный и обеспокоенный видъ. Анна Юрьевна тоже явилась какая-то все еще разстроенная, да и баронъ, вскорѣ пришедшій, никакъ не могъ скрыть непріязни, которая родилась у него противъ князя за его отзывъ о немъ. Вечеръ, вслѣдствіе всего этого, началъ тянуться весьма неодушевленно, и даже превосходнѣйшимъ образомъ приготовленное пороженое никого не развлекло: хозяева и гости очень были рады, когда приличіе позволило симъ послѣднимъ двинуться по домамъ.

Князя до того мучила замѣчаемая имъ интимность между Еленой и Жуквичемъ, что онъ, вѣдучи въ каретѣ съ нею, не утерпѣлъ и сказалъ ей:

— Когда я вчера возвратился домой по-утру и входилъ въ гостиную, то случайно, конечно, видѣлъ въ зеркало, что Жуквичъ вамъ читалъ какое-то письмо.

— Да, читалъ! — отвѣчала Елена, несколько не смутившись.

— Но отъ кого же это письмо и какого рода?—спросилъ князь.

— Объ этомъ много говорить надобно, а я сегодня слишкомъ утоплена для того.

— Но вы, однако, мнѣ скажете это?

— Непремѣнно, — отвѣчала Елена.

У князя точно камень спалъ съ души.

— А когда именно скажете? — присовокупилъ онъ.

— Завтра, вѣроятно! — отвѣчала Елена.

Она хотѣла прежде обдумать хорошенько, съ чего ей начать и какъ лучше подѣйствовать на князя, который, съ своей стороны, убѣдясь, что между Еленой и Жуковичемъ начались не сердечныя отношенія, а, вѣроятно, какія-нибудь политическія, предположилъ по этому поводу поговорить съ Еленой серьезно.

IV.

На другой день князь Григоровъ совершенно неожиданно получилъ письмо съ заграничнымъ штемпелемъ. Адресъ былъ написанъ незнакомой ему рукою. Какъ-бы заранѣе предчувствуя что-то недоброе, князь, съ нѣкоторымъ страхомъ, распечаталъ это письмо и прочелъ его. Оно было отъ госпожи Петидкой и нѣсколько загадочнаго содержанія. «Извините, князь, — писала она, — что я беспокою васъ; но счастье и спокойствіе вашей супруги заставляютъ меня это дѣлать. Извѣстный вамъ человекъ, который преслѣдуетъ княгиню всюду за границей, позволяетъ себѣ то, чего я вообразить себѣ никогда не могла: онъ каждодневно бываетъ у насъ и иногда въ весьма непривлекательномъ, пьяномъ видѣ; каждую минуту говоритъ князю колкости и дерзости; она при

немъ не знаетъ какъ себя держать. Я нѣсколько разъ умоляла ее сбросить съ себя эту ужасную ферулу; но она, какъ-бы очарованная чарами этого демона, слышать объ этомъ не хочетъ и совершенно убѣждена, что онъ тѣмъ только существуетъ на свѣтѣ, что можетъ видѣть ее. Вашъ совѣтъ и ваше слово, я увѣрена въ томъ, могущественнѣе всего подѣйствуютъ на княгиню. Она до сихъ поръ сохранила еще къ вамъ самое глубокое уваженіе и самую искреннюю признательность; а ваша доброта, конечно, подскажетъ вамъ не оставлять совершенно въ безпомощномъ состояніи бѣдной жертвы въ рукахъ тирана, тѣмъ болѣе, что здоровье княгини таетъ съ каждымъ днемъ и я даже опасаюсь за ея жизнь».

Письмо это очень встревожило князя. Онъ порывисто и сильно позвонилъ.

Вбѣжалъ лакей.

— Позови сюда скорѣе Елену Николаевну!—сказалъ князь, забывъ совершенно, что такое безпокойство его о женѣ можетъ не понравиться Еленѣ и что она въ этомъ случаѣ будетъ ему плохая совѣтница. Елена, когда ее позвали къ князю, непремѣнно полагала, что онъ будетъ говорить съ нею о Жуквичѣ, а потому, съ своей стороны, вошла къ нему въ кабинетъ тоже въ не совсѣмъ спокойномъ состояніи, но впрочемъ съ рѣшительнымъ и смѣлымъ видомъ.

— Посмотри, что мнѣ пишутъ изъ за-границы!—сказалъ князь, подавая Еленѣ письмо Петяцкой.

Елена поспѣшила прочесть его.

— Что же изъ этого?—спросила она совершенно равнодушнымъ голосомъ князя.

— Ничего изъ этого!—отвѣчалъ онъ: — только

господинъ этотъ можетъ уморить княгиню, — больше ничего!

— Это очень бы, конечно, было жаль! — сказала Елена протяжно и, будучи совершенно убѣждена, что Петицкая отъ перваго до послѣдняго слова нагала все, она присовокупила: — изъ этого письма я вовсе не вижу такой близкой опасности, особенно если принять въ расчетъ, къмъ оно писано.

— Оно писано женщиной, очень хорошо знающей настоящую жизнь Миклакова и княгини, — отвѣчалъ князь.

— Но ты забылъ, что эта женщина — врунья, сплетница, завистница! — возразила ему Елена.

— Все это, можетъ быть, справедливо! — согласился князь: — но тутъ-то она не имѣетъ никакой цѣли ни лгать, ни выдумывать.

— Цѣль ея, вѣроятно, заключается въ ея гадкой и скверной натуре, жаждущей дѣлать гадости и подлости на каждомъ шагу!

— Что Миклаковъ золь, желченъ и пьяница, — это я знаю безъ госпожи Петицкой!... — возразилъ князь.

— И я тоже это знаю, — подтвердила Елена: — но въ то же время убѣждена, что, при всѣхъ своихъ дурныхъ качествахъ, онъ не станетъ никакой въ мирѣ женщины мучить и оскорблять.

— Это только твои предположенія, которыя надобно еще доказать.

— Доказать это, по-моему, очень не трудно, — отвѣчала, подумавъ, Елена. — Пошли за Жуквичемъ и разпроси его: онъ очень еще недавно, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, каждодневно видѣлся съ княгиней и съ Миклаковымъ, и я даже спрашивала у него: хорошо ли все у нихъ идетъ?

— Что же онъ тебѣ сказалъ на это? — перебилъ ее стремительно князь.

— Сказалъ, что все у нихъ мирно.

— Что еще потомъ онъ тебѣ говорилъ объ этомъ?

— Да я не спрашивала его особенно много...

Пошли, я тебѣ говорю, за нимъ и самъ спроси его.

Князь размышлялъ нѣкоторое время.

— Тутъ одно неудобство—совершенно посторонняго человѣка посвящать въ подобныя интимныя вещи...—проговорилъ онъ.

— Какія же это интимныя вещи, о которыхъ все, я думаю, знаютъ,—возразила Елена.

Князь еще однако подумалъ немного; потомъ, видно, рѣшившись, довольно сильно позвонилъ. Явился лакей.

— Поди къ господину Жуквичу, — началъ онъ приказывать лакею, и при этомъ назвалъ улицу и гостиницу, гдѣ жилъ Жуквичъ:—и попроси его пожаловать ко мнѣ, такъ какъ мнѣ нужно его видѣть по весьма важному дѣлу.

У Елены, въ продолженіи этого разговора, все больше и больше начинало появляться въ лицѣ грустно-насмѣшливое выраженіе. Участіе князя къ женѣ и на этотъ разъ болѣзненно кольнуло ее въ сердце: какъ она ни старалась это скрыть, но не могла совладать съ собой и проговорила:

— Я еще тогда, какъ княгиня взяла только Петицкую съ собою за-границу, говорила, что та будетъ ссорить ее съ Миклаковымъ, и даже предсказывала, что княгиня, вслѣдствіе этого, опять вернется къ тебѣ.

Князь на это промолчалъ.

— Ты тогда увѣрялъ, — продолжала Елена: — что это нисколько не будетъ до тебя касаться; но я говорила, что это неправда и что это будетъ тебя касаться, — оказалось, что и въ этомъ я не ошиблась.

Князь и на это ни слова не сказалъ. Елена тоже не стала развивать далѣе своей мысли, не желая очень раздражать князя, такъ какъ предполагала, не откладывая времени, начать съ нимъ разговоръ по поводу своего желанія помочь польскимъ эмигрантамъ.

Жуквичъ не замедлилъ явиться.

Князь встрѣтилъ его самымъ дружественнымъ образомъ.

— Садитесь, пожалуйста! — говорилъ онъ, подвигая ему стулъ.

Жуквичъ принялъ всю эту любезность князя съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и кидаемыми на Елену бѣглыми взглядами какъ-бы спрашивалъ ее, что это значить.

Князь, впрочемъ, самъ вскорѣ разрѣшилъ его сомнѣнія.

— У меня просьба къ вамъ есть.... — началъ онъ, и лицо его мгновенно при этомъ покрылось румянцемъ. — Вы, можетъ быть, слышали... что я... собственно... въ разводѣ съ женой и что она даже... уѣхала за-границу съ однимъ господиномъ. И вдругъ теперь я.... получаю изъ Парижа, куда они переехали, письмо... которымъ... увѣдомляютъ меня, что княгиня до такой степени несчастлива по милости этого человѣка, что въ концѣ даже разстроила

свое здоровье... Вы видѣли отчасти ихъ жизнь: скажите, правда это или нѣтъ?

На вопросъ этотъ Жуквичъ довольно продолжительное время медлилъ отвѣтомъ: онъ, видимо, соображалъ, въ какомъ тонѣ ему говорить, и Елена, замѣтившая это, посѣшила ему помочь.

— Вы замѣтите, что князю объ этомъ пишетъ госпожа Петицкая, — сказала она,

— А, госпожа Петицкая!... — повторилъ, съ улыбкою, Жуквичъ.

— Но вотъ вы мнѣ говорили, что напротивъ: между княгиней и Миклаковымъ все хорошо идетъ, — продолжала Елена.

— О да!... Совершенно-жь хорошо! — подхватилъ Жуквичъ полнымъ уже голосомъ.

— И какъ на видъ княгиня—весела?... здорова?... покойна?—вмѣшался въ ихъ разговоръ князь.

— По-моему-жь весела и здорова, — подтвердилъ, пожимая плечами, Жуквичъ.

— Я и не понимаю послѣ этого ничего!... — произнесъ князь. — А вотъ еще одинъ вопросъ, — при-совокупилъ онъ, помолчавъ немного. — Я буду съ вами говорить вполнѣ откровенно: Миклаковъ этотъ человекъ очень умный, очень честный; но онъ въ жизни перенесъ много неудачъ и потому, кажется, имѣеть несчастную привычку къ вину... Какъ онъ теперь — предается этому или нѣтъ?

— О, да нѣтъ-жь!... Нисколько!... — воскликнулъ Жуквичъ.

— Но, можетъ быть, этого не было въ Германіи, а возобновилось въ Парижѣ?

— Я-жь того не знаю, — отвѣчалъ Жуквичъ,

опять пожимая плечами и какъ-бы начиная скучать такими разспросами.

Еленѣ тоже они замѣтно не нравились.

— Чѣмъ тебѣ обижать заранѣе человѣка такими предположеніями, ты лучше напиши къ кому-нибудь изъ твоихъ знакомыхъ въ Парижѣ, — пусть они провѣрятъ на мѣстѣ письмо госпожи Петицкой, — сказала она.

— У меня въ Парижѣ рѣшительно никого нѣтъ знакомыхъ, — возразилъ ей князь.

При послѣднихъ словахъ князя, лицо Жуквича приняло какое-то соображающее выраженіе.

— У меня-жъ много въ Парижѣ знакомыхъ. Не поручите ли вы мнѣ это дѣло исполнить? — произвесь онъ.

— Но какимъ образомъ ваши знакомые могутъ провѣрить это? — спросилъ его князь.

— Очень просто-жъ это! Я съ мѣсяцъ лишь рекомендовалъ черезъ письмо одного моего знакомаго княгинѣ и Миклакову. Онъ былъ ими очень облаканъ и бываетъ у нихъ часто, — чего-жъ удобнѣе какъ не ему наблюсти надъ всѣмъ? Я ему-жъ телеграфирую о томъ, и онъ мнѣ телеграфируетъ...

— Это, значитъ, еще третьяго человѣка посвящать въ эту тайну! — проговорилъ князь, относясь больше къ Еленѣ.

— Да не вы-жъ его будете посвящать, а я! — подхватилъ Жуквичъ.

— Но вамъ-то съ какою стати посвящать его въ это и заботиться о княгинѣ?

Жуквичъ при этомъ грустно усмѣхнулся и склонилъ свою голову.

— Мы-жь, поляки, часто, по нашему политическому положенію, интересуемся и спрашиваемъ другъ друга о самыхъ, казалось бы, ненужныхъ и постороннихъ намъ людяхъ и вещахъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, не откажите и сдѣлайте мнѣ это одолженіе! — проговорилъ князь и вмѣстѣ съ тѣмъ протянулъ Жуквичу руку.

— О, съ великимъ удовольствіемъ! — воскликнулъ тотъ, замѣтно обрадованный просьбой князя, и, принимая его руку въ обѣ свои руки, крѣпко пожалъ ее.

— Но ты самъ потомъ долженъ будешь заплатить господину Жуквичу какимъ-нибудь одолженіемъ, — пошутила князю Елена.

— Если только это будетъ въ моей возможности, — отвѣчалъ онъ ей серьезно.

— Мнѣ, вѣроятно-жь, будетъ заплачено больше, чѣмъ я стою того!... Вѣроятно!... — подхватилъ Жуквичъ шутливымъ тономъ. Затѣмъ онъ вскорѣ сталъ прощаться, говоря, что сейчасъ идетъ отправлять телеграмму.

Князь еще разъ искренно поблагодарилъ его; когда, наконецъ, Жуквичъ совсѣмъ пошелъ, то Елена вдругъ быстро поднялась съ своего мѣста и, побѣжавъ вслѣдъ за нимъ, нагнала его въ передней.

— Послушайте, — начала она торопливо, но тихо: — въ самомъ дѣлѣ у Мишлагова съ княгиней мирно идетъ?

Жуквичъ въ отвѣтъ на это пожалъ только плечами.

— И княгиня дѣйствительно весела? — продолжала Елена.

— Ну, не очень... особенно по временамъ, — произнесъ наконецъ Жуквичъ.

— А Миклаковъ не кутитъ никогда?

— И того-жь нельзя сказать утвердительно. Я видалъ его иногда въ очень bon courage!

— Но все-таки, какъ вы полагаете, во всемъ этомъ ничего нѣтъ особенно серьезнаго? — говорила Елена.

— Серьзнаго-жь нѣтъ ничего! — подтвердилъ Жуквичъ, очень хорошо понявшій, что Елена желаетъ, чтобы ничего серьезнаго не было.

— Я васъ потому спрашиваю, — продолжала она: — что вы посмотрите, какъ это взволновало и встревожило князя; но что будетъ съ нимъ, если это еще правда окажется!

— Да, къ крайнему-жь моему удивленію, я вижу, что онъ очень встревоженъ, — произнесъ неторопливо Жуквичъ.

— Ужасъ что такое!... Ужасъ! — подхватила Елена. — И каково мое положеніе въ этомъ случаѣ: онъ волнуется, страдаетъ о другой; а я мало-что обречена все это выслушивать, но еще должна успокаивать его.

Жуквичъ на это грустно только склонилъ голову и хотѣлъ было что-то такое сказать, но пріостановился, такъ какъ въ это время въ залѣ послышались тяжелые шаги. Елена тоже прислушалась къ этимъ шагамъ и, очень хорошо узнавъ по нимъ походку князя, громко проговорила:

— Прощайте, панъ Жуквичъ.

— Прощайте, панна Жиглинская! — отвѣчала она въ свою очередь: угадавъ ея намѣреніе.

Князь, въ самомъ дѣлѣ, вышелъ изъ кабинета посмотрѣть, гдѣ Елена, и ожидая, что она разговариваетъ съ Жуквичемъ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ, по выраженію лица ея угадать, о чемъ именно.

На другой же день къ вечеру Жуквичъ прислалъ съ своимъ человѣкомъ въ князю полученную имъ изъ Парижа отвѣтную телеграмму, которую Жуквичъ даже не распечаталъ самъ. Лакей его, бравый изъ себя малый, съ длинными усищами, съ глазами на выкатѣ и тоже, должно быть, полякъ, никакъ не хотѣлъ телеграммы этой отдать въ руки людямъ князя и требовалъ, чтобы его допустили до самаго пана. Тѣ провели его въ кабинетъ къ князю, гдѣ въ то время сидѣла и Елена.

— Телеграмма, ясновельможный панъ!—кривнулъ полякъ и, почти маршемъ подойдя къ князю, подалъ ему телеграмму, а потомъ, тѣмъ же маршемъ отступя назадъ, всталъ въ дверяхъ.

Князь сначала самъ прочелъ телеграмму и затѣмъ передалъ ее Еленѣ, которая, пробѣжавъ ее, улыбнулась.

Телеграмма гласитъ нижеслѣдующее: «Я бываю у княгини Григоровой и ничего подобнаго твоимъ подозрѣніямъ не видалъ. Миклаковъ, по обыкновению, острить и недавно сказалъ, что французы исполнены абстрактнаго либерализма, а поляки абстрактнаго патріотизма; но первые не успѣли выработать у себя никакой свободы, а вторые не

устроили себѣ никакого отечества. Княгиня же совершенно здорова и очень смѣялась при этомъ».

— Вотъ видишь, я тебѣ говорила, что все это вздоръ!—произнесла Елена.

— Я очень радъ, конечно, тому, если только это правда!—сказалъ князь.—Ну, теперь, любезный, ты можешь идти,—отнесся онъ къ лакею.—Кланяйся господну Жуковичу и поблагодари его отъ меня; а тебѣ вотъ на водку!—И съ этими словами князь протянулъ лакею руку съ пятирублевой бумажкой. Тотъ, въ удивленіи отъ такой большой награды, еще болѣе выпучилъ свои на выкатѣ глаза.

— Много милостивы, ясновельможный ганъ!—опять кривнулъ онъ и, повернувшись послѣ того, по-солдатски, налѣво кругомъ, ушелъ. Хлопецъ сей, видно, еще издавна и заранѣе намуштрованъ былъ, какъ держать себя передъ русскими.

Елена видѣла, что полученная телеграмма очень успокоила князя, а потому, полагая, что онъ долженъ былъ почувствовать нѣкоторую благодарность къ Жуковичу хоть и за маленькую, но все-таки услугу со стороны того, сочла настоящую минуту весьма удобною начать разговоръ съ княземъ объ интересующемъ ее предметѣ.

Для большаго успѣха въ своемъ предпріятіи, Елена, не смотря на прирожденную ей откровенность и искренность, рѣшилась употребить нѣкоторыя обольщающія средства: цѣль, къ которой она стремилась, казалась ей такъ велика, что она считала позволительнымъ употребить для достиженія ея не совсѣмъ, можетъ быть, прямые пути, а именно: Елена сходила въ дѣтскую и, взявъ тамъ на руки

маленькаго своего сына, возвратилась съ нимъ снова въ кабинетъ князя, усѣлась на диванѣ и начала съ ребенкомъ играть, — положеніе, въ которомъ князь, по преимуществу, любилъ ее видѣть. Она стала своему Колѣ дѣлать буки, и когда Елена подносила свою руку къ горлышку ребенка, онъ сейчасъ принимался хохотать, визжать. Потомъ, когда она отводила свою руку, Коля только изподлобья по-сматривалъ на это; но Елена вдругъ снова обращала руку къ нему, и мальчикъ снова принимался визжать и хохотать; наконецъ до того наигрался и насмѣялся, что утомился, и, прильнувъ головой къ груди матери, закрылъ глазки; тогда Елена начала его потихоньку качать на колѣняхъ и не громкимъ голосомъ напѣвать: «баю, баюшки, баю!» Ребенокъ вскорѣ совсѣмъ заснулъ. Елена, накрывъ сына легкимъ шарфомъ, который былъ на ней, не переставала его слегка укачивать. Князь съ полнымъ восторгомъ и умиленіемъ глядѣлъ на всю эту сцену; лицо же Елены, напротивъ, продолжало оставаться оттѣненнымъ серьезной мыслию.

— А у меня, Гриша, будетъ къ тебѣ просьба, — начала она наконецъ.

— Ко мнѣ? — спросилъ князь.

— Да!... Вотъ въ чемъ дѣло: я, какъ ты самъ часто совершенно справедливо говорилъ, все-таки, по происхожденію моему, полячка... Отецъ мой, что бы тамъ про него ни говорили, былъ человекъ не дурной и, по-своему, образованный. Онъ, еще въ дѣтствѣ моемъ, очень много мнѣ рассказывалъ изъ исторіи Польши и изъ частной жизни поляковъ, объ ихъ революціяхъ, ихъ герояхъ въ эти революціи.

Все это неизгладимыми чертами запечатлѣлось въ моей памяти; но обстоятельства жизни моей и совершенно другіе интересы отвлекли меня, конечно, очень много отъ этихъ воспоминаній; вдругъ теперь этотъ Жуквичъ, къ которому ты, кажется, немного уже меня ревнуешь, прочелъ мнѣ на дняхъ письмо о несчастныхъ заграничныхъ польскихъ эмигрантахъ, которые мало что бѣдны, но мрутъ съ голоду, — пойми ты, Гриша, мрутъ съ голоду, — тогда какъ я, землячка ихъ, утопаю въ довольствѣ... Мнѣ просто сдѣлалось гадко и постыдно мое положеніе, и я не въ состояніи буду переносить его, если только ты... у меня въ этомъ случаѣ, ты самъ знаешь, нѣтъ ни на кого надежды кромѣ тебя... если ты не поможешь имъ...

Елена остановилась на минуту.

Князь молчалъ и только съ каждымъ словомъ ея все тяжелѣе и тяжелѣе сталъ переводить дыханіе.

— Ты не давай лучше мнѣ ничего, давай какъ можно меньше матери моей денегъ, которой я рѣшительно не знаю зачѣмъ ты столько даешь, — продолжала Елена, замѣтивъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, которое произвела ея просьба на князя: — но только въ этомъ случаѣ не откажи мнѣ. Ихъ, пишутъ, двѣсти семействъ; чтобъ они не умерли съ голоду и просуществовали мѣсяца два или три, покуда найдутъ себѣ какую-нибудь работу, нужно, по крайней мѣрѣ, франковъ триста на каждое семейство, — всего выйдетъ шестьдесятъ тысячъ франковъ, то есть, какихъ нибудь тысячъ пятнадцать серебромъ на наши деньги. Пошли мнѣ эту сумму, и ты этимъ

воздвигнешь незыблемый себѣ памятникъ въ ихъ сердцахъ...

Проговоря это, Елена замолчала.

Молчалъ, по прежнему, и князь нѣкоторое время; но гнѣвъ очень замѣтно, яркимъ и мрачнымъ блескомъ, горѣлъ въ его глазахъ.

— Я предчувствовалъ, что это будетъ!—проговорилъ онъ, какъ бы больше самъ съ собой. — Нѣтъ, и не дамъ польскимъ эмигрантамъ ничего уже болѣе!—присовокупилъ онъ затѣмъ, обращаясь къ Еленѣ.

Тогда красивыя черты лица Елены, въ свою очередь, тоже исказились гнѣвомъ.

— Отчего это?—едва достало у ней силы выговорить.

— Оттого, что я довольно имъ давалъ, и документъ даже насчетъ этого нарочно сохранилъ,—проговорилъ князь и, проворно вставъ съ своего мѣста, вынулъ изъ бюро пачку писемъ, взялъ одно изъ нихъ и развернулъ передъ глазами Елены. — На, прочти!..—присовокупилъ онъ, показывая на двѣ, на три строчки письма, въ которыхъ говорилось: «Вы, мой милый князь, рѣшительно нашъ второй Походяшевъ: вы такъ же нечаянно, какъ и онъ, подошли и шепнули, что отдаете въ пользу несчастныхъ польскихъ выходцевъ 400 тысячъ франковъ. Вивать вамъ!»

— Но когда же это было?—спросила Елена, удивленная этимъ открытіемъ.

— Это было, когда я жилъ за-границей, и за мое доброе дѣло господа, про которыхъ ты говоришь, что я незыблемый памятникъ могу соорудить себѣ

въ сердцахъ ихъ, только-что не палками выгнали меня изъ своего общества.

— Да, это я знаю. Но ты самъ подалъ поводъ къ тому, — возразила Елена.

— Чѣмъ?... Чѣмъ? — воскликнулъ князь, забывъ аже, что тутъ спалъ ребенокъ.

— Тѣмъ, что хотѣлъ какъ-то драть со всѣхъ кожу!

— А!... тебѣ ужъ и про то доложено! — произнесъ князь. — Ну, такъ узнай ты теперь и отъ меня: это слово мое было плодомъ долгаго моего терпѣнія... Эти люди, забывъ, что я ихъ облагодѣтельствовалъ, на каждомъ шагу послѣ того бранили при мнѣ русскихихъ, говорили, что всѣ мы — идіоты, татары, способные составлять только *быдло*, и, наконецъ, стали съ восторгомъ рассказывать, какъ они плюютъ нашимъ офицерамъ въ лицо, душатъ въ постеляхъ безоружныхъ нашихъ солдатъ. Скажи мнѣ: самому ярому члену конвента, который, можетъ быть, снялъ головы на гильотинѣ съ нѣсколькихъ тысячъ французовъ, смѣлъ ли кто-нибудь, когда-нибудь сказать, что весь французскій народъ дрянъ?...

— Поляки, по-твоему, — возразила съ саркастическимъ смѣхомъ Елена: — могутъ и должны любить русскихихъ и считать васъ народомъ добрымъ и великодушнымъ?

— Они могутъ насъ ненавидѣть и считать чѣмъ имъ угодно, но при мнѣ они не должны были говорить того!... — проговорилъ князь.

— Ты, поэтому, твое чисто личное оскорбленіе, — продолжала Елена тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ: — ставишь превыше возможности не дать умереть съ

голоду сотнямъ людей!... Послѣ этого, ты въ самомъ дѣлѣ, какой-то пустой и ничтожный человѣкъ!—заклучивъ она какъ-бы въ удивленіи.

— Къ этому ямени я давно уже привыкъ. Ты не въ первый разъ меня имъ честишь,—сказалъ князь, едва сдерживая себя.

— Но я тогда еще говорила подъ вліяніемъ ревности, а потому была, быть можетъ, не совсѣмъ права; но теперь я хочу сорвать съ тебя маску и спросить, что ты за человѣкъ?

При этихъ словахъ Елены ребенокъ, спавшій у ней на кодрѣняхъ, проснулся и заплакалъ.

— Няня, поди возьми его у меня!—крикнула она стоявшей въ залѣ нянѣ и ожидавшей, когда ей отдадутъ барчика. Та вбѣжала. Елена почти бросила ей на руки ребенка; тотъ еще больше заплакалъ и сталъ тянуться къ матери, крича: «мама, мама!»

— Унеси его туда!—крикнула она снова.

Няня поспѣшно унесла ребенка.

— Я тебя рѣшительно спрашиваю,—продолжала Елена, обращая свои гнѣвные взгляды на князя:— и требую сказать мнѣ, что ты за человѣкъ?

— Ну, это, кажется, не тебѣ судить, что я за человѣкъ!—произнесъ князь, не менѣе ея взбѣшенный:—и хоть ты говоришь, что я притворный социалистъ и демократъ, но въ этомъ совѣсть моя чиста: я сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ всѣ твои другіе безштатные новаторы.

— Но что ты такое сдѣлалъ?... что?... скажи!.. не увималась Елена.

— А вотъ что и сдѣлалъ!—сказалъ сурово князь:—

хоть про себя говорить нельзя, но есть оскорбленія и униженія, которыя заставляютъ человѣка забывать все... Я родился на свѣтъ облагодѣтельствованный настоящимъ порядкомъ вещей, но я изъ этого порядка не извлекъ для себя никакой личной выгоды: я не служилъ, я крестовъ и чиновъ никакихъ отъ правительства не получалъ, состоянія себѣ не скапливалъ, а напротивъ дѣлилъ его и буду еще дѣлить между многими, какъ умѣю; семейное гнѣздомое разрушилъ, и какъ ни тяжело мнѣ это было, стубилъ и извратилъ судьбу добрѣйшей и преданнѣйшей мнѣ женщины... Но чтобы космополитомъ окончательнымъ сдѣлаться и восторгаться тѣмъ, какъ разные западные господа придуть и будутъ душить и губить мое отечество, это... извините!... Я, не стыдась и не скрываясь, говорю: я — русскій человѣкъ съ головы до ногъ, и никто не смѣй во мнѣ тронуть этого чувства моего: я его не принесу въ жертву ни для какихъ высшихъ благъ человѣчества!

Послѣднія слова князь произнесъ съ такимъ твердымъ и грознымъ одушевленіемъ, что Елена почти стала терять надежду переспорить его.

— Наконецъ, ты сама полячка, однако не ставишь себѣ этого въ обвиненіе! — заключилъ князь.

— Но я ва столько полячка, — пойми ты: — на сколько поляки угнетенный народъ, а на сторонѣ угнетенныхъ я всегда была и буду! — возразила Елена.

— Нѣтъ, больше, больше!.. — возразилъ ей, съ своей стороны, горячась, князь: — ты полячка по крови, также какъ и я русскій человѣкъ по крови; въ тебѣ, можетъ быть, течеть кровь какого-нибудь

польскаго пана, сражавшагося на смерть съ какимъ-нибудь изъ моихъ предковъ, княземъ Григоровымъ. Такія стычки и встрѣчи въ жизни не пропадаютъ потомъ въ потомствѣ безслѣдно!

— Ну да, какъ же, аристократическіе принципы... безъ нихъ мы шагу не можемъ сдѣлать!—разсмѣялась злобно Елена и, отвернувшись отъ князя, стала глядѣть въ уголь печи. На глазахъ ея искрились даже слезы отъ гнѣва.

У Елены оставался еще одинъ мотивъ для убѣжденія князя, который она не хотѣла было высказывать ему по самолюбію своему, говорившему ей, что князь самъ долженъ былъ это знать и чувствовать въ себѣ; какъ бы то ни было, однако Елена рѣшилась на этотъ разъ отложить въ сторону всякую гордость.

— Хотя тебѣ и тяжело оказать помощь полякамъ, что я отчасти понимаю,—начала она:—но ты долженъ пересилить себя и сдѣлать это для меня, изъ любви своей ко мнѣ, и я въ этомъ случаѣ прямо ставлю испытаніе твоему чувству ко мнѣ: признаешь ты въ немъ силу и вліяніе надъ собой,—я буду вѣрить ему; а нѣтъ,—такъ ты и не говори мнѣ больше о немъ.

— Даже изъ любви къ тебѣ не могу этого сдѣлать!—отвѣчалъ князь.

— Даже!.. Ну, смотри, не раскайся послѣ!..—произнесла Елена и, понимая, что убѣждать князя долѣе и даже угрожать ему было совершенно бесполезно, она встала и ушла изъ кабинета. Вся ея походка при этомъ, всѣ движенія были движеніями развирившей тигрицы: темпераментъ матеря какъ-бы

невольюно высказался въ эти минуты въ Еленѣ! Князь тоже остался подѣ влияніемъ сильнаго гнѣва. Онъ твердо былъ увѣренъ, что Елену поддулъ и настроилъ Жуквичъ, и не для того, чтобы добыть черезъ нее денегъ своимъ братьямъ, а просто положить ихъ себѣ въ карманъ, благо въ Россіи много дураковъ, которые вѣрили его словамъ. Чтобы спасти себя на дальнѣйшее время отъ подобнаго господина, князь тутъ же написалъ и отправилъ къ нему не совсѣмъ ласковаго свойства письмецо: «Милостивый государь! такъ какъ вы, не смотря на короткое время появленія вашего въ моемъ домѣ, успѣли устроить въ немъ интригу, послѣдствіемъ которой я имѣлъ весьма непріятное для меня объясненіе съ Еленой Николаевной, то, чтобы не дать вамъ возможности приготовить мнѣ сюрпризы такого рода, я прошу васъ не посѣщать больше моего дома; въ противномъ случаѣ я вынужденъ буду поступить съ вами весьма не гостепріимно».

Елена, между тѣмъ, прошла въ свою комнату и сѣла тамъ; гнѣвныя и серьезныя мысли, точно облако зловѣщее, осѣнили ея молодое чело. Часа два, по крайней мѣрѣ, она пребыла почти въ неподвижномъ положеніи; вдругъ къ ней вошла ея горничная.

— Барышня, — начала она негромкимъ голосомъ: — человекъ вонъ этого Жуквича пришелъ къ вамъ и принесъ записочку.

— Ну, такъ давай ее мнѣ скорѣе! — сказала Елена стремительно.

Горничная подала ей записочку.

— Лакей-то не отдавалъ было; просилъ, чтобы я къ вамъ его провела. «Куда, я говорю, тебѣ, лу-

воглазому чорту, идти къ барышнямъ!.. Дай записочку-то... Я не съѣмъ ея!»

Жуквичъ писалъ Еленѣ: «Я получилъ отъ князя очень грубый отказъ отъ дому: что такое у васъ произошло?.. Я, впрочемъ, вамъ напередъ предсказывалъ, что откровенность съ княземъ ни къ чему не можетъ повести доброму. Буду ли я когда-нибудь и гдѣ именно имѣть счастье встрѣтиться съ вами?»

— Человѣкъ еще не ушелъ?—спросила Елена горничную.

— Нѣтъ еще-съ!—отвѣчала та: — дожидается отвѣта: «баринъ, говорить, такъ приказалъ»!

Елена написала очень коротко:

«Князь можетъ, сколько ему угодно, отказывать вамъ отъ дому: но видѣться съ вами мы будемъ; я сама буду ѣздить къ вамъ и проводить у васъ, если вы хотите, цѣлые вечера»!

Къ прежнему выраженію лица Елены прибавилась какая-то необыкновенная рѣшительность и какъ бы насмѣшливость надъ своей судьбой и своимъ собственнымъ положеніемъ.

V.

Николя Оглоблинъ просыпался не ранѣе, какъ въ часъ по полудни. Въ одно утро, когда онъ еще всталъ и нѣжился въ своей постели, къ нему вошелъ его камердинеръ Севастьянъ.

— Вставайте-съ!.. Дама васъ тамъ какая-то спрашиваетъ,—сказалъ онъ почти строго барину.

— Какая дама?—спросилъ Николая съ небольшимъ удивленіемъ, но не безъ удовольствія:—а хорошенькая?—прибавилъ онъ съ лукавствомъ.

— Да-съ, красивая, очень даже!..—отвѣчалъ Севастьянъ.

— Ну, такъ вели ея просить въ залу и давай мнѣ поскорѣй одѣться!—затараторилъ Николая.

Камердинеръ пріотворилъ дверь и крикнулъ другому лакею, невдалекѣ стоявшему, чтобы тотъ просилъ даму въ залу, а самъ принялся помогать барину одѣваться. Николая очень скоро прифрантился и, войдя въ свой кабинетъ, велѣлъ даму просить къ себѣ. Его очень интересовало посмотрѣть, кто она такая была.... Вошла Елена и тутъ же сейчасъ пріостановилась на минуту, удивленная и пораженная убранствомъ кабинета Николая. Прежде всего Еленѣ кинулся въ глаза портретъ государя въ золотой рамѣ, а кругомъ его на красномъ сукнѣ, въ видѣ лучей, развѣшаны были разнаго рода оружія: сабли, шашки, ружья и пистолеты. Въ одномъ изъ угловъ стояла электрическая машина. Еленѣ пришло въ голову, что не ударъ ли случился съ Николаемъ, и онъ лечится электричествомъ; но машина собственно была куплена для больной бабушки Николая; когда же та умерла, то Николая машину взялъ къ себѣ для такого употребленія: онъ угрозами и ласками зазывалъ въ свой кабинетъ лакеевъ и горничныхъ и упрашивалъ ихъ дотронуться до машины. Тѣ соглашались; машина ихъ щелкала; они вскрикивали и доставляли тѣмъ Николаю несказанную радость. Въ другомъ углу кабинета стоялъ туалетный столикъ Николая, съ круглымъ серебрянымъ, какъ у женщинъ, зеркаломъ,

весь уставленный флаконами съ духами, банками съ помадой, фиксажурами, щетками и гребенками. Никола въ «Онѣгинѣ» прочиталъ описаніе вабинета денди и полагалъ, что такое убранство очень хорошо. Прямо надъ этимъ столомъ висѣлъ въ углу старинный и врядъ ли не чудотворный образъ Казанской Божіей Матери, съ лампадкою передъ нимъ. Никола былъ очень богомоленъ и состоялъ даже въ своемъ приходѣ старостой церковнымъ. По третьей стѣнѣ шелъ огромный книжный шкафъ, съ верху до низу набитый французскими романами,—все это, какъ бы для придачи общаго характера, было покрыто пылью и почти грязью. Никола, въ свою очередь, тоже очень удивился появленію Елены.

— Mademoiselle Жиглинская, васъ ли я вижу?—говорилъ онъ, вышучивая свои бараньи глаза и протягивая къ ней объ руки.

— А я къ вамъ съ просьбой, Оглоблинъ,—начала Елена, торопясь поскорѣе сѣсть. Она замѣтно была въ раздраженномъ и нервномъ состояніи.

Никола поспѣшилъ ей при этомъ пододвинуть кресло.

— Я одному моему комисіонеру поручила разузнавать, нѣтъ ли свободныхъ мѣстъ женскихъ въ какихъ-нибудь учрежденіяхъ, и онъ мнѣ сказалъ, что у отца вашего есть свободное мѣсто кастелянши!...

— Но для кого вамъ нужно это мѣсто?—спросилъ Никола.

— Для себя!.. Я хочу занять его!..—отвѣчала Елена.

Никола еще больше вытаращилъ глаза свои.

— А какъ же князь-то?—бухнулъ онъ прямо.
Елена при этомъ немного вспыхнула.

— Съ княземъ мы расходимся!...—проговорила она.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ Николая и захохоталъ своимъ глупымъ смѣхомъ.

Елена окончательно-было сконфузилась, но постаралась снова овладѣть собой.

— Подите и скажите вашему отцу, чтобъ онъ далъ мнѣ это мѣсто!—сказала она почти победительно.

— Да, вѣдь, отецъ теперь въ присутствіи!—прошепелявилъ Николая.

— Все равно... Вы къ нему въ присутствіе ступайте!.. Оно тутъ у васъ въ одномъ домѣ?..

— Тутъ, здѣсь!

Старикъ Оглоблинъ занималъ въ бельэтажѣ огромную казенную квартиру, а внизу у него было такъ называемое присутствіе его.

— Ну, такъ ступайте и непременно выпросите мнѣ это мѣсто,—настаивала Елена.

— *A l'instant, mademoiselle!*—воскликнулъ Николая. Онъ вообще никогда и никакой дамѣ не способенъ былъ отказать въ ея просьбѣ, а тутъ онъ сообразилъ еще и то, что, сдѣлавъ одолженіе Еленѣ, которая, по ея словамъ, расходится съ княземъ, онъ будетъ имѣть возможность за ней приволокнуться, а Елена очень и очень нравилась ему своею наружностью.

Комната, которую старикъ Оглоблинъ именовалъ присутствіемъ своимъ, была довольно большая и

имѣла, какъ всякое присутствіе, столъ, накрытый краснымъ сукномъ, и зеркало.

Самъ старикъ Оглоблинъ, въ вицмундирѣ и весь осыпанный звѣздами и крестами, сидѣлъ за этимъ столомъ и помѣчалъ разложенныя передъ нимъ бумаги. Лицо у него хоть и было простоватое, но дышало однако гораздо большимъ благородствомъ, чѣмъ лицо сына; видно было, что человекъ этотъ выросъ и воспитался на французскихъ трюфеляхъ и благородныхъ виноградныхъ винахъ, тогда какъ въ наружности сына было что-то замоскворѣцкое, проглядывали мороженная осетрина и листовая настойка. Старикъ Оглоблинъ, въ молодости, служилъ въ кавалергардахъ и, конечно, во всю свою жизнь не унижилъ себя ни разу посѣщеніемъ какой-нибудь гостиницы ниже Дюссо и Шевалье, а Николая почти каждый вечеръ, послѣ театра, вутилъ въ Московскомъ трактирѣ. Придя на этотъ разъ къ отцу, онъ сначала заглянулъ въ присутствіе.

— Папа, можно къ вамъ?—произнесъ онъ.

— Можно, войди,—отвѣчалъ тотъ, оставляя на нѣкоторое время свои занятія.

Николай вошелъ, взялъ стулъ и сѣлъ противъ отца.

— Вы помните, папа, Жиглинскую, любовницу князя Григорова?—началъ онъ.

— Какую такую любовницу?—спросилъ старикъ, нѣсколько утратившій свѣжесть памяти.

— Ну, которую еще вмѣстѣ съ Анной Юрьевной выгнали изъ службы за то, вотъ, что она сдѣлалась въ извѣстисмъ положенія.

— Ахъ, да, помню!—припомнилъ старикъ.

— И теперь она... Богъ ихъ тамъ знаетъ кто: князь ли, она ли ему, только дали другъ другу по подзатыльничку и разошлись... теперь она на бобахъ и осталась!—заклучилъ Никола и захохоталъ.

— На бобахъ!.. на бобахъ!...—согласился усмѣхаясь старикъ:—что же ты-то тутъ зѣваешь?—присовокупилъ онъ тономъ шутиливой укоризны.

— Да что!.. Нѣтъ!.. она чудачка страшная!..—отвѣчалъ Никола:—теперь пришла и просить, чтобъ ей дали мѣсто кастелянши.

— Мѣсто?.. Кастелянши?..—повторилъ старикъ уже серьезно и какъ-бы дѣлая удареніе на каждомъ словѣ.

— Да, папа!.. дайте ей мѣсто! Мы этимъ чудесно насолимъ князю Григорову: пускай онъ не говорить, что Оглоблины дураки набитые.

— Да развѣ онъ говоритъ это?—спросилъ старикъ, съ удивленіемъ взглянувъ на сына.

— Еще бы не говорить!.. Вездѣ говоритъ!—отвѣчалъ Никола, впрочемъ, болѣе подозрѣвавшій, чѣмъ достовѣрно знавшій, что князь говоритъ это, и свазавшій отцу объ этомъ за тѣмъ, чтобы больше его вооружить противъ князя...—Такъ что же, папа, дадите mademoiselle Жиглинской мѣсто?—приставалъ онъ къ старику.

— Но прежде я долженъ посовѣтоваться съ Θεодосіемъ Иванычемъ!—возразилъ ему тотъ.

Такого рода отвѣтъ Оглоблинъ давалъ обыкновенно на всѣ просьбы, къ нему адресуемыя. Θεодосій Иванычъ былъ правитель дѣлъ его и хотъ отъ природы былъ надѣленъ весьма малымъ умомъ, но съумѣлъ какъ-то себѣ выработать необыкновенно

серьезный и почти глубокомысленный видъ. Начальника своего онъ больше всего обольщалъ и доказывалъ ему свое усердіе тѣмъ, что какъ только тотъ станетъ что-нибудь приказывать ему съ известными минами и жестами, такъ и Θεодосій Иванычъ начнетъ дѣлать точно такіе же мины и жесты.

— Ну, такъ я, папа, сейчасъ позову вамъ его, — проговорилъ Никола и бросился въ сосѣднюю комнату, гдѣ, обыкновенно, засѣдалъ Θεодосій Иванычъ.

Николя лучше, чѣмъ отецъ его, понималъ почтеннаго правителя дѣлъ и, догадываясь, что тотъ былъ дуракъ великій, нисколько съ нимъ не церемонился и даже, когда Θεодосій Иванычъ приходилъ къ нимъ обѣдать и, по обыкновенію своему, въ ожиданіи, пока сядутъ за столъ, ходилъ, понуривъ голову, взадъ и впередъ по залу, Никола вдругъ налеталъ на него, схватывалъ его за плечи и перепрыгивалъ ему черезъ голову; какъ гимнастъ, Никола былъ превосходный. Θεодосій Иванычъ только отстранялся при этомъ нѣсколько въ сторону, дѣлалъ удивленную мину и произносилъ: «Фу, ты, Господи Боже мой!» Въ настоящемъ случаѣ Никола тоже не сталъ съ нимъ деликатничать.

— Васъ папа просить, — почти закричалъ онъ на него: — тамъ я хлопочу одну дѣвушку опредѣлить къ намъ въ кастелянши, и если вы отговорите папа, я васъ отдую за то! — заключилъ Никола и показалъ булакъ Θεодосію Иванычу.

— Да погодите еще отдуватьъ-то! — отвѣтилъ тотъ ему и пошелъ въ присутствіе.

Николя последовалъ за нимъ и сталъ въ присутствіи такимъ образомъ, что отцу было не видать

его, а Θεодосій Иваннычъ, напротивъ, очень хорошо его видѣлъ.

— У насъ... тамъ... есть... мѣсто кастелянши?— началъ старикъ Оглоблинъ, принимая все болѣе и болѣе важный видъ.

— Есть!.. есть!.. есть!.. — отвѣчалъ ему троекратно Θεодосій Иваннычъ, тоже съ болѣе и болѣе усиливающейся важностію.

— Никола просить... на это... мѣсто.. помѣстить... одну... дѣвицу... Она тамъ ужь... служила... и потеряла... мѣсто!..—произнесъ, какъ-бы скандуя стихи, старикъ Оглоблинъ.

— Мѣсто!.. потеряла? — повторилъ за нимъ и Θεодосій Иваннычъ.

— Да!.. Можно ли намъ, поэтому... опредѣлить ее?—продолжалъ, потрясая головой, старикъ Оглоблинъ.

Никола при этомъ держалъ кулакъ передъ глазами правителя дѣлъ.

— Отчего нельзя? Можно!... можно!..—отвѣчалъ тотъ, встряхивая тоже головой.

— Можно, значитъ!—обратился послѣ того отецъ къ сыну.

— Ну, такъ я, папа, сейчасъ приведу къ вамъ ее,—вскричалъ радостно Никола.

— Приведи!—разрѣшилъ ему родитель.

Никола побѣждалъ за Еленой, а Θεодосій Иваннычъ приостановился, чтобы дать начальнику совѣтъ.

— Вы бумаги-то у ней спросите, чтобы метриву и послужной списокъ мужа, либо отца, коли дѣвица, — проговорилъ онъ, дѣлая, въ подражаніе старику Оглоблину, удареніе почти на каждомъ словѣ.

— Непремѣнно!.. — непремѣнно!.. — подхватилъ тотъ.

Θеодосій Иванычъ послѣ того ушелъ на свое мѣсто, а въ другія двери Николая ввелъ въ присутствіе Елену.

Старикъ Оглоблинцъ исполнился даже удивленія, увидѣвъ передъ собою почти величественной наружности даму: во всѣхъ своихъ просительницахъ онъ привыкъ больше видѣть забытыхъ судьбою, слезливыхъ, слюнявыхъ.

Онъ привсталъ съ своего мѣста и, по свойственной всѣмъ начальникамъ манерѣ, оперся обѣими руками на столъ.

— Мой сынъ... говоритъ... — началъ онъ: — что вы... желаете... занять... мѣсто... кастелянши?..

— Да, я очень желаю занять это мѣсто, — проговорила Елена.

— Оно... ваше... ваше...—проговорилъ старикъ съ удареніемъ,—но намъ нужны... бумаги... метриву вашу... и послужной списокъ... вашего... родителя.

— У меня всѣ эти бумаги есть,—отвѣчала Елена.

— И потому... я... больше... никакихъ... препятствій не имѣю,—заклучилъ старикъ.

— И мнѣ, значить, можно сегодня переѣхать на казенную квартиру?—спросила Елена.

Старика Оглоблина снова поставилъ этотъ вопросъ въ недоумѣніе.

— Θеодосія... Иваныча... надобно объ этомъ спросить!..—сказалъ онъ сыну.

Тотъ сбѣгалъ и опять привелъ Θеодосія Иваныча.

— Можно имъ... сегодня... на квартиру... нашу...

переехать?... Та... прежняя... кастелянша переехала?..—обратился старикъ къ своему правителю.

— Та... переехала... можно имъ!—почти перездразнилъ его Θεодосій Иванычъ, — вымыть только и вынести квартиру прежде надо, — прибавилъ онъ отъ себя.

— Ну, велите вымыть и вынести ее, — повторилъ за нимъ начальникъ.

Θеодосій Иванычъ ушелъ послѣ того.

— Я могу теперь идти?—сказала Елена, раскланиваясь передъ старикомъ.

— Можете! — произнесъ и онъ, раскланиваясь съ ней.

Елена пошла.

— Прощайте, папа! — крикнулъ отцу Никола и поспѣшилъ за Еленой.

— Когда вы, mademoiselle Жиглинская, будете здѣсь жить, вы позволите мнѣ бывать у васъ?—проговорилъ онъ въ одно и то же время лукавымъ и упрасивающимъ голосомъ.

— Пожалуйста, — отвѣчала она, привѣтливо кивая ему на прощанье головою.

Отъ Оглоблиныхъ Елена прямо проѣхала къ Жуквичу въ гостиницу, гдѣ онъ занималъ небольшой, но очень красивый номеръ. Самъ Жуквячъ, не смотря на то, что сидѣлъ дома и даже занимался чѣмъ-то, былъ причесанъ, припомаженъ, раздушенъ и въ какомъ-то франтоватомъ, мохнатомъ пальто. На каждой изъ вещей; которая Елена увидала у

него въ номерѣ, начиная съ новаго, большаго чемодана до толстаго клѣтчатаго пледа, лежавшаго на диванѣ, ей кинулся въ глаза отпечатокъ европейскаго изящества и прочности, и она при этомъ невольно вспомнила сейчасъ только оставленный ею богатый домъ русскаго вельможи, представлявшій огромныя комнаты, нежѣное убранство въ нихъ и грязь на всемъ.

— Вотъ я и нашла васъ, — сказала она, входя и пожимая Жуквичу руку.

— О, да, мерсі, мерсі, — произнесъ онъ, какъ-бы нѣсколько даже сконфуженный ея появленіемъ. — Но что-жъ такое у васъ произошло съ княземъ, скажите-жъ мнѣ милостиво? — присовокупилъ онъ затѣмъ.

— Да ничего, договорились только до полной откровенности и поняли, что не можемъ жить вмѣстѣ, отвѣчала Елена, садясь, снимая шляпу и порывисто поправляя свои растрепавшіеся отъ дороги волосы.

Жуквичъ при этомъ широко раскрылъ отъ удивленія свои красивые глаза.

— Жить даже не можете вмѣстѣ? — повторилъ онъ. — Что-жъ, и князь такъ-же думаетъ?

— Не знаю, какъ онъ думаетъ, потому что послѣ нашей ссоры я съ нимъ больше не видалась, а теперь онъ и совсѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ.

— Какъ?.. Зачѣмъ?.. — почти воскликнулъ Жуквичъ, окончательно пораженный и удивленный.

— Это вы его спросите, а мнѣ онъ ничего не сказалъ о томъ, — отвѣчала насмѣшливо Елена.

— Какъ-жъ это жаль!.. Какъ жаль!.. — произнесъ послѣ того Жуквичъ тономъ, какъ видно, искренняго сожалѣнія.

— Чѣмъ вамъ бесполезно жалѣть меня, лучше дайте мнѣ кофе,—сказала съ маленькой досадой Елена и видя, что на столѣ стоялъ кофейный приборъ.

— О, съ великою моею готовностью!—произнесъ Жуквичъ и самъ принялся варить для Елены свѣжій кофе. При этомъ онъ нѣсколько разъ и очень проворно сподоснулъ кофейникъ, искусно повернулъ его, когда кофе скипѣлъ въ немъ и, наконецъ, налилъ чашку Еленѣ. Кофе оказался превосходнымъ.

— Какой вы мастеръ варить кофе и какъ умѣете это ловко дѣлать!—замѣтила ему Елена.

— У меня есть маленькая ловкость въ рукахъ!—отвѣчалъ съ легкою улыбкой Жуквичъ и при этомъ, какъ-бы невольно, поласкалъ одну свою руку другою рукою, а потомъ его лицо сейчасъ опять приняло невеселое выраженіе.—Вы такъ таки-жь послѣ того съ княземъ и не разговаривали?—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не разговаривала и, вѣроятно, всю жизнь не буду разговаривать.

— Почему-жь всю жизнь? — спросилъ Жуквичъ, опять немного ухмыляясь: онъ полагалъ, что въ этомъ случаѣ Елена преувеличиваетъ.

— Потому что я увѣжаю отъ него совсѣмъ!... нашла себѣ казенное мѣсто.

Жуквичъ окончательно исполнился глубокаго сожалѣнія.

— Какъ это грустно-жь и тѣмъ болѣе, что я тому нѣкоторымъ образомъ причина!—произнесъ онъ.

— Нисколько не вы, потому что давно это назапливалось и должно было когда-нибудь и чѣмъ-нибудь разрѣшиться.

— Но все-жь, <http://www.kazim.org.ru> вамъ лучше было

подождать,—началъ Жуквичъ какимъ-то почти упрасивающимъ голосомъ:—время-жъ горами движеть, а не то что мѣняетъ мысли-жъ человѣческія. Князь, можетъ быть, передумалъ бы, подчинился бы мало-помалу вашимъ убѣжденіямъ.

— Нѣтъ, онъ никакъ въ этомъ случаѣ не подчинится моимъ убѣжденіямъ!—возразила Елена.

— Но кромѣ-жъ того,—продолжалъ Жуквичъ тѣмъ же упрасивающимъ и какъ-бы искренно-участвующимъ тономъ:—вы не знаете-жъ сами еще, разлюбили ли вы князя или нѣтъ?

Елена при этомъ слегка покраснѣла.

— Положимъ, я этого не знаю,—начала она:—но во всякомъ случаѣ въ каждомъ, вѣроятно, человѣкѣ существуютъ по два, по три и даже нѣскольکو чувствъ, изъ которыхъ какое-нибудь одно всегда бываетъ преобладающимъ, а такое чувство во мнѣ, въ настоящее время, никакъ не любовь къ князю.

Елена опять при этомъ нѣсколько смутилась.

— Но къ кому-жъ?—спросилъ ее Жуквичъ, устремляя на нее пристальный взглядъ.

— То есть, къ чему же? вы должны были бы спросить меня...—подхватила она:—и это я вамъ сейчасъ объясню: я, еще бывши маленькимъ ребенкомъ, чувствовала, что этотъ порядокъ вещей, который шелъ около меня, невозможенъ, возмутителенъ! Всюду—ложь, обманъ, господство какихъ-то почти дикихъ вреданій!... Торжество всюду глупости, бездарности!... Школа все это во мнѣ еще больше поддержала; тутъ я узнала, между прочимъ, разныя соціалистическія надежды и чаянія и, конечно, всей душой устремилась къ нимъ, какъ къ единственному

просвѣту; но когда вышла изъ школы, я въ жизни намека даже не стала замѣчать къ осуществленію чего-нибудь подобнаго; старый порядокъ, я видѣла, стоитъ очень прочно и очень твердо, а бойцы, бравшіеся разбивать его, были такіе слабые, малочисленные, такъ что я начинала приходить въ отчаяніе. Это постоянное пребываніе въ очень неясномъ, но все-таки чего-то ожидающемъ состояніи, мнѣ сдѣлалось наконецъ невыносимо: я почти готова была думать, что разныя хорошія мысли и идеи — сами по себѣ, а жизнь человѣческая — сама по себѣ, въ которой только пошлость и гадость могутъ реализироваться; но встрѣча съ вами, — вотъ видите, какъ и откровенна, — согнала этотъ туманъ съ моихъ желаній и стремленій!... Я въ-очію увидала мой идеаль, къ которому должна была идти, — словомъ, я поняла, что я — полька и что прежде, чѣмъ хлопотать мнѣ объ устройствѣ всего человѣчества, я должна отдать себя на службу моей несчастной родинѣ.

На лицѣ Жуквича замѣтно отразилось при этомъ удовольствіе.

— Вотъ эта-жь самая служба родинѣ, — заговорилъ онъ немножко нараспѣвъ и вкрадчивымъ голосомъ: — я думаю, и нуждалась бы, чтобы вы не расходились съ княземъ: онъ — человѣкъ богатый-жь и вліятельный и добрый! Мы-жь, поляки, по вашему несчастному политическому положенію, не должны ничѣмъ пренебрегать, и намъ извинительны всѣ средства, даже обманъ, кокетство и лукавство женщинъ...

— Совершенно согласна, что средства всѣ эти позволительны, — подхватила Елена: — но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они для женщины возможны, а въ

другихъ—выше силъ ея... Вы, какъ мужчина, можете быть, не совсѣмъ поймете меня: еслибъ я князи не знала прежде и для блага поляковъ нужно было бы сдѣлаться его любовницей, я ни минуты бы не задумалась; но я любила этого человѣка, я нѣкогда къ ногамъ его кинула всю мою будущность, я думала всю жизнь мою пройти съ нимъ рука объ руку, и онъ за все это осмѣливается, въ присутствіи моемъ, проклинать себя за то, что разстроилъ свою семейную жизнь, разрушилъ счастье преданнѣйшей ему женщины, то есть, полуидіотки его супруги!... Наконецъ, когда я сказала ему, что, положимъ, по его личнымъ чувствамъ, ему тяжело оказывать помощь полякамъ, но все-таки онъ долженъ переломить себя и сдѣлать это чисто изъ любви ко мнѣ,—такъ онъ засмѣялся мнѣ въ лицо...

Подъ вліяніемъ гнѣва, Елена даже несправедливо передавала происходившее у ней объясненіе съ княземъ.

Жуввичъ на всѣ эти слова ея молчалъ.

— И что мнѣ жить еще послѣ этого съ нимъ?...— продолжала Елена:—тогда какъ онъ теперь, вѣроятно, тяготеетъ и тѣмъ, что мнѣ даетъ кусокъ хлѣба, потому что я тоже полька!... Да сохранить меня небо отъ того!.. Я скорѣе пойду въ огородницы и коровницы, чѣмъ останусь у него!

— А мнѣ-жъ кажется, что князь любитъ васъ, и любитъ даже очень!—возразилъ ей Жуввичъ.

— Да, чувственно, это можетъ быть; но я хотѣла и надѣялась, что онъ меня будетъ любить иначе, а ужъ если необходимо продавать себя этимъ негоднямъ мужчинамъ, такъ можно найти повыгоднѣй и

потороватѣй князя... Вонъ я сейчасъ нашла двухъ покровителей, батюшку и сына, — обоихъ обобрать можно, если угодно... — проговорила Елена съ какимъ-то озлобленнымъ цинизмомъ. — Словомъ, о князѣ говорить нечего, — это дѣло рѣшеное, что мы съ нимъ другъ для друга больше не существуемъ! Будемте лучше съ вами думать, что намъ предпринять для нашихъ соотчичей.

Жуквичъ на это развелъ молча руками.

— Прежде всего, — продолжала Елена, какъ бы придумавъ кое-что: — я одного изъ моихъ новыхъ покровителей, юнаго Оглоблина, заставлю раздать билеты на лотерею, для которой соберу кой-какія изъ своихъ вещей, оберу у подругъ моихъ разныя бездѣлушки; за все это, конечно, выручится очень маленькая сумма, но пока и то лучше пустаго мѣста...

Жуквичъ грустно усмѣхнулся.

— О, добротъ-жъ вашей предѣловъ нѣтъ! — произнесъ онъ, скидывая на Елену сентиментальный взглядъ.

— То-то, къ несчастію, доброты одной мало! — подхватила со вздохомъ Елена: — а нужны силы и средства!

Затѣмъ они еще нѣкоторое время побесѣдовали, и Жуквичъ успѣлъ при этомъ спросить Елену, что на какую сумму денегъ она сама будетъ жить на новомъ своемъ мѣстѣ?

— На очень маленькую-съ!... на очень! — отвѣчала она.

Жуквичъ опять съ грустнымъ видомъ и участіемъ покачалъ головой, а потомъ, когда Елена ушла отъ него, онъ долго оставался въ задумчивомъ состояніи

и, наконецъ, какъ-бы не утерпѣвъ, произнесъ съ досадою и насмѣшкой: «О, то-жь женщины!»

Возвратясь домой, Елена велѣла своей горничной собираться и укладываться: ей сдѣлался почти противень воздухъ въ домѣ князя. Часамъ къ восьми вечера все было уложено. Сборы Елены, между тѣмъ, обратили вниманіе толстаго метръ-д'отеля княжескаго, старика очень неглупаго, и длинновязаго вывзнаго лакея, малаго тоже довольно смышленаго, сидѣвшихъ, по обыкновенію, въ огромной передней и игравшихъ въ шашки.

— Да что, барышня-то эта наша уѣзжаетъ, видно, куда-нибудь?—спросилъ метръ-д'отель.

— Уѣзжаетъ!...—отвѣчалъ лакей.

— Въ Петербургъ, къ князю, что ли?—присовокупилъ метръ-д'отель.

— Какое въ Петербургъ!... Машина развѣ ходитъ туда ночью?—возразилъ лакей.

— Гмъ!...—произнесъ метръ-д'отель и пододвинулъ шашку.—Спросить бы ее, паря, надо, куда это она ѣдетъ; а то князь пріѣдетъ, хватится ея,—что мы ему скажемъ на то?

— Извѣстно, хватится!—согласился лакей.

Метръ-д'отель какъ-бы размышлялъ нѣкоторое время.

— Поди, спроси ее!.. Для отмытки, молъ, это нужно... показать, куда вы выбыли, — проговорилъ онъ.

— Да что мнѣ-то спрашивать? Ты — старшій-то у насъ въ домѣ,—отозвался было сначала лакей.

— Экой, братецъ, какой ты глупой!—возразилъ ему метръ-д'отель:—я старшій по буфету, а ты настоящій-то дамскій выѣздной лакей.

Лакей убѣдился этимъ доводомъ.

— Да мнѣ что?... Я пойду!.. — сказалъ онъ, а затѣмъ всталъ и проворно пошелъ въ комнату къ Еленѣ.

— Вы уѣзжать изволите-съ?—спросилъ онъ ее.

— Да!—отвѣчала ему лаконически Елена.

— Вы не прикажете телеграфировать объ этомъ князю?—допрашивалъ ее лакей.

Елена немного испугалась этого.

— Нѣтъ, я сама ему писала; я на короткое время къ матери переѣзжаю!—присовокунила она, чтобъ отвязаться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

— Къ маменькѣ изволите ѣхать? — повторилъ лакей съ явнымъ недоувѣремъ въ голосѣ.

— Да; а какъ князь возвратится, я опять переѣду сюда! — говорила Елена, чтобы только успокоить его.

Лакей не нашелся болѣе, о чемъ ее разспрашивать, и возвратился къ метръ-д'отелю.

— Къ матери, говоритъ, уѣзжаетъ на время, — объяснилъ онъ тому, усаживаясь опять за шашки.

— Что ей такъ вдругъ захотѣлось туда!... — произнесъ усмѣхнувшись метръ-д'отель.

— Прахъ ее знаетъ! — отвѣчалъ лакей, тоже усмѣхаясь.

Вскорѣ послѣ того два дворника и два поваренка, предводительствуемые горничною Елены, стали про-

носить мимо ихъ сундуки и чемоданы и все это укладывать на приведеннаго къ подъѣзду извозчика.

— Куда это, тетенька, путь вашъ держите?—пошутилъ метръ-д'отель горничной.

— Куда нужно-съ!—отвѣчала та ему: Елена запретила ей говорить княжеской прислугѣ, куда онѣ переѣзжаютъ.

Невдолгъ послѣ горничной на лѣстницѣ показалась и Елена, а за нею шла нянька съ ребенкомъ.

— Не прикажете ли карету для васъ заложить?... Такъ же стоятъ лошади, ничего не дѣлаютъ!—отнесся къ ней выѣздной лакей.

— Нѣтъ, не надо!... Я на извозикѣ доѣду, — сказала Елена. — А ты вотъ что лучше: побереги мое письмо къ князю, которое я оставила въ кабинетѣ на столѣ.

— Сохранно будетъ съ!—отвѣчалъ ей лакей.

Елена свою новую квартиру въ казенномъ домѣ нашла выметенною и вымытою; но при всемъ томъ она оказалась очень неприглядною: въ ней было всего только двѣ комнаты и небольшая кухня; потолокъ замѣнялся сводомъ; въ окнахъ виднѣлись желѣзные рѣшетки, такъ что нянька и горничная, попривыкшія къ роскоши въ княжескомъ домѣ, почти въ одинъ голосъ воскликнули:

— Ай, батюшки, словно тюрьма какая!...

Но Елену, кажется, нисколько не смутила бѣдность ея новаго помѣщенія. Обойдя все его кругомъ и попробовавъ рукой жесткую кожаную мебель, она

спокойно съла на диванъ и проговорила: «Ничего, матушка Россія,—чего и ожидать лучшаго!»

. Затѣмъ Елена велѣла поскорѣе уложить ребенка спать, съѣла двѣ баранки, которыхъ, ѣхавъ дорогой купила цѣлый фунтъ, остальные отдала нянѣ и горничной. Тѣ, скипятивъ самоваръ, принялись ихъ кушать съ чаемъ; а Елена, положивъ себѣ подъ голову подушку, улеглась, не раздѣваясь, на жесткомъ кожаномъ диванѣ и вскорѣ заснула крѣпкимъ сномъ, какъ-будто бы переживаемая ею тревога сдѣлала ее болѣе счастливою и спокойною...

VI.

Князь сидѣлъ въ Петербургѣ въ томъ же самомъ номерѣ гостиницы «Парижъ», въ которомъ мы нѣкогда въ первый разъ съ нимъ встрѣтились. Зачѣмъ князь въ настоящее время пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ самъ того хорошенько не зналъ. Онъ бѣжалъ, кажется, отъ овладѣвавшего имъ гнѣва противъ Елены, бѣжалъ и отъ любви къ ней. Ему казалось, что весь этотъ польскій патриотизмъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла снишедшій на Елену, былъ, во-первыхъ, плодомъ пронирыливыхъ внушеній Жуквича и, во-вторыхъ, дѣломъ собственной, ничѣмъ не сдерживаемой, капризной фантазіи Елены, а между тѣмъ, для удовлетворенія этого, можетъ быть, мимолетнаго желанія, она требовала, чтобы князь ломалъ и рушилъ въ себѣ почти органически приврожденное ему чувство. «Положимъ даже, рассуждалъ онъ: что и въ Еленѣ этотъ польскій патриотизмъ приврожденное ей.

чувство, спавшее и дремавшее въ ней до времени; но почему же она не хочет уважать этого чувства въ другомъ и, дѣйствуя сама, какъ полька, возмущается, когда князь поступаетъ какъ русскій». Далѣе, затѣмъ, въ головѣ князя начались противорѣчія этимъ его мыслямъ: «Конечно, для удовлетворенія своего патріотическаго чувства, обсуживалъ онъ вопросъ съ другой стороны,—Еленѣ нужны были пятнадцать тысячъ, которыя она могла взять только у князя, и неужели же она не стоила подобнаго маленькаго подарка отъ него, а получивъ этотъ подарокъ, она могла располагать имъ какъ ей угодно?... Эти пятнадцать тысячъ ему слѣдовало бы подарить!»—рѣшилъ князь мысленно; но въ то же время у него въ головѣ сейчасъ явилось новое противорѣчіе тому: «этими пятнадцатью тысячами дѣло никакъ бы не кончилось, думалъ онъ:—Елена, подстрекаемая Жувичемъ, вѣроятно, пойдетъ по этому пути все дальше и дальше и, чего добраго, вступитъ въ какой-нибудь польскій заговоръ!» Князь былъ не трусъ, готовъ былъ стать въ самую отчаянную и рискованную оппозицію и даже съ удовольствіемъ бы прінялъ всякое политическое наказаніе, но онъ хотѣлъ, чтобъ это послѣдовало надъ нимъ за какое-нибудь дорогое и близкое сердцу его дѣло. Стоять же за польщизну или, лучше сказать, за польскую шляхту и кзендзовъ онъ считалъ постыднымъ для себя.

Живя уже нѣсколько дней въ Петербургѣ, князь почти не выходилъ изъ своего номера и только въ послѣднее утро съѣздилъ на могилу къ Марьѣ Васильевнѣ, недавно передъ тѣмъ умершей и похороненной. Забравъ потомъ къ мраморщику, онъ зака-

залъ ему поставить надъ ея могилою памятникъ, а теперь, сидя одинъ въ комнатѣ, невольно вспоминалъ объ этой доброй старушкѣ, такъ горячо и такъ безкорыстно его любившей. Вдругъ ему подали телеграмму изъ Москвы; князь задрожалъ даже весь; онъ непременно предполагалъ, что эта телеграмма была отъ Елены, и надежда, что она хочетъ помириться съ нимъ, исполнила его сердце радостью.

Телеграмма его извѣщала:

«Вчерашняго числа Елена Николаевна совсѣмъ уѣхали изъ вашего дома. Мы ихъ спрашивали, куда уѣзжаютъ, и онѣ намъ сказали, что къ маменькѣ ихней. Мы на другой день ходили къ ихъ маменькѣ; она сказала, что ихъ нѣтъ у нихъ и очень сами этимъ встревожились! Спиридонъ Скворцевъ и Михайла Гавриловъ».

Князь первоначально понять не могъ, кто это ему телеграфируетъ, и только потомъ сообразилъ, что это были лакеи его. Первымъ дѣломъ князя послѣ того было взглянуть на часы,—былъ всего еще второй часъ. Князь крикнулъ своего камердинера и велѣлъ ему сейчасъ же собраться, а черезъ часъ какой-нибудь онъ былъ на желѣзной дорогѣ и ѣхалъ обратно въ Москву. Печаль и даже отчаяніе до такой степени ярко отражались во всей его наружности, что ѣхавшая съ нимъ въ одномъ вагонѣ довольно еще нестарая и, должно быть, весьма сердобольная дама никакъ не могла удержаться и начала безпрестанно обращаться къ нему.

— Monsieur, вы, должно быть, чѣмъ-нибудь нездоровы?

— Да, нездоровъ! — отвѣчалъ ей почти грубо князь.

— Это по лицу вашему видно: у моего мужа именно такое выраженіе лица было, — и я только говорить не хочу, но съ нимъ послѣ очень нехорошо было!

— Что же такое было?—спросилъ ее не такъ уже сурово князь.

— Онъ умеръ!—отвѣчала дама съ удареніемъ.

— И отлично это!—подхватилъ князь, и чтобы хоть сколько-нибудь облегчить себя отъ задушавшей его тоски, онъ вышелъ на платформу и сталъ жадно вдыхать свѣжій и холодный воздухъ; при этомъ ему нѣсколько разъ приходила въ голову мысль броситься на рельсы, чтобы по немъ прошелъ поѣздъ. «Но тутъ можно, пожалуй, не умереть, думалъ онъ, а сдѣлаться только уродомъ; револьверъ, въ этомъ случаѣ, гораздо вѣрнѣе».

Когда князь, наконецъ, пріѣхалъ въ Москву въ свой домъ и вошелъ въ кабинетъ, то сейчасъ замѣтилъ лежащее на столѣ письмо, адресованное рукою Елены. Онъ схватилъ его, проворно распечаталъ и прочелъ. Елена писала ему:

«Я уѣзжаю отъ васъ навсегда. Вы, вѣроятно, сами согласны, что при розни, которая открылась въ нашихъ взглядахъ на все въ мірѣ, намъ жить вмѣстѣ нельзя. Ни съ какой помощью ни ко мнѣ, ни къ сыну моему прошу васъ не относиться: мы оба совершенно обезпечены казеннымъ мѣстомъ, которое я получила у старика Оглоблина».

Князь не успѣлъ еще придти нѣсколько въ себя

отъ этого письма, какъ вошелъ къ нему выѣздной лакей и низкимъ басомъ произнесъ:

— Баронесса Мингеръ!

— Что?—переспросилъ князь сначала и не поняв- шій его хорошенько.

— Баронесса Анна Юрьевна Мингеръ!—пояснилъ ему лакей.

Князь сдѣлалъ злую гримасу.

— Ты скажи, что я сейчасъ только пріѣхалъ и усталъ съ дороги!—проговорилъ было онъ.

— Я имъ докладывалъ-съ: онѣ говорятъ, что про- ститься съ вами пріѣхали: завтра уѣзжаютъ совсѣмъ за-границу!—объяснилъ лакей.

— О, чортъ бы ее дралъ!... — сказалъ, не удержавшись, князь.—А баронъ съ ней?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Ну, прси!

Анна Юрьевна довольно долго шла изъ кареты до кабинета. Она была на этотъ разъ, какъ и слѣ- дуетъ молодой, въ дорогомъ голубомъ платьѣ, въ очень моложавой шляпѣ и въ туго, туго обтягива- ющихъ ея пухлыя руки перчаткахъ; выраженіе лица у ней, впрочемъ, было далеко не веселое. По обык- новенію, тяжело дыша и тотчасъ же усаживаясь въ кресло, она начала:

— Какъ ты мило поступилъ!... Я его только хо- тѣла на свадьбу къ себѣ позвать, а онъ въ Петер- бургъ уѣхалъ!

Князь молчалъ.

— Скажи на милость, — продолжала Анна Юрь- евна:—что такое у тебя съ Еленой произошло? Ко- мнѣ этотъ дуралей Николая Оглоблинъ пріѣзжалъ и

говорить, что она отъ тебя сбѣжала и поступила къ отцу его на службу въ вастелянши.

— Да, она уѣхала отъ меня!

— Но отчего? по какой причинѣ?

— По той, что мы расходимся съ ней въ понятіяхъ.

Князю, кажется, легче было бы стоять подъ пыткой, чѣмъ дѣлать всѣ эти отвѣты.

— Какъ же, вы такъ-таки совсѣмъ и разошлись?— приставала къ нему Анна Юрьевна.

— Не знаю!... я не видалъ еще ея по возвращеніи изъ Петербурга.

— *Cela veut dire qu'elle a bâclé tout cela en ton absence?*

— *Oui!* — отвѣчалъ князь отрывисто и глухимъ голосомъ.

— Смотри какая!... Ужасъ, съ какимъ душкомъ женщина!— говорила Анна Юрьевна. Она наконецъ поняла, что этотъ разговоръ былъ очень непріятенъ для князя, а потому и перемѣнила его.

— Я уже обвинчалась съ барономъ! — сказала она.

— Слышалъ-съ!... Человѣкъ возвѣстилъ мнѣ вашу новую фамилію!—отвѣчалъ съ отѣвкомъ насмѣшки князь.

— Какъ по-твоему, глупо я поступила?—спросила его Анна Юрьевна, замѣтивъ это.

— Отчего же!... Ежели существуетъ согласіе между вашими нѣжными сердцами!...—говорилъ князь въ томъ же тонѣ.

— Какое тутъ согласіе!... какъ вотъ и у тебя съ Еленой.... А главное, мнѣ поздно было это дѣлать;

хочу отъ стыда за-границу ѣхать et je ferai croire, que je suis marié de long temps.

— Зачѣмъ же вы дѣлали это, когда вы такъ стыдитесь того? — спросилъ ее князь злобно и насмѣшливо.

— Слабость характера, — сама знаю!... Баронъ сталъ пугать, что совсѣмъ уѣдетъ отъ меня, — мнѣ и жаль его сдѣлалось...

Проговоря это, Анна Юрьевна замолчала.

— Но куда вы именно ѣдете за-границу? — продолжалъ ее спрашивать князь тѣмъ же злымъ тономъ.

— Сначала въ Берлинъ—для совѣта съ докторами: я больна дѣлаюсь и серьезно больна,—а потомъ проѣду въ Парижъ и непременно увижу тамъ княгиню твою!... Que lui dire de ta part?

— Благийтесь и пожелайте ей всего хорошаго,— проговорилъ князь.

Анна Юрьевна еще не кончила своего, терзающаго князя, посѣщенія, какъ въ кабинетъ къ нему подкрался и вошелъ тихими шагами новый гость — Елпидифоръ Мартынычъ: этого князь не могъ ужь перенести.

— Что вамъ угодно отъ меня? — спросилъ онъ, прямо и не церемонясь, Елпидифора Мартыныча, такъ что тотъ попятился даже нѣсколько назадъ.

— К-ха!... Тамъ-съ кучеръ вашъ... боленъ... извѣщали меня!...—отвѣтилъ онъ порывистымъ голосомъ.

— Ну, такъ вы къ кучеру и приходите! — сказалъ ему немилосердно князь.

— Я видѣлъ уже кучера,—произнесъ Елпидифоръ

Мартынычъ, пріосанившись немного, — и пришелъ спросить васъ, какъ вы прикажете: здѣсь ли его держать или въ больницу положить?— Но, собственно говоря, Елпидифоръ Мартынычъ зашелъ князю за тѣмъ, чтобы развѣдать у него, за что онъ съ Еленой Николаевной поссорился и куда она отъ него переѣхала, о чемъ убѣдительнѣйшимъ образомъ просила его Елизавета Петровна, даже не знавшая, гдѣ теперь дочь живетъ. Вообще, этотъ разрывъ Елены съ княземъ сильно опечалилъ и встревожилъ Елизавету Петровну и Елпидифора Мартыныча: онъ разомъ разбилъ всѣ ихъ надежды и планы.

— Зачѣмъ его въ больницу класть, когда вы домашнимъ докторомъ наняты,— продолжалъ допекать Елпидифора Мартыныча князь.

— Да я и не отказываюсь отъ того, — помилуйте!—бормоталъ тотъ, краснѣя весь въ лицѣ.

— Такъ и лечите его!... — сказалъ ему на это князь.

— Слушаю-сь!... Я сейчасъ къ нему еще зайду!—проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ и, повернувшись, вышелъ изъ кабинета. Аннѣ Юрьевнѣ, все еще сердившейся на Елпидифора Мартыныча за сдѣланный имъ доносецъ на все и не удостоившей его въ настоящее свиданіе даже взглядомъ, онъ не осмѣлился даже поклониться; но, выйдя въ залу, старикъ сбросилъ съ себя маску смиренія и разразился ругательствомъ:

— Всѣ эти аристократишки—скоты, ей-богу!... чистѣйшіе скоты!—говорилъ онъ самъ съ собой.

— Ну, однако, ты, я вижу, очень не въ духѣ,— обратилась Анна Юрьевна къ князю, вставая съ своего мѣста.

Князь, на эти слова ея, тоже поднялся съ своего мѣста.

— Ты все-таки, съѣзди къ этой дѣвочкѣ своей: *quelle brouille avez-vous eu les deux!*—говорила Анна Юрьевна, уходя. По добротѣ своей, она не любила, когда любовники ссорились, и по собственнымъ опытамъ была убѣждена, что въ этомъ ничего нѣтъ хорошаго!

По отъѣздѣ ея, князь крикнулъ, чтобъ ему подавали карету, и поѣхалъ въ домъ къ Оглоблину.

Здѣсь онъ скоро разыскалъ квартиру Елены, гдѣ попавшаяся ему въ дверяхъ горничная очень сконфузилась и не знала: принимать его или нѣтъ; но князь даже не спросилъ ее: «дома ли госпожа?» а прямо прошелъ изъ темной передней въ слѣдующую комнату, въ которой онъ нашелъ Елену, сидящую за небольшимъ столикомъ и пишущую какіе-то счета. Увидѣвъ его, она немножко измѣнилась въ лицѣ; князь же, видимо, старался принять на себя веселый и добрый видъ.

— Елена, что это вы за сумашествіе выдумали?—проговорилъ онъ, протягивая къ ней руку.

Елена, съ своей стороны, приняла у него руку его и даже пожала ее.

— Вы находите, что это сумашествіе?—спросила она его довольно спокойнымъ голосомъ.

— Разумѣется!..—изъ-за чего затѣвать всю эту исторію было?—Поѣдьте, пожалуйста, сейчасъ опять ко мнѣ!

— Къ вамъ?..—Нѣтъ, я больше къ вамъ никогда не поѣду!—сказала Елена.

— Но отчего?—За что?—говорилъ князь. У него при этомъ начало даже подергивать всѣ мускулы въ лицѣ. — Если вы разсердились за эти деньги, такъ я велю вамъ немедля прислать ихъ.

Елена при этомъ насмѣшливо улыбнулась.

— Вотъ какъ, подкупать теперь сталъ!...—произнесла она.—Но неужели, однако, ты до сихъ поръ не убѣдился, что меня никогда и ни на что ни подкупить, ни упросить нельзя?

— Да, Господи! развѣ я подкупаю тебя?... Я хочу только уничтожить причину, рассорившую насъ.

Князь все еще, какъ мы видимъ, продолжалъ сохранять свой добрый тонъ.

— Причина не въ одномъ этомъ заключается, какъ и прежде я тебѣ говорила,—отвѣчала Елена.

— Но знаешь ли ты, Елена, что, поступая такимъ образомъ со мной, ты можешь довести меня до самоубійства.

— Ха, ха, ха!—засмѣялась Елена, такъ что князь даже позеленѣлъ весь при этомъ.

— Изъ уваженія въ тебѣ я не хочу вѣрить словамъ твоимъ!—начала она уже серьезно.—Но еслибы ты въ самомъ дѣлѣ рѣшился когда-нибудь сдѣлать подобную глупость, то, признаюсь, не завидное бы воспоминанье оставилъ во мнѣ по себѣ!... и Елена опять при этомъ усмѣхнулась. — Потому что,—продолжала она, какъ-бы желая разъяснить свою мысль:—мужчина, который убиваетъ себя отъ того, что его разлюбила какая-нибудь женщина, по-

моему, долженъ быть или сумашедшій, или дуракъ набитый....

— Но ты, однако, значить, все-таки меня совершенно разлюбила?—спросилъ князь, все болѣе и болѣе блѣднѣя въ лицѣ, и голосъ его при этомъ былъ не столь добрый.

— Да, я почти тебя совершенно разлюбила! — отвѣчала Елена:—во мнѣ теперь живетъ къ другому гораздо болѣе сильное чувство, и, кажется, этотъ новый Молохъ мой больше мнѣ по характеру...

— И этотъ Молохъ твой новый, конечно, Польша!...—сказалъ князь, очень хорошо понявшій, о какомъ собственно чувствѣ говорила Елена. Лице его между тѣмъ становилось все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Польша!—отвѣчала она ему.

— Но ты, въ этомъ твоёмъ поклоненіи, забыла, что у насъ съ тобой есть общій сынъ,—возразилъ князь.

— Сына нашего, если ты желаешь, можешь видать; но имѣть какое-нибудь вліяніе на его воспитаніе я тебѣ не позволю.

— А съ тобой, значить, я и видаться не долженъ буду?—спросилъ князь.

— Я просила бы тебя объ этомъ!—произнесла, немного потупляясь, Елена.

Князь невольно поникъ головой: ему все еще не вѣрилось, чтобы Елена была такая съ нимъ, какою она являлась въ настоящую минуту.

— Елена, неужели ты все это говоришь серьезно?—сказалъ онъ ей опять добрымъ голосомъ.

— Совершенно серьезно! — какъ бы отчеканила на мѣди Елена.

— И мы въ самомъ дѣлѣ должны будемъ разстаться навсегда?

— Должны разстаться навсегда!—повторила рѣшительнымъ тономъ Елена.

— Но вѣдь, Елена, пойми ты: мнѣ жить будетъ нечѣмъ нравственно безъ тебя... Научи, по крайней мѣрѣ, меня: что мнѣ дѣлать съ собой?

— Самое лучшее, по-моему, для тебя,—отвѣчала Елена, повидимому, совершенно искреннимъ тономъ:—сойтись опять съ женой. Я не хотѣла тебѣ тогда говорить, но ей, дѣйствительно, нехорошо живетъ съ Миклаковымъ, и она очень рада будетъ возвратиться къ тебѣ.

Князь эти слова Елены принялъ за самую горькую насмѣшку.

— О, какой это демонъ,—воскликнулъ онъ:—вразумляетъ и учить тебя такъ язвить и оскорблять меня!... Неужели это все тотъ же злодѣй?.. Елена! пожалѣй, по крайней мѣрѣ, ты его, если онъ становится тебѣ дорогъ... Я убью его, Елена, непременно убью, или пусть онъ меня убьетъ!

Елена употребила надъ собой не малое усиліе, чтобы не смутиться передъ бѣшенымъ взрывомъ князя.

— Ты, конечно, говоришь о Жуковичѣ, но онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, и я очень рада, что ты сказалъ, что убить его хочешь,—я предувѣдомлю его о томъ.

— Нѣтъ, не успѣешь!... не успѣешь! — вскричалъ князь, грозя пальцемъ, и затѣмъ, шатаясь, какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты, а потомъ и совсѣмъ изъ квартиры Елены. Очутившись на дворѣ,

онъ простоялъ нѣсколько времени, какъ бы желая освѣжиться на холодномъ воздухѣ, а потомъ вдругъ повернулъ къ большому подъѣзду, ведущему въ квартиру старика Оглоблина. У швейцара князь спросилъ: «дома ли молодой Оглоблинъ?» — «Дома изволятъ-съ быть!» отвѣчалъ тотъ ему и указалъ князю, куда ему идти.

Monsieur Николая въ это время передъ тѣмъ только-что позавтракалъ и былъ, вслѣдствіе этого, въ весьма хорошемъ расположеніи духа. Занятъ онъ былъ довольно страннымъ дѣломъ, которымъ, впрочемъ, Николая постоянно почти занимался, когда оставался одинъ. Онъ держалъ необыкновенно далеко выпяченными свои огромныя губы и на нихъ, какъ на варганѣ, игралъ пальцемъ и издавалъ при этомъ какіе-то дикіе звуки ртомъ. Когда князь появился въ его комнатѣ, Николая мгновенно прекратилъ это занятіе и одновременно испугался и удивился.

Наружный видъ князя еще болѣе усилилъ страхъ Николая: онъ вообразилъ, что князь пришелъ спросить у него отчета, какъ онъ смѣлъ выхлопотать мѣсто Еленѣ.

— Очень радъ, что я васъ засталъ дома!... — Поѣдьте со мной сейчасъ! — проговорилъ князь.

— Куда поѣхать? — спросилъ Николая, выпучивая на него свои глаза.

— Я тутъ одного господина долженъ вызвать

на дуэль, и вы будете моимъ секундантомъ... Мнѣ, кромѣ васъ, не къ кому обратиться.

— Дуэль?.. Господи!.. — произнесъ Николая, взглядывая мелькомъ на висѣвшія на стѣнѣ ружья свои и пистолеты, изъ которыхъ онъ ни изъ одного не стрѣливалъ: — но, вѣдь я, князь, ей-богу, никогда не бывалъ секундантомъ, и что тутъ дѣлать — совершенно не знаю!.. — присовокупилъ онъ какимъ-то жалобнымъ голосомъ.

— Все равно, знать тутъ нечего, поѣдьте! — говорилъ князь.

— Я боленъ, князь, ей-богу, боленъ! — продолжалъ Николая, не двигаясь съ своего мѣста: — мнѣ докторъ строго запретилъ выѣзжать: «умрете», говорить.

Князь поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Если вы не поѣдете со мной, — произнесъ онъ, стискивая зубы: — такъ я по всей Москвѣ буду рассказывать, что вы трусъ и подлець.

— О, какой вы смѣшной! — зашутилъ уже Николая. — Ну, поѣдьте, — чортъ дери, въ самомъ дѣлѣ, всѣхъ и все! — воскликнулъ онъ, Богъ знаетъ что желая сказать послѣдними словами. — Кого это вы вызываете? — присовокупилъ онъ какъ-бы и тономъ храбреца.

— Жуквича! — отвѣчалъ князь.

— А за что это? — любопытствовалъ Николая: въ нехитрой головѣ его явилось подозрѣніе, что не за Елену ли они поссорились и что нѣтъ ли у ней что съ Жуквичемъ.

— Это мое дѣло! — сказалъ ему мрачно князь. — Да собирайтесь ~~же~~ // прибавилъ онъ.

— Я готовъ, извольте! — произнесъ Николая и, какъ агнецъ, ведомый на закланіе, послѣдовалъ за княземъ, который посадилъ его къ себѣ въ карету и повезъ.

— Я очень радъ, конечно, что могу вамъ услужить этимъ, очень радъ! — храбрился Николая; но сквозъ всѣ эти восклицанія такъ и слышался худо скрываемый страхъ.

Пріѣхавъ въ гостиницу, гдѣ жилъ Жуквичъ, князь прямо прошелъ къ тому въ номеръ, введя съ собою и Николая, изъ опасенія, чтобы тотъ не улизнулъ. Они застали Жуквича дома. Тотъ, при видѣ ихъ, замѣтно смутился. Князь подошелъ къ нему и сказалъ ему не громко и по-англійски, чтобы Николая не могъ понять, что онъ говоритъ:

— Вы поссорили меня прежде съ русскими эмигрантами, дружбу которыхъ я высоко цѣнилъ!.. Поссорили теперь съ женщиною, горячо мною любимой, и я васъ вызываю на дуэль и хочу убить васъ!

Жуквичъ при этомъ замѣтно поблѣднѣлъ.

— Вы ошибаетесь во всемъ этомъ; я не считаю себя нисколько виновнымъ противъ васъ! — проговорилъ онъ тоже по-англійски.

— Я васъ считаю, слышите?.. и если не будете со мной драться, я приду къ вамъ и просто убью васъ! — продолжалъ князь, попрежнему, по-англійски.

Жуквичъ понурилъ на нѣкоторое время голову.

— Но я-жъ не имѣю секунданта! — произнесъ онъ уже по-русски и какъ-бы размышляя.

— Ищите, это ваше дѣло, а мой секундантъ — вотъ!.. — сказалъ и князь по-русски, показывая на Николая, все время стоявшаго у окна и скрестив-

шаго, наподобіе Наполеона I, на груди у себя руки.

— Я-жь не знаю, найду ли я теперь кого!.. — сказалъ Жуквичъ, пожимая плечами, и затѣмъ, проворною походкой, вышелъ изъ номера.

Князь мрачно и безпокойно посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Жуквичъ прошелъ въ одинъ изъ смежныхъ номеровъ, въ которомъ на диванѣ, въ довольно гордой позѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ и читалъ какой-то, должно быть, романъ.

Жуквичъ началъ ему говорить что-то по-польски, съ не совѣмъ, впрочемъ, чистымъ польскимъ акцентомъ.

Молодой человѣкъ выслушалъ его внимательно; слова Жуквича видимо сконфузили его: онъ возразилъ ему съ своей стороны по-польски, но тоже какъ-то звякая въ произношеніи.

— Да ничего-жь не можетъ быть изъ того, — глупость, вздоръ—тьфу! — восклицалъ Жуквичъ порусски, — вы-жь съумѣете своровать пулю, а я-жь выстрѣлю на воздухъ.

Молодой человѣкъ все еще не рѣшался.

— Мы-жь, Эмануиль, жили все съ вами вмѣстѣ, — надобно-жь помогать другъ другу! — говорилъ почти умоляющимъ голосомъ Жуквичъ.

— Но они-жь могутъ замѣтить то! — проговорилъ, наконецъ, молодой человѣкъ и тоже, подобно Жуквичу, съ сильнымъ прибавленіемъ *жь*.

— Гдѣ-жь замѣтить-то? Оя сумашедшій, какъ есть, а другой, секундантъ его — дуракъ, я-жь знаю его!.. — горячился тотъ. — Я вамъ, Эмануиль, сколько денегъ давалъ!.. надобно-жь помнить то!.. Вы были-

бы давно-жь безъ меня въ тюрьмѣ!.. — прибавилъ онъ.

Послѣднее доказательство, какъ видно, подѣйствовало отчасти на молодаго человѣка. Онъ поднялся съ своего мѣста.

— Я право-жь не знаю, какъ сдѣлать это!—сказалъ онъ, какъ-бы въ раздумьи.

— Да что жь тутъ сдѣлать?.. Развѣ трудно-жь, чтобы пулю, вмѣсто чтобы такъ, — вотъ такъ ее!.. воскликнулъ Жуквичъ, и при этомъ сначала ткнулъ пальцемъ внизъ, а потомъ рукой показалъ на обшлагъ своего рукава. Во всемъ этомъ объясненіи его красивая и почти величественная наружность совершенно измѣнилась: онъ сдѣлался какъ-то гадокъ и подлъ на видъ.

— Да не отговаривайтесь-жь, Эмануилъ, они-жь насъ ждуть! — вопіялъ Жуквичъ и потомъ, взявъ почти насильно молодаго человѣка за руку, повелъ его.

Князь, между тѣмъ, рвался отъ нетерпѣнія, и ему начинали приходиться въ голову подозрѣнія, что не удралъ ли отъ него Жуквичъ; но двери отворились, и тотъ вошелъ съ своимъ молодымъ товарищемъ. Оба они постарались принять спокойный видъ, и молодой человѣкъ, попрежнему, уже имѣлъ свою гордую осанку. Жуквичъ сначала отрекомендовалъ его князю, а потомъ Оглоблину. Молодой человѣкъ, кланяясь, сгибалъ только немного голову на своей длинной шеѣ.

— А на какомъ оружіи будетъ дуэль? — спросилъ онъ Жуквича.

— На пистолетахъ-жь! Я желаю на пистоле-

тахъ!... они-жь у меня и есть! — отвѣчалъ тотъ и, сходя въ свою спальню, вынесъ оттуда пару отличныхъ пистолетовъ. — Не угодно ли вамъ видѣть ихъ? — проговорилъ онъ, подавая пистолеты Николаю, который съ видомъ знатока осмотрѣлъ ихъ внимательно.

— Но въ какомъ мѣстѣ дуэль назначена? — продолжалъ молодой человѣкъ, сохраняя свою гордую осанку.

— Въ саду у меня, если хотите; онъ довольно большой и совсѣмъ пустой! — сказалъ князь.

Молодой человѣкъ вопросительно взглянулъ при этомъ на Жуквича.

— Мнѣ-жь все равно! — отвѣчалъ тотъ.

Всѣ тронулись потомъ за княземъ, который опять поѣхалъ съ Николаемъ, а Жуквичъ съ своимъ секундантомъ.

— Я очень радъ этой дуэли, очень! — повторялъ Николай всю дорогу; но вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ страха и отъ волненія у него даже какъ-то глаза перекосились.

Князь ничего ему не отвѣчалъ и былъ почти страшень на видъ. Приѣхавъ къ себѣ въ домъ, онъ ввелъ своихъ гостей прямо въ садъ, дорожки въ которомъ всѣ были расчищены и на средней изъ нихъ оказалось удобнымъ совершить задуманное дѣло. Молодой секундантъ Жуквича сейчасъ принялся назначать мѣсто барьера.

— Тутъ, я полагаю, — отнесся онъ къ Николаю, какъ къ сотоварищу своему.

— Конечно тутъ!.. Разумѣется! — зашамшилъ тотъ своимъ язычищемъ. Молодой человѣкъ послѣ

того отмѣрилъ отъ барьера въ ту и другую сторону по нѣскольку шаговъ и сталъ заряжать пистолеты. Князь во все время этихъ приготовленій стоялъ безъ шубы и съ нетерпѣнiемъ ожидалъ того, когда они кончатся.

Въ умѣ его, противъ собственнаго желанiя, проходили довольно странныя мысли. Въ саду въ это время летали кой-какiя птички и что-такое чирикали; въ воздухѣ раздавался благовѣстъ къ вечернѣ въ сосѣдномъ приходѣ. Князю припомнилось его дѣтство, когда онъ именно въ эти часы гулялъ въ саду; потомъ мелькнулъ въ его воображенiи образъ Елены, жены и затѣмъ пришла мысль, что черезъ нѣсколько мгновений, можетъ быть, онъ ничего не будетъ ни видѣть, ни чувствовать. Жуквичъ, съ своей стороны, тоже стоялъ съ довольно мрачнымъ выраженiемъ, и при этомъ красивые глаза его неустанно и пристально были устремлены на молодого секунданта, который наконецъ зарядилъ пистолеты, и, проговоря негромкимъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ: «готовы», вручилъ ихъ противникамъ. Тѣ стали на свои мѣста и начали подходить къ барьеру. Николая, все время стоявшiй около князя и какъ-бы желавшiй его тѣмъ защитить, при видѣ, что Жуквичъ направляетъ свой пистолетъ въ ихъ сторону, заоралъ благимъ матомъ: «погодите, постоитъ, постоитъ!» и бросился въ кусты.

— Станьте-жь вотъ тутъ около меня, здѣсь безопасно! — сказалъ ему, съ насмѣшкой секундантъ Жуквича.

Николай подскочилъ къ нему и всталъ за нимъ. Князь прицѣлился въ самый лобъ Жуквича и вы-

стрѣлилъ. Вслѣдъ затѣмъ выстрѣлилъ и Жуквичъ, но при этомъ онъ замѣтно держалъ пистолеть въ бокъ отъ князя. Оба противника оказались невредимы.

— Еще стрѣляться!.. Еще!.. — закричалъ было князь.

Жуквичъ на это склонилъ немного голову.

— Я-жь принялъ разъ отъ васъ вызовъ, не будучи ни въ чемъ предъ вами виновенъ; но быть вашей постоянной мишенью я не желаю!

— Но все-таки я васъ убью!.. Я убить васъ хочу!.. — кричалъ князь.

— Убить-жь вы меня можете... тогда законъ васъ накажетъ за то! — проговорилъ Жуквичъ, пожимая плечами. — Идемте-жь! — присовокупилъ онъ своему секунданту.

Тотъ былъ совсѣмъ готовъ и даже держалъ пистолеты подъ мышкой; они отправились.

— Пойдите, пойдите!.. — кричалъ было имъ князь задыхающимся голосомъ. — Оглоблянь, остановите ихъ! — присовокупилъ онъ, обращаясь къ Николаю. У самого князя силъ, кажется, не было тронуться съ своего мѣста. Онъ стоялъ, одною рукой держась за дерево, а другою схватясь за свой бокъ.

Николай, впрочемъ, его не послушалъ и принялся его уговаривать.

— Да нельзя, князь, по законамъ дуэли этого нельзя! — убѣждалъ онъ его.

— О, Боже мой, Боже мой! — престонаялъ князь и, шатаясь, пошелъ изъ саду. Николай послѣдовалъ за нимъ. Онъ каждую минуту ожидалъ, что князь упадетъ; однако тотъ дошелъ до дому, взмошелъ даже

на лѣстницу, прошелъ въ свой кабинетъ, упалъ вверхъ лицомъ на канаве и закрылъ глаза.

Николя смотрѣлъ на него оторопѣлыми глазами.

— Не нужно ли послать за докторомъ?—сталъ онъ спрашивать князя своимъ шепелявымъ языкомъ.

— Миѣ все равно! — отвѣчалъ тотъ досадливымъ тономъ.

Николя постоялъ еще нѣкоторое время около князя, а потомъ вышелъ и сказалъ людямъ, чтобъ ѣхали за докторомъ. Тѣ, разумѣется, поскакали за Елпидифоромъ Мартынычемъ. Тотъ, съ своей стороны, не смотря на причиненное ему княземъ оскорбленіе, немедля пріѣхалъ. Николя, между тѣмъ, чтобы не беспокоить больного, ходилъ уже по залѣ.

— Струсилъ это онъ, — что тутъ хвастать-то!.. нечего!.. Захворалъ, вотъ, даже! — шепталъ онъ самъ съ собой своими губищами.

Елпидифоръ Мартынычъ, осмотрѣвъ князя, вышелъ изъ кабинета съ озабоченнымъ лицомъ.

— Что такое съ нимъ? — спросилъ его Николя.

Елпидифоръ Мартынычъ въ отвѣтъ махнулъ только рукой.

— Все тутъ есть!.. и воспаленіе печени, и давленіе на мозгъ, и не разберешь сразу-то... — проговорилъ онъ какимъ-то даже растеряннымъ голосомъ.

— У нихъ тутъ съ Жуквичемъ сейчасъ дуэль была!.. Я секундантомъ былъ у князя! — не утерпѣлъ Николя и началъ извергать изъ себя.

— А!.. — произнесъ съ удивленіемъ Елпидифоръ Мартынычъ.—Но за что же это? — присовокупилъ онъ.

— Должно быть, изъ-за этой Жиглинской, что у насъ теперь служить!

— Такъ!.. Да!.. Вѣрно, что такъ! — подтверждалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Едва растащилъ ихъ!.. Князь хотѣлъ другой разъ стрѣляться! — продолжалъ Николая разсказывать.

— А!.. — повторилъ еще разъ съ удивленіемъ Елпидифоръ Мартынычъ.

VII.

Прошло мѣсяца два. Елена все это время была занята устройствомъ лотереи на извѣстный намъ предметъ. Она предположила разыграть въ ней всѣ свои вещи. Жуквичъ тоже принесъ ей для этого очень цѣнный бритвенный ящикъ и пару отличныхъ револьверовъ.

— Это тѣ-жъ самые пистолеты, на которыхъ мы стрѣлялись съ княземъ! — произнесъ онъ съ небольшою улыбкой.

Елена при этомъ немного измѣнилась въ лицѣ. Она, разумѣется, слышала еще прежде о дуэли и о болѣзни князя; обо всемъ этомъ ей на другой же день отрапортовалъ самымъ подробнымъ образомъ Николая. Тогда она, по наружности, по крайней мѣрѣ, какъ-бы не обратила на то большаго вниманія и даже проговорила: «Все-фарсы этотъ господинъ выкидываетъ!» Но въ настоящую минуту Елена, какъ-бы противъ воли, припомнила о другихъ пистолетахъ, на ящикѣ которыхъ она сдѣлала надпись своею

рукой; со свойственной однако ей силой характера, она успѣшила отогнать отъ себя это воспоминаніе и начала разговаривать съ Жуквичемъ.

— Вы знаете, что Оглоблинъ мнѣ тоже отдалъ въ лотерею свое оружіе?—сказала она ему.

— Какое-жъ это оружіе? — спросилъ Жуквичъ.

— У него цѣлая стѣна была увѣшана разными ружьями и саблями: я какъ-то посмѣялась ему, что глупо, говорю, въ настоящее время развѣшивать по стѣнамъ подобныя вещи... Онъ мнѣ теперь все это и презентовалъ.

— У васъ поэтому-жъ будетъ военная лотерея?..— посмѣялся Жуквичъ.

— Военная и литературная, потому что Оглоблинъ пожертвовалъ мнѣ еще всю почти свою библиотеку.

— Всю библиотеку-жъ?

— Да, до тысячи томовъ.

— Но кому-жъ вы на столько вещей раздате ваши билеты?—воскликнулъ Жуквичъ.

— Розданы всѣ!.. розданы! — воскликнула съ своей стороны Елена. — Посмотрите, сколько тутъ денегъ!—присовокупила она, открывая передъ Жуквичемъ ящикъ въ своемъ столѣ, въ которомъ было раскидано тысячъ до семи.

— Да, много-жъ, очень! — произнесъ тотъ, и у него при этомъ точно конвульсіей подернуло все лицо. — Но гдѣ-жъ вы набрали столько желающихъ брать билеты?—присовокупилъ онъ.

— Все мой безцѣнный Никола Оглоблинъ совершилъ это, по пословицѣ: нѣтъ дурака, который не годился бы на какое-нибудь полезное дѣло.

— О, да!..—протянулъ Жуквичъ и опять кинулъ косвенный взглядъ на ящикъ съ деньгами, а затѣмъ, какъ-бы не удержавшись, присовокупилъ нѣсколько страннымъ голосомъ и самъ потупляясь при этомъ:— Таковую-жъ большую сумму денегъ вы держите не въ запертомъ ящикѣ!..

— Но тутъ и замка совсѣмъ нѣтъ! — отвѣчала Елена.—А вотъ что,—продолжала она:—возмите вы ихъ лучше себѣ: я вамъ же потомъ ихъ передамъ.

Жуквичъ вспыхнулъ весь въ лицѣ.

— Но ловко ли это будетъ?—проговорилъ онъ. Голосъ его явно при этомъ трепеталъ.

— Что тутъ недовкаго?.. Никто и знать про то не будетъ,—возразила Елена.

Жуквичъ чувствовалъ, кажется, что волненіе его слишкомъ было замѣтно, такъ что самъ поспѣшилъ объяснить его.

— Я-жъ даже смущень!—сказалъ онъ, беря себя за голову, — отъ мысли, что моимъ собратамъ будетъ послана такая-жъ помощь!.. Радость прерываетъ даже голосъ мой!

— А я-то какъ рада, и сказать того не могу!—подхватила Елена. — Берите, пожалуйста, деньги и сосчитайте, сколько ихъ тутъ!—прибавила она, выдывая изъ стола пачку за пачкой.

Жуквичъ началъ раскладывать ассигнаціи сначала по сотнямъ, а потомъ по тысячамъ.

— Семь тысячъ!—произнесъ онъ.

— Ого!.. порядочно! — воскликнула Елена.

— Да! — подтвердилъ какимъ-то почти разслабленнымъ голосомъ Жуквичъ.—Но какъ-жъ вы дадите отчетъ въ нихъ?—спросилъ онъ, помолчавъ немного.

— Я вовсе въ нихъ не буду давать никакого отчета,—отвѣчала Елена.—Меня самое сначала это мучило: я, какъ вотъ и вы мнѣ совѣтовали, говорила, что затѣваю это въ пользу молодыхъ дѣвушекъ, не имѣющихъ обезпеченнаго положенія, съ тѣмъ, чтобъ онѣ не были доведены тѣмъ до порока; но потомъ думаю, что я должна буду сказать, кому именно изъ нихъ раздала эти деньги. Я и говорю этому Николаю: «Это помощь, говорю, благотвори- тельная; но многія бѣдныя дѣвушки отъ того, пожалуй, не обратятся къ ней, что ихъ фамиліи будутъ названы!»—«Да зачѣмъ вамъ называть ихъ?»—«За тѣмъ, говорю, чтобы дать отчетъ въ деньгахъ!»—«Да кому, говоритъ, вамъ давать отчетъ въ нихъ?»—«Тѣмъ лицамъ, говорю, которыя подпишутся на билеты». — «Очень нужно!» говоритъ, словомъ, совершенно свой взглядъ имѣеть на это.—«Нѣтъ, говорю, очень нужно: я вовсе не такое лицо, которому общество захотѣло бы повѣрить безъ всякаго контроля.»—«Не нужно, говоритъ, — я все возьму на себя: пускай, говоритъ, ко мнѣ привязываются; что, они меня за вора, что ли, сочтутъ? А которыя, говоритъ, очень пристанутъ, я возьму да за билеты ихъ свои деньги имъ и вышвырну!» Такимъ образомъ, съ этой стороны я обезпечена... Скверно, конечно, что тутъ лгать приходится, но что дѣлать: другаго я ничего не могла придумать!

— Да Боже-жь мой! сколько сдѣлано сквернаго противъ тѣхъ людей, для которыхъ мы это дѣлаемъ...

— Еще бы!..—согласилась Елена, хотя въ глубинѣ совѣсти своей и продолжала чувствовать не-

ловкость отъ того, что принуждена была выдумывать и обманывать.

— Такъ вы завтра мнѣ позволяете и отправить эти деньги?—спросилъ Жуквичъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Пожалуйста... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! — подхватила Елена.

— А прикажете дать вамъ расписку въ нихъ?— присовокупилъ Жуквичъ.

— Никакой!.. Что за вздоръ такой!—воскликнула Елена.

Жуквичъ посидѣлъ еще нѣкоторое время, и еслибъ Елена повнимательнѣй наблюдала за нимъ, то замѣтила бы, что онъ былъ какъ на иголкахъ; наконецъ, онъ поднялся и сталъ прощаться съ Еленой; но деньги все еще не клалъ въ карманъ, а держалъ только ихъ въ своей рукѣ и такимъ образомъ пошелъ; но, выйдя въ сѣни, немедля всю пачку засунулъ въ свой, совершенно пустой, бумажникъ; потомъ этотъ бумажникъ положилъ въ боковой карманъ своего сюртука, а самый сюртукъ наглухо застегнулъ и, ѣхавъ домой, безпрестанно ощупывалъ тотъ бокъ сюртука, гдѣ лежалъ бумажникъ.

Лотерею въ пользу мнимыхъ бѣдныхъ дѣвушекъ Никола предположилъ разыграть въ домѣ отца. Старикъ Оглоблинъ, очень любившій сына, который былъ у него единственный и въ которомъ онъ вовсе не замѣчалъ особенной простоватости, съ удоволь-

етвіемъ разрѣшилъ ему это и даже съ своей стороны предложилъ сдѣлать для этого une grande soirée.

Вещи, предназначенныя къ розыгрышу, разставить покрасивѣе на глаза публикѣ взялся Жуквичъ и исполнилъ это съ искусствомъ, достойнымъ лучшаго декоратора; при этомъ онъ все почти самъ размѣривалъ, прилаживалъ и приколачивалъ. Всѣ вещи разложены были на красномъ сукнѣ и мѣстами перемѣшаны съ горшками роскошнѣйшихъ цвѣтовъ; нѣкоторые томы изъ библіотеки Николая, болѣе красивые по переплету, были разставлены на полкахъ и этажеркахъ; около дюжины довольно плохихъ масляныхъ картинъ, подаренныхъ старикомъ Оглоблинымъ для розыгрыша въ лотерею и привезенныхъ въ грязномъ, закоптѣломъ видѣ изъ его деревенскаго дома, были Жуквичемъ заново покрыты лакомъ и вставлены въ новыя, золоченыя рамы. Но что болѣе всего видалось въ глаза, такъ это самоваръ накладнаго серебра, который Николай почти насильно взялъ у одной изъ своихъ старыхъ тетокъ. Жуквичъ помѣстилъ этотъ самоваръ на верху одной горки, слѣдующія ступени которой уставилъ дорогими семейными табакерками старика Оглоблина, изъ которыхъ тотъ, впрочемъ, отдалъ для лотереи только двѣ похуже; а остальные поставлены были лишь для виду. Изъ дворянскаго собранія Николай досталъ два стекляныя колеса для верченія номеровъ. Огромную залу Оглоблиныхъ Жуквичъ сумѣлъ такъ равномерно освѣтить, что ни въ одномъ пунктѣ ея не было на волосъ темнѣе противъ другаго. Старикъ Оглоблинъ, живавшій въ молодости въ *настоящемъ свѣтѣ* и понимавшій подобныя вещи, сейчасъ замѣ-

тилъ это и былъ въ восторгѣ. «*Charmant, monsieur Жуковичъ!.. Charmant!*» — восклицалъ онъ, ходя съ самодовольствомъ взадъ и впередъ по залѣ. Гости начали съѣзжаться часовъ около десяти. *Monsieur* Николая и *monsieur* Жуковичъ, оба въ бѣлыхъ галстукахъ и съ розетками распорядителей, принимали всѣхъ чуть не въ передней. Одна изъ очень миленькихъ кузинъ Николая предназначена была разыгрывать роль судьбы и должна была вертѣть колесо. Время, по царствующей тогда модѣ, было временемъ черезчуръ открытыхъ лифовъ. Эта мода врядъ ли была хороша для Москвы; по крайней мѣрѣ, большая часть мужчинъ, не смотря на свою слабость въ этомъ отношеніи, были бы больше довольны, если бы лифы у дамъ были гораздо и гораздо позакрытѣе; а Жуковичъ, такъ даже не скрываясь, дѣлалъ всякій разъ гримасу, когда мимо его проходила какая-нибудь черезчуръ не пощадившая себя дама. Въ числѣ мужчинъ пріѣхало весьма много почтенныхъ старичковъ, съ удовольствіемъ покулавшихъ билеты для сохраненія нравственности бѣдныхъ дѣвушекъ; но, по нѣкоторой плутоватости, которая отражалась въ выраженіи ихъ лицъ, сильно можно было подозрѣвать, что, принося свою лепту на спасеніе нравственности этихъ бѣдняжекъ, они, кажется, не прочь были сейчасъ же и соблазнить ихъ, удѣливъ имъ въ этомъ случаѣ уже большую лепту. О, эти старички!.. знаю я ихъ! Это все библейскіе судьи. Нашъ старичекъ Елпидифоръ Мартынычъ, тоже бывший тутъ и яви вшійся, подобно другимъ старичкамъ, въ звѣздъ, взялъ билетовъ рублей на пятьдесятъ у Николая и

объявилъ, что готовъ быть бесплатнымъ докторомъ всѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ.

Елена, которая, между нами сказать, была бы положительно лучше всѣхъ дамъ, пріѣхавшихъ на этотъ вечеръ, не пришла.

Николя впалъ отъ этого въ отчаяніе и бросился было къ ней упрашивать ее.

— Да какъ же это?... Для васъ я вѣдь вечеръ устраивалъ! — забарабанилъ онъ.

— Какъ, monsieur Николя, вы это говорите! Вы вспомните, кто я такая въ глазахъ всего вашего общества?... Я—нигилистка, я mademoiselle Жиглинская, выгнанная изъ службы! При одномъ имени моемъ, я думаю, всѣ ваши гости разъѣдутся!...

Николя совершенно понялъ этотъ доводъ Елены.

— Пожалуй, что разъѣдутся: дурачье, вѣдь, все ужасное! — проговорилъ онъ со свойственной ему откровенностью и ушелъ отъ Елены.

Розыгрышъ лотереи начался между чаемъ и мороженымъ, и при этомъ произошло нѣсколько забавныхъ случаевъ: одному, напримѣръ, сенатору и сенатору совершенно штатскому, рѣшительно оказавшему услуги отечеству однимъ лишь перомъ, досталась вдругъ грознѣйшая турецкая сабля изъ стамбульскаго булата. Глупый и весьма еще мало понимающій мальчишъ, сынъ очень молодой дамы, выигралъ финифтяную табакерку старика Оглоблина и тутъ же, безумецъ, уронилъ эту табакерку на полъ и разбилъ въ дребезги всю финифть. Мать его, вѣроятно, нѣсколько жадная по характеру дама, не удержалась, вся вспыхнула и дала сыну такого щелчка по головѣ, что ребенокъ заревѣлъ на всю

залу и его принуждены были увести въ дальнія комнаты и успокоивать тамъ конфетами; другая, старая уже мать, очень разсердилась тоже: дочь ея, весьма невинное, хоть и глупое, какъ видно это было по глазамъ, существо, выиграла изъ библіотеки Николая *Двѣственницу Вольтера* и, со свойственнымъ юности нетерпѣніемъ, сейчасъ схватила эту книгу и начала было ее читать. Къ счастью, ея мать, игравшая въ это время въ карты, захотѣла посмотрѣть, что дочь выиграла, и увидавъ, что именно, вырвала книгу изъ рукъ дочери и почти кинула ее въ лицо Николая.

— Какъ это глупо разыгрывать подобныя гадости! — проговорила она.

— Что же такое?... Велика важность! — отвѣчалъ тотъ, самъ, въ свою очередь, осердившись на нее.

Кромѣ этого случая, впрочемъ, Николая всѣмъ остальнымъ былъ очень доволенъ и рѣшительно чувствовалъ себя героемъ этого вечера. Многіе обращались къ нему съ вопросами о томъ, какъ будутъ распоряжаться съ деньгами: весь ли капиталъ раздадутъ на вспомошествованіе или только станутъ расходовать одни проценты? Николая, какъ мы знаемъ, былъ неспособенъ что бы то ни было выдумывать и лгать; но говорить настоящее ему Елена запретила; а потому, въ отвѣтъ на всѣ вопросы, онъ больше произносилъ какія-то нечленораздѣльные звуки и съ каждымъ почти соглашался, что тотъ ему говоритъ.

— Домъ бы вамъ купить недорогой для помещенія особенно бѣдныхъ дѣвушекъ! — совѣтовалъ

ему одинъ господинъ, желавшій свой собственный домъ спустить кому-нибудь подороже.

— Мы домъ и купимъ!—отрѣзаль ему Николая.

— Эмеритуру-съ имъ нужно учредить!... Пусть тѣ изъ дѣвушекъ, которыя имѣютъ мѣста и получаютъ жалованье, эмеритуру къ этому капиталу приплачиваютъ!... Эмеритура-съ — великое дѣло! — толковалъ ему другой военный полковникъ, ожидающій надняхъ получить право эмеритуры.

— Эмеритуру сдѣлаемъ-съ!.. сдѣлаемъ!..—отвѣчалъ ему не задумываясь Николая, а въ сущности даже не зная, что такое собственно эмеритура.

Проснувшись на другой день поутру, онъ задумалъ составить новую лотерею и съ этою цѣлью не медля побѣжалъ къ Еленѣ.

— Mademoiselle Елена! я сдѣлаю еще лотерею!— кричалъ онъ, только-что войдя къ ней въ комнату:— тутъ вотъ, говорятъ, въ артистическомъ кружкѣ одинъ какой-то баринъ даетъ свои десять тысячъ разыграть въ лотерею. Я думаю, что за чортъ какой добрый, — деньги свои отдаетъ!.. а онъ только на время ихъ даетъ, и какъ выручатъ на нихъ тысячь десять, онъ опять ихъ себѣ и возьметъ назадъ!... Я тоже могу сдѣлать: возьму у отца билетъ и разыграю его, а послѣ и ворочу ему!

— Но для этого, полагаю, нужно просить разрѣшенія у правительства? — возразила Елена.

— Э, мы и такъ сдѣлаемъ—ничего!—подхватилъ Николая и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ. Онъ, въ этомъ случаѣ, больше приналегъ на подчиненныхъ отца и отъ малаго до большаго всѣхъ ихъ заставилъ взять по нѣскольку билетомъ, такъ что опять выру-

чили тысячи три, каковыя деньги повергъ снова къ стопамъ Елены. Никола рѣшительно, кажется, полагалъ плѣнить ее этимъ и врядъ ли не подозрѣвалъ, что деньги эти она собираетъ вовсе не для бѣдныхъ дѣвушекъ, а прямо для себя!

Елена, съ своей стороны, тотчасъ послала за Жуквичемъ. Онъ передъ тѣмъ только принесъ ей благодарственное письмо отъ польскихъ эмигрантокъ, которыя именovali ее «маткой Боской» своей и спасительницей дѣтей ихъ; къ ней также было письмо и отъ эмигрантовъ. Тѣ тоже называли ее «маткой Боской» своей. Передавая Жуквичу вновь полученныя отъ Николая деньги, Елена произнесла съ нѣкоторымъ самодовольствомъ.

— Вотъ вамъ еще капиталъ!

— О, благодарю-жь тебя, Боже! — какъ-бы не удержался и воскликнулъ Жуквичъ.

То, что разные польскіе эмигранты называли Елену матерью Божьей, это нисколько ея не удивило, но что Жуквичъ поспѣшилъ поблагодарить Бога, это ей показалось страннымъ. Она впрочемъ не высказала ему того и только проговорила:

— Такъ какъ эмигранты теперь уже получили помощь, то эти деньги я не желаю отправлять въ Парижъ; иначе, онѣ тамъ получатся, сейчасъ же раздадутся по рукамъ и проживутся. Лучше мы будемъ помогать изъ нихъ постепенно, когда кто-нибудь изъ эмигрантовъ снова впадетъ въ бѣдность...

Такое намѣреніе Елены, замѣтно, не понравилось Жуквичу.

— Вы, значить, до тѣхъ поръ хотите эти деньги хранить у себя? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ у себя? Я положу ихъ въ банкъ, чтобы не терять процентовъ.

— Въ русскій?—переспросилъ ее Жуквичъ.

— Да, въ русскій.

— Это очень опасно,—началъ Жуквичъ:— при малѣйшемъ-жъ подозрѣннн ихъ конфискують.

— Но откуда можетъ явиться подозрѣннн?—спросила Елена.

— Да вотъ изъ этого-жъ письма, которое прислали вамъ мои неосторожные собраты и которое, вѣроятно, уже прочли на почтѣ.

— Но какъ же быть въ такомъ случаѣ?—спросила Елена,

Жуквичъ развелъ руками.

— Я-жъ бы думалъ, — заговорилъ онъ неторопливо, — лучше положить ихъ въ парижскій банкъ, а потомъ, когда вы прикажете кому сколько выдать, тому я и пошлю чекъ.

— Хорошо!—согласилась Елена и тутъ отдала Жуквичу всѣ деньги, которыми тотъ опять все время, пока сидѣлъ у ней, какъ-бы даже небрежно игралъ; но, пойдя домой, попрежнему, аккуратнѣйшимъ образомъ уложилъ ихъ въ свой карманъ.

Посреди такихъ хлопотъ, у Елены всякій разъ, какъ она вспоминала о князѣ, начинало ныть и замирать сердце. Странныя были, въ настоящее время, ея чувства къ нему: Елена въ одно и то же время какъ-бы питала къ князю ненависть и жалость; ей казалось, что всѣ условнн соединились для того, чтобы

изъ него вышелъ человекъ замѣчательный. Князь былъ уменъ, хорошо образованъ, несуетенъ, свободномыслящъ; но въ то же время съ такими мелкими понятіями о чести, о благородствѣ, съ такою дѣтскою любовью и уваженіемъ къ тому, что вовсе, по ея мнѣнію, не заслуживало ни любви, ни уваженія. Елена очень хорошо понимала, что при той цѣли жизни, которую она, въ настоящее время, избрала для себя, и при томъ идеалѣ, къ которому положила стремиться, ей не было никакой возможности опять сблизиться съ княземъ, потому что еслибъ онъ даже не сталъ мѣшать ей дѣйствовать, то все-таки одинъ его сомнѣвающимся и нѣсколько подсмѣивающійся видъ сталъ бы отравлять все ея планы и надежды, а вмѣстѣ съ тѣмъ Елена ясно видѣла, что она воспламенила къ себѣ страстью два новыя сердца: сердце monsieur Николя, надъ чѣмъ она, разумѣется, смѣялась въ душѣ, и сердце monsieur Жуквича, который день ото дня начиналъ ей показывать все болѣе и болѣе преданности и почти какого-то благоговѣнія. Надъ этимъ Елена не смѣялась и даже, въ этомъ отношеніи, чувствовала нѣкоторый страхъ. Видаясь съ Жуквичемъ каждодневно и бесѣдуя съ нимъ по цѣлымъ вечерамъ, Елена догадывалась, что онъ былъ человекъ лукавый, съ характеромъ твердымъ, закаленнымъ, и при этомъ она полагала, что онъ вовсе не такой маленькій дѣятель польскаго дѣла, какъ говорилъ о себѣ; объ этомъ Елена заключала изъ нѣсколькихъ фразъ, которыя вырвались у Жуквича, — фразъ о его дружественномъ знакомствѣ съ принцемъ Наполеономъ, объ его разговорѣ съ турецкимъ султаномъ, о связяхъ его съ разными вліятельными

липами въ Лондонъ; словомъ, она почти увѣрена была, что онъ былъ вождь какой-нибудь огромной польской партіи, но только не говорилъ ей о томъ потому, что не довѣрялъ ей вполнѣ. Последнее время, когда Жуквичъ приходилъ къ Еленѣ, она съ невольнымъ трепетомъ каждоминутно ожидала, что онъ произнесетъ ей признаніе въ любви. Ожиданіе это, дѣйствительно, въ весьма скоромъ времени подтвердилось. Принеся Еленѣ показать чекъ, присланный на его имя изъ парижскаго банка, Жуквичъ прямо началъ:

— А я, панна Жяглинская, осмѣливаюсь просить вашей руки и сердца.

Признаніе въ этой формѣ очень удивило Елену. Она сдѣлала успіе какъ-бы разсмѣяться надъ словами Жуквича.

— Это зачѣмъ вамъ такъ понадобилось? — спросила она его шутливо.

— Да, Боже-жь мой! влюбленъ въ васъ, несчастный! — воскликнулъ Жуквичъ тоже какъ-бы съ отъѣнкомъ шутки.

Елена не переставала усмѣхаться слегка.

— Человѣкъ-жь, котораго вы любили, — продолжалъ своимъ вкрадчивымъ голосомъ Жуквичъ: — я полагаю, вы согласитесь, не стѣбитъ того, да онъ и самъ-жь разлюбилъ васъ!

— Но вы-то этого никакъ не можете знать — разлюбилъ онъ меня или нѣтъ! — воскликнула, по-прежнему, насмѣшливо Елена.

— Да нѣтъ-жь, знаю я навѣрное то: онъ ждетъ къ себѣ жену свою! — воскликнулъ и Жуквичъ на это.

— Жену ждетъ? — переспросила Елена, и почти смертная блѣдность покрыла лицо ея.

— Жену ожидаетъ! — повторилъ Жуквичъ. — Съ Миклаховымъ княгиня разошлась; писала-жь послѣ того мужу и теперь собирается скоро пріѣхать къ нему совсѣмъ на житье.

Елена, видимо, не совсѣмъ повѣрила Жуквичу, и онъ сейчасъ это замѣтилъ.

— Мнѣ-жь пишетъ о томъ мой пріятель, который телеграфировалъ тогда, по просьбѣ князя, изъ Парижа о княгинѣ, — присовокупилъ онъ и въ доказательство подалъ Еленѣ письмо, въ которомъ все было написано, что говорилъ Жуквичъ.

— Я почти ожидала этого заранѣе... — проговорила Елена какъ-бы спокойно. — Князь всегда очень любилъ жену свою, и почему думалъ, что разлюбилъ ее, удивляться тому надо!.. Они совершенная ровная пара!

— Самъ-же, можетъ быть, заблуждался! Мало ли что бываетъ! — подхватилъ, пожимая плечами, Жуквичъ.

— Да, но въ этомъ заблужденіи онъ бы долженъ поостеречься заблуждать другихъ...

— О, конечно-жь! — воскликнулъ Жуквичъ. — Я самъ вотъ прямо вамъ говорю, что я то-жь челоуѣкъ женатый!

— Но какъ же вы хотите жениться на мнѣ? — воскликнула Елена.

— Бракомъ гражданскимъ! — отвѣчалъ, немного потупясь, Жуквичъ.

— Съ тѣмъ, чтобъ и къ вамъ жена ваша пріѣхала и выгнала меня?..

— О, нѣтъ-жь!... Моя не пріѣдетъ! — произнесъ съ какимъ-то самодовольствомъ Жуквичъ: — она имѣетъ много дѣтей отъ другаго, и ко мнѣ не захочетъ воротиться.

— Ну, а самъ кто вы такой?—спросила вдругъ его Елена:—потому что я совершенно убѣждена, что вы вовсе не тотъ человекъ, за котораго себя выдаете...

При этомъ вопросѣ Жуквичъ на короткое мгновеніе смутился.

— Да, я-жъ не тотъ, что я говорю! — сказалъ онъ послѣ недолгаго молчанія.

— Кто же вы такой? — повторила Елена.

— Я?...—началъ Жуквичъ и приостановился на нѣсколько времени.—Я-жъ висельникъ 48-го года и теперь существую подъ другою фамиліей. Въ 48-мъ году я былъ повѣшенъ!...— И съ этими словами Жуквичъ проворно развязалъ свой галстукъ и раскрылъ воротникъ своей рубашки. Елена увидѣла у него на шеѣ довольно большой шрамъ, показавшійся ей какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ происшедшимъ отъ веревки.

— Но какъ же вы спаслись?—проговорила она, смотря ему прямо въ лицо.

— Съ помощью-жъ добрыхъ товарищей и нѣкоторой собственной смѣлости!...—отвѣчалъ Жуквичъ.

Елена продолжала не спускать съ него глазъ: сдѣланное имъ открытіе еще выше подняло Жуквича въ глазахъ ея.

— Да довѣрьте-жъ мнѣ, панна Жиглинская!...—воскликнулъ между тѣмъ онъ. — Вы-жъ удумали посвятить себя вмѣстѣ со мною польскому дѣлу!

— Удумала! — проговорила Елена.

— Такъ развѣ-жъ можно, бывъ такъ близко къ вамъ, не поклоняться вашей красотѣ?... Развѣ-жъ вы, панна Жиглинская, не знаете вашихъ чарующихъ прелестей? Передъ вами бывъ, надо-жъ или боготворить васъ, или бѣжать отъ васъ!...

Елена мгновенно вся покраснѣла и сдѣлалась сумрачною.

— Очень жаль это!..—заговорила она,—и я, признаюсь, въ этотъ разъ гораздо бы больше желала быть какимъ-нибудь уродомъ, чѣмъ' красивою женщиной!

— Для чего-жь то? — воскликнулъ Жуквичъ.

— Для того, чтобы вы тогда относились ко мнѣ по сходству нашихъ убѣжденій, а не по чему иному... Я собственно съ любовью навсегда покончила: мое недавнее прошедшее дало мнѣ такой урокъ, что я больше не поддамся этому чувству, и, кромѣ того, я убѣдилась, что и по натурѣ своей я женщина *не любви, а политики.*

— Но любовь-жь не помѣшаетъ политикѣ! — возразилъ Жуквичъ.

— Напротивъ, очень помѣшаетъ! — продолжала Елена:—Шиллеръ не даромъ выдумалъ, что Иоанна д'Аркъ до тѣхъ поръ только вѣрна была своему призванію, пока не любила.

— Нѣтъ, эта фантазія поэта совершенно несправедливая!—возразилъ ей Жуквичъ, и лицо его приняло весьма недовольное выраженіе, такъ что Елена нѣсколько испугалась этого.

— Вотъ видите, какъ нехорошо быть красивой собой!—проговорила она:—вы теперь будете недовольны мною и, можетъ быть, даже постараетесь отстранить меня отъ нашего общаго дѣла.

— О, нѣтъ, зачѣмъ-жь? — возразилъ онъ ей.

— И не отстраняйте меня!... Я буду вамъ полезна!—сказала Елена съ чувствомъ.

— Да знаю-жь это я!—воскликнулъ и Жуквичъ съ чувствомъ. <http://rcin.org.pl>

VIII.

Съ Елизаветой Петровной послѣ того, какъ Елена оставила князя, сдѣлался легионскій ударъ. Услыхавъ отъ Елпидифора Мартыныча, что у князя съ Жуквичемъ была дуэль, она твердо была убѣждена, что Елена или приготовлялась измѣнить князю, или уже измѣнила ему. Главнымъ образомъ въ этомъ случаѣ Елизавету Петровну беспокоила мысль, что князь, разсердясь на Елену, пожалуй, и ей перестанетъ выдавать по триста рублей въ мѣсяцъ; но, къ великому удивленію ея, эти деньги она продолжала получать весьма исправно. Достойный другъ Елизаветы Петровны, Елпидифоръ Мартынычъ, почти всякій день посѣщалъ ее въ болѣзни и пользовалъ ее совершенно бесплатно. Въ своихъ задушевныхъ бесѣдахъ съ нимъ, Елизавета Петровна каждый разъ превозносила князя до небесъ.

— Это ангель, а не челоувѣкъ,—ей богу, какой-то ангель!—говорила она почти съ удивленіемъ.

— Именно, что ангель!—подхватывалъ Елпидифоръ Мартынычъ, тоже, какъ видно, бывший очень доволенъ княземъ.

— Но какъ его-то, голубчика, здоровье? — продолжала Елизавета Петровна со слезами на глазахъ.

— Что здоровье!... Тѣло еще можно лечить, а душу нѣтъ,—душу не вылечишь!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ грустнымъ тономъ.

— Стало-быть, онъ все еще любитъ ее мерзавку? — спрашивала Елизавета Петровна.

— Кажется, что любить!... О ребенкѣ, главное, теперь беспокоится. Приказалъ-было мнѣ, чтобъ я каждый день заѣзжалъ навѣщать малютку; я разъ заѣхалъ... мальчикъ уже ходитъ и прехорошенькій.

— Ходитъ? — переспросила съ чувствомъ Елизавета Петровна.

— Мѣсяца съ два, какъ ходитъ!—Говорю Еленѣ Николаевнѣ: что «вотъ мнѣ поручено навѣщать ребенка». — «Это, говорить, зачѣмъ? Вы видѣли, что онъ здоровъ, а сдѣлается боленъ, такъ я пришлю за вами!» Такъ и не позволила мнѣ! Я доложилъ объ этомъ князю,—онъ только глаза при этомъ возвелъ къ небу.

— Голубчикъ мой, голубчикъ! — повторила еще разъ Елизавета Петровна.

Елпидифоръ Мартынычъ больше за тѣмъ и ѣздилъ такъ часто къ Елизаветѣ Петровнѣ, чтобъ узнавать отъ нея о дочери, такъ какъ Елена не пускала его къ себѣ; а между тѣмъ онъ видѣлъ, что князь интересуется знать о ней.

— Ну, а какъ, слышно, она послуживаетъ на новомъ своемъ мѣстѣ?—разспрашивалъ онъ.

— Какая ужь служба! Это вотъ какъ-то горничная ея прибѣгала и рассказывала: «барышня, говорить, цѣлые дни своими ручками грязное бѣлье считаетъ и записываетъ»... Тьфу!

— Тьфу!—отплюнулся на это и Елпидифоръ Мартынычъ.

— И ништо ей: не хотѣла быть барыней, такъ будь прачкой!—присовокупила Елизавета Петровна съ какимъ-то злобнымъ удовольствіемъ.

Вскорѣ послѣ дочери, въ затѣ и устройствѣ ко-

торой Елпидифоръ Мартынычъ сильно подозрѣвалъ участіе Елены, онъ снова пріѣхалъ къ Елизаветѣ Петровнѣ.

— Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь новостей насчетъ Елены Николаевны?—спросилъ онъ ее будто бы къ слову.

— Мареутка моя сегодня убѣжала къ нимъ; не знаю, воротилась ли... Мареутка!...—вскринула Елизавета Петровна на всю квартиру.

— Чего изволите, барыня?—отозвалась та.

— Позовите ее сюда и поразспросите хорошенько!—проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ скороговоркой.

— Хорошо!... Мареуша, поди сюда! — крикнула Елизавета Петровна уже поласковѣй.

Мареуша вошла. Она сдѣдалась еще болѣе краснощекой.

— Что, Елена Николаевна здорова?—спросила ее первоначально Елизавета Петровна.

— Здорова-съ!—отвѣчала Мареуша.

Далѣе Елизавета Петровна не находилась, что спрашивать ее; тогда уже принялся Елпидифоръ Мартынычъ.

— А скажи мнѣ, моя милая,—началъ онъ:—кто бываетъ у Елены Николаевны въ гостяхъ...

— Кто, баринъ, бываетъ-съ?... Я не знаю-съ!...—отвѣчала-было на первыхъ порахъ Мареуша.

— Какъ же ты не знаешь?... Поди-ка ты сюда ко мнѣ!

Мареуша подошла къ нему.

— На, тебѣ на чай! Я давно хотѣлъ тебѣ дать,—

продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, подавая ей рубль серебромъ.

Та, принявъ этотъ рубль, поцѣловала у Елпидифора Мартыныча руку, который съ удовольствіемъ позволилъ ей это сдѣлать.

— Ну, а не ходять ли къ Еленѣ Николаевнѣ разныя барышни молоденькія... дѣвицы не богатенькія?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, баринъ, не ходять-съ!—отвѣчала Мареша.

— А изъ мужчинъ кто же бываетъ у ней?—допытывался Елпидифоръ Мартынычъ.

— Изъ мужчинъ-съ, горничная Елены Николаевны сказывала, у нихъ только и бываетъ этотъ Николай Гаврилычъ...

— Такъ... такъ... Оглоблинъ это!—подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Оглоблинъ-съ!... Потомъ этотъ полякъ!... ужъ не помню, баринъ, фамилію...

— Жуквичъ!—напомнилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ.

— Жуквичъ, баринъ, Жуквичъ! — воскликнула Мареша.

— Это тотъ злодѣй, что стрѣлялся съ княземъ?—спросила Елизавета Петровна по-французски Елпидифора Мартыныча и спросила очень хорошимъ французскимъ языкомъ.

— Oui, c'est lui! — отвѣчалъ онъ ей тоже по-французски, но только чортъ знаетъ какъ произносилъ. — И что же, они любезничаютъ съ барышней?—обратился онъ снова къ Марешѣ.

— Любезничаютъ-съ! — отвѣчала та усмѣхаясь.

— А который же больше?

— Да оба, баринъ, любезничаютъ!—проговорила Мареуша и окончательно засмѣялась.

— А сама барышня, однако, съ которымъ больше любезна?—спрашивалъ Елпидиоръ Мартынычъ.

Мареуша при этомъ взглянула на Елизавету Петровну, какъ-бы спрашивая, можетъ ли она все говорить.

— Говори, если что знаешь!—сказала та въ отвѣтъ на этотъ взглядъ.

— Съ полякомъ, надо-быть, баринъ, больше! — начала Мареуша:—онъ красивый такой изъ себя, а Николай Гаврилычъ этотъ нехорошъ-съ!... Губошлепъ!... Въ домъ такъ его и зовутъ: «губошлепъ, говорятъ, генеральскій идетъ!»

— Именно, губошлепъ!... именно!—подтвердилъ усмѣхаясь Елпидиоръ Мартынычъ.

— Я вамъ говорила, — сказала Елизавета Петровна опять по-французски Елпидиору Мартынычу:—что у Елены непременно съ господиномъ полякомъ что-нибудь да есть!

— Oui, c'est vrai!... il est quelque chose!—отвѣчалъ и онъ ей, Богъ знаетъ, что ужъ такое.

— Ну, ты ступай!—разрѣшила Елизавета Петровна Мареушѣ.

Та ушла.

— Il est quelque chose! Il est! — повторилъ еще разъ свою фразу Елпидиоръ Мартынычъ.

Князь послѣ болѣзни своей очень постарѣлъ и похудѣлъ: станъ его сгорбился, взглядъ былъ постоянно какой-то мрачный, безпокойный, блуждающій и озирающійся кругомъ. Ударъ, нанесенный князю поступкомъ Елены, былъ слишкомъ неожиданъ для него: онъ могъ предполагать очень много дурнаго для себя на свѣтъ, только не это. Князь считалъ Елену съ пылкимъ и, пожалуй, очень дурнымъ характеромъ, способною, въ минуты досады и ревности, наговорить самыхъ обидныхъ и оскорбительныхъ вещей; но чтобъ она не любила его нисколько,—онъ не думалъ... И его въ этомъ случаѣ поражало не столько то, что Елена ушла отъ него и бросила его, какъ то, что она послѣ, въ продолженіе всей его болѣзни, ни разу не заѣхала къ нему провѣдать его. Такъ поступать можно только или въ отношеніи злѣйшаго врага своего, или вслѣдствіе своей собственной, личной вѣтренности и даже нѣкоторой развращенности: но то и другое предполагать въ Еленѣ для князя было тяжело!... «Кому же послѣ этого вѣрить? Въ комъ видѣть хоть сколько-нибудь порядочнаго человѣка или женщину?» спрашивалъ онъ самъ себя, и при этомъ невольно припоминалъ слова Миклакова, который какъ-то разъ доказывалъ ему, что тотъ, кто не хочетъ обманываться въ людяхъ, долженъ непременно со всякимъ человѣкомъ дѣйствовать юридически и нравственно такъ, какъ-бы онъ дѣйствовалъ съ величайшимъ подделцомъ въ мѣрѣ. Слова эти начали казаться князю величайшею истиной. Склонный и прежде къ скептическому взгляду, онъ теперь сталъ окончательно всѣхъ почти ненавидѣть, со всѣми скучать, никому

недовѣрять; не говоря уже о родныхъ, которые, первое время болѣзни князя, вздумали было навѣщать его и которыхъ онъ, обыкновенно, дерзостью провожалъ, даже въ прислугѣ своей князь началъ подозрѣвать какихъ-то враговъ своихъ, и одинъ только Елпидифоръ Мартынычъ день ото дня все болѣе и болѣе получалъ довѣрія отъ него; но зато старикъ и поработалъ для этого: въ продолженіе всего тяжкаго состоянія болѣзни князя, Елпидифоръ Мартынычъ только на короткое время уѣзжалъ отъ него на практику, а потомъ снова къ нему возвращался и даже проводилъ у него иногда цѣлыя ночи. Когда князю сдѣлалось, наконецъ, получше, Елпидифоръ Мартынычъ однажды остался обѣдать у него. Князь, сѣвъ за столъ и попробовавъ супъ, вдругъ отодвинулъ отъ себя тарелку и не сталъ больше ѣсть.

— Это точно съ ядомъ! — проговорилъ какъ-бы невольное самъ съ собою князь.

Елпидифоръ Мартынычъ намоталъ себѣ это на усъ и разными шуточками, прибауточками сталъ напрашиваться у князя обѣдать каждый день, при чемъ обыкновенно всякое кушанье бралъ самъ первый, и князь послѣ этого замѣтно спокойнѣе ѣлъ. Чтобъ окончательно разсѣять въ немъ такое странное подозрѣніе, Елпидифоръ Мартынычъ принялся князю хвалить всю его прислугу: «Что это у васъ за неподобные люди,—говорилъ онъ,—въ болѣзнь вашу они навзрыдъ всё ревѣли». Князь слушалъ его и, какъ кажется, вѣрилъ ему.

Последнее время Елпидифоръ Мартынычъ замѣтилъ, что князь опять сдѣлался какъ-то болѣе обыкновеннаго встревоженъ и чѣмъ-то разстроень. Онъ

пытался было повыспросить у него причину тому, но князь отмалчивался.

Взволновало князя на этотъ разъ полученное имъ снова письмо изъ Парижа отъ госпожи Петицкой, которая увѣдомляла князя, что этотъ злодѣй и негодяй Миклаковъ, измучивъ и истерзавъ княгиню, наконецъ оставилъ ее въ покоѣ.

«Вы сами, князь,—писала Петицкая,—знаете по собственному опыту, какъ можно ошибаться въ людяхъ: извѣстная особа, по здѣшнимъ слухамъ, тоже оставила васъ, и теперь единственное, пламенное желаніе княгини возвратиться къ вамъ и ухаживать за вами. А что она ни въ чемъ противъ васъ не виновна—въ этомъ Богъ свидѣтель. Я также, какъ и вы, въ этомъ отношеніи заблуждалась; но, живя съ княгиней около полутора лѣтъ, убѣдилась, что это святая женщина: время лучше докажетъ вамъ то, что я пишу въ этихъ строкахъ»...

Письму этому князь, разумѣется, нисколько не повѣрилъ и, прочитавъ его, даже бросилъ въ сторону: «обманывать еще хотятъ!» сказалъ онъ по томъ кроткій и такой, кажется чуждый образъ княгини сталъ мало-по-малу вырисовываться въ его воображеніи: князь не въ состояніи былъ почти вообразить себѣ, чтобъ эта женщина могла кого-нибудь, кромѣ его, полюбить.

Еллидиѳору Мартынычу князь не говорилъ объ этомъ письмѣ, потому что не зналъ еще, что тотъ скажетъ: станетъ-ли онъ подтверждать подозрѣніе князя въ томъ, что его обманываютъ, или будетъ говорить, что княгиня невинна; но князю не хотѣлось ни того, ни другаго слышать: въ первомъ слу-

чаѣ пропалъ бы изъ его воображенія чистый образъ княгини, а во второмъ—онъ самъ себѣ показался бы очень некрасивымъ нравственно, такъ какъ за что же онъ тогда почти насильно прогналъ отъ себя княгиню?

Елпидифоръ Мартынычъ, между тѣмъ, объясняя себѣ увеличившееся безпокойство князя все еще его несчастною привязанностью къ Жиглинской, рѣшился окончательно разочаровать его въ этой госпожѣ и, если возможно будетъ, даже совершенно втоптать ее въ грязь въ его глазахъ.

Для этого пріѣхавъ къ князю векорѣ послѣ разспросовъ, сдѣланныхъ Марѳушѣ, Елпидифоръ Мартынычъ началъ съ шуточки.

— Вы, ваше сіятельство, такъ-таки монахомъ все и намѣрены жить?—заговорилъ онъ, лукаво посматривая на князя.

Тотъ этимъ вопросомъ, повидимому, крайне былъ удивленъ.

— А у меня на примѣтѣ какая есть молодая особа!—продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, чмокнувъ губами и дѣлая ручкой: — умненькая... свѣженькая, и ужь рекомендую вамъ будетъ любить васъ не такъ, какъ прежде.

Князь при этомъ сдѣлалъ недовольную и досадливую мину.

— Что за вздоръ такой вы болтаете!—прознесъ онъ.

— Нѣтъ, не вздоръ!... Шутки въ сторону, на прежнюю госпожу вамъ надобно отложить всякія чаянія: измѣнила вамъ вполне...

Князь при этомъ мрачно и сердито посмотрѣлъ на Елпидифора Мартыныча.

— Для кого же это?...—проговорилъ онъ.

— Да для человѣка, котораго и вы, вѣроятно, предполагаете.

— Но кто вамъ сказалъ это?—продолжалъ князь съ тѣмъ же мрачнымъ выраженіемъ.

— Господи, Боже мой! Все заведеніе говоритъ о томъ—отъ малаго до большаго; я лечу тамъ, такъ каждый день слышу: днюетъ и ночуетъ, говорятъ, онъ у нея!—выдумывалъ Елпидифоръ Мартынычъ, твердо убѣжденный, что для спасенія позволительна всякая ложь. — Тогда, какъ она отъ васъ уѣхала, стали тоже говорить, что все это произошло отъ того, что вы приревновали ее къ Жуквичу. Я, признаться, васъ же повинилъ,—не поместить ли, думаю, князю: какимъ образомъ съ однимъ человѣкомъ годы жила, а другаго недѣлю какъ узнала... Анъ, вышло, что нѣтъ,—правда была!

Въ лицѣ князя отразилась въ это время почти смертельная тоска.

— Да и не про одного тутъ Жуквича говорятъ,—старался Елпидифоръ Мартынычъ еще болѣе докнать Елену въ мнѣніи князя: — и съ Оглоблинымъ, говорятъ, у ней тоже кое-что началось...

Этого князь уже болѣе не вынесъ.

— Ну, будетъ!... Довольно объ этомъ говорить!—произнесъ онъ капризнымъ и досадливымъ голосомъ.

Елпидифоръ Мартынычъ замолчалъ.

Дня черезъ два послѣ этого разговора, князь вдругъ сказалъ Елпидифору Мартынычу.

— Я очень интересное письмо получилъ о женѣ изъ за-границы!

— Что такое-съ? — спросилъ тотъ, наостривая отъ любопытства уши.

— А вонъ оно на столѣ... прочтите, — прибавилъ князь, показывая на валявшееся на столѣ письмо Петицкой.

Елпидиоръ Мартынычъ, прочитавъ письмо, пришелъ въ какой-то почти смѣшной даже восторгъ; онъ обернулся къ окну и началъ молиться на видѣвшуюся изъ него колокольню: въ комнатѣ у князя не было ни одного образа.

— Боже милостивый! — забормоталъ онъ, закрывая глаза и склоняя голову: — благодарю Тя за твои великія и несказанныя милости и исполни Ты благодать и миръ дому сему!... Ну, поздравляю васъ, поздравляю! — заключилъ Елпидиоръ Мартынычъ, подходя уже къ князю и вдругъ цѣлуя его.

— Что вы точно съ ума сошли! — сказалъ ему тотъ сердито.

— Извините на этотъ разъ!... Всегда такъ привыкъ выражать душевную радость, — молитвой и поцѣлуемъ.

— Чему же тутъ радоваться, когда все письмо отъ перваго до послѣдняго слова — ложь?

— Письмо-то? — воскликнулъ Елпидиоръ Мартынычъ: — нѣтъ-съ, ложь не въ письмѣ, а у васъ въ мозгу, въ вашемъ воображеніи, или, лучше сказать, въ вашей печени разстроенной!... Оттуда и идетъ весь этотъ мрачный взглядъ на жизнь и на людей.

— Ну, такъ лечите, когда оттуда идетъ! — проговорилъ князь.

— К-ха! — откашлянулся Елпидифоръ Мартынычъ. — Трудно, когда одно другимъ питается: разстроенная печень дѣлаетъ мрачный взглядъ, а мрачный взглядъ разстроиваетъ печень!... Что тутъ врачу дѣлать?... Надобно самому больному бодриться духомъ и разсѣивать себя!... Вотъ вообразите себѣ, что княгиня ничѣмъ противъ васъ не виновата, да и возрадуйтесь тому.

— Какъ же я воображу это, когда она сама, уѣзжая, ни слова не возражала противъ того?

— Да, возрази вамъ... легко это сказать!... Мужчине не всякій на то рѣшится, особенно когда вы въ гнѣвѣ, не то что женщина!

Князю въ первый еще разъ пришла эта мысль: «А что, если я въ самомъ дѣлѣ запугалъ ее, и она наклеветала на себя? О, я мерзавецъ, негодяй!» — думалъ онъ про себя.

— Развѣ она вамъ говорила это? — сказалъ онъ вслухъ.

— Еще бы не говорила!... говорила! — солгалъ не задумавшись Елпидифоръ Мартынычъ.

У князя даже холодный потъ выступилъ при этомъ на лбу.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ что, — началъ онъ какимъ-то прерывистымъ голосомъ: — нельзя ли вамъ написать княгинѣ отъ себя?

— Но что такое я напишу ей? — спросилъ Елпидифоръ Мартынычъ, не понявъ сначала князи.

— То, что... — началъ тотъ, видимо сердясь на недогадливость его: — если княгиня хочетъ, такъ пусть прїѣзжаетъ сюда ко мнѣ, въ Москву.

— Но отчего вы сами не хотите ей написать о

томъ?... Отъ васъ бы ей пріятнѣе было получить такое письмо, — возразилъ ему Елпидифоръ Мартынычъ.

— Я не могу, понимаете, я не могу!... — говорилъ князь, слегка ударяя себя въ грудь, и при этомъ слезы даже показались у него на глазахъ: — въ головѣ у меня тысяча противорѣчій, и всѣ они гложуть, терзаютъ, мучатъ меня.

— Ипохондрія... больше ничего, ипохондрія! — сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, смотря съ чувствомъ на князя. — Ну-съ, не извольте хмуриться, все это я сдѣлаю: напишу княгинѣ и устрою какъ слѣдуетъ! — заключилъ онъ и, пріѣхавъ домой, не откладывая времени, принялся своимъ красивымъ, семинарскимъ почеркомъ писать къ княгинѣ письмо, которымъ прямо отъ имени князя приглашалъ ее прибыть въ Москву.

Недолгъ послѣ объясненія съ Жуквичемъ, Еленѣ пришлось имѣть почти такое же объясненіе и съ Николаемъ Оглоблинымъ. Бѣдный молодой человекъ окончательно, кажется, и не шути потерялъ голову отъ любви къ ней, тѣмъ болѣе, что Елена, изъ благодарности къ нему за устройство лотереи, продолжала весьма, весьма благосклонно обращаться съ нимъ. Главнымъ образомъ Николаю мучило то, что у него никакъ не хватало смѣлости объясниться съ Еленой въ любви, а потому онъ думалъ, думалъ, да и надумалъ, не переговора ни слова съ отцомъ своимъ,

предложить Еленѣ, подобно Жуквичу, бракъ, но только бракъ церковный, разумѣется, а не гражданскій.

Придя разъ вечеромъ въ Еленѣ, Никола началъ какъ-то особенно ухорсви расхаживать по комнатѣ ея: онъ въ этотъ день обѣдалъ въ клубѣ и былъ немного пьянъ.

— Знаете что, mademoiselle Елена, я хочу на васъ жениться! — сказалъ онъ.

— На мнѣ?... — спросила разсмѣявшись Елена.

— Да, на васъ!... Пусть тамъ отецъ, чортъ его дери, что хочеть, говоритъ... Другіе женятся и на цыганкахъ, а не то что... — бултыхалъ Никола, не давая себѣ отчета въ томъ, что говорилъ.

Елена на этотъ разъ не разсердилась на него нисколько.

— Нѣтъ, я не могу пойти за васъ замужъ, — проговорила она, сколько могла, добрымъ голосомъ.

— Отчего?—воскликнулъ Никола, никакъ не ожидавшій, что Елена замужъ за него даже не пойдетъ, потому что считалъ замужество это для нея все-таки большимъ шагомъ въ жизни.

— Оттого, что я васъ не люблю тою любовью, которую слѣдуетъ любить мужа!—отвѣчала Елена.

— Какой же вы любовью меня любите? — спросилъ Никола, немного повеселѣвшій отъ мысли, что его хоть какою-нибудь любовью любятъ.

— Я люблю васъ какъ пріятеля, какъ человѣка очень хорошаго!—говорила Елена.

— Какой я пріятель вамъ!... Я не могу быть вашимъ пріятелемъ! — возразилъ Никола уже недовольнымъ тономъ.

— Отчего же не пріятель?

— Оттого, что вамъ пріятель надобенъ какой-нибудь ученый, а я что?... Я знаю, что я неученый.

— За то вы очень добрый человекъ, а это стбитъ многого!—возразила Елена.

— Это что добрый?... — продолжалъ Николая, сохраняя свой недовольный тонъ.— Вы любите вѣрно кого-нибудь другаго!—прибавилъ онъ.

Елена на это молчала.

— Князя, что-ли, все еще любите? — говорилъ Николая.

— Можетъ быть, и князя!—отвѣтила Елена.

— Ну, ужь это извините: я бы вамъ не совѣтовалъ!—продолжалъ Николая насмѣшливымъ голосомъ:— Елпидифоръ Мартынычъ сказывалъ, что къ нему жена скоро изъ-за границы вернется!

— Это я знаю!—проговорила Елена.

— Такъ вамъ опять, видно, срамится хочется, какъ прежде, вонъ, исторіи были?... А какъ вы выйдете за меня, по крайней мѣрѣ, замужня женщина будете!

— Нѣтъ, monsieur Николая, у меня никакой больше исторіи не будетъ, потому что я никого не люблю и замужъ ни за кого не пойду!—постаралась еще разъ успокоить его Елена.

— Ну да, не любите!... Не можетъ быть, непременно кого-нибудь любите!—толковалъ Николая свое и почти напередъ зналъ, кого любить Елена; но ей, однако, этого не высказалъ; зато, возвратясь домой, позвалъ къ себѣ своего Севастьянушку и убѣдительно просилъ его разузнать, съ кѣмъ живетъ госпожа Жиглинская.

Севастьянушка въ этихъ дѣлахъ былъ человѣкъ опытный. Онъ прежде всего обратился къ смотрителю дома, всегда старавшемуся представить изъ себя человѣка, знающаго даже, что крысы подъ поломъ дѣлаютъ въ цѣломъ зданіи.

— А что, — спросилъ его Севастьянъ: — къ этой новой кастеляншѣ нашей никакого хахала не ходить?... Генералъ велѣлъ узнать.

На генерала, то-есть, на старика Оглоблина, Севастьянушка свалилъ, чтобы придать больше вѣсу своимъ словамъ въ глазахъ смотрителя.

— Ходить одинъ полякъ къ ней... Надо-быть, что хахаль! — отвѣчалъ ему тотъ. — Эгта я, какъ-то часу въ третьемъ ночи, иду по двору; смотрю, у ней въ окнахъ свѣтъ, — ну, боишься тоже ночнымъ временемъ: сохрани Богъ, пожаръ... Зашелъ въ нимъ: «Что такое, говорю, за огонь у васъ?» — «Гость, говорятъ, сидитъ еще въ гостяхъ!»

Севастьянушка на это только усмѣхнулся и затѣмъ уже взялся за горничную Елены, которую онъ для этого зазвалъ къ себѣ въ гости, угостилъ ее чаемъ и сталъ разспрашивать, что не влюблена ли въ кого-нибудь ея барышня. Глупая горничная, какъ болтала она объ этомъ съ Марѳушей, такъ и ему прямо объяснила, что барышня, должно быть, теперь гуляетъ съ бариномъ Жуквичемъ, потому что ѣздитъ съ нимъ по вечерамъ и неизвѣстно куда. Показаніе это Севастьянушка провѣрилъ еще черезъ посредство солдата, стоявшаго у уличныхъ воротъ зданія, и тотъ ему сказалъ, что, точно, кастелянша ѣздитъ иногда съ какимъ-то мужчиной и что возвращается домой поздно. <http://rcin.org.pl>

Обо всемъ Севастьянъ самымъ подробнымъ образомъ доложилъ Николая.

— Хорошо!... хорошо!... славно!... — говорилъ тотъ, дѣлаясь при этомъ совершенно пунцовымъ отъ гнѣва.

IX.

Николя, какъ и большая часть глупыхъ людей, при всей своей видимой добротѣ, былъ въ то же время золь и мстителенъ. Взбѣсясь на Елену за то, что она, — тогда какъ онъ схлопоталъ ей мѣсто и устроилъ лотерею, — осмѣлилась предпочесть ему другаго, рѣшился наказать на нее отца своему съ тѣмъ, чтобы тотъ вытурилъ Елену съ ея мѣста. Для этого онъ пришелъ опять въ присутствіе къ старику.

— Папа, вамъ этой Жиглинской нельзя держать на службѣ у себя!... — сказалъ онъ.

— Какъ это?... почему?.. — спросилъ тотъ, не понимая сына.

— Потому, что она чортъ знаетъ что такое дѣлаетъ: съ полякомъ однимъ живетъ!

— Съ полякомъ? — произнесъ старикъ почти съ ужасомъ.

— Да-съ!... Съ Жуквичемъ вонъ этимъ, что вещи у насъ на лотереѣ разставлялъ.

— А, вотъ съ кѣмъ!... — произнесъ старикъ поспоконнѣе: онъ воображалъ, что это былъ какой-нибудь болѣе страшный человекъ, чѣмъ Жуквичъ.

— Вы, папа, выгоните ее, а то они тутъ не то еще надѣлаютъ..... и домъ, пожалуй, подожгутъ!

— Какъ домъ подождутъ? — повторилъ старикъ опять уже съ ужасомъ.

— А такъ!... Мало ли поляки сожгли у насъ городовъ! Смотритель говорить, что Жуквичъ часовъ до трехъ ночи у ней просиживаетъ, — кто за ними уемотритъ тогда?... Горничная ея и солдатъ, что у воротъ стоять, тоже сказывали, что она по вечерамъ съ нимъ уѣзжаетъ и возвращается чортъ знаетъ когда...

— Ахъ, какая негодяйка, сважите!... — произнесъ старикъ, выпучивая даже глаза отъ страха и удивленія.

— Ужасная негодяйка!... И какъ же послѣ этого можно ее держать?

— Держать ее нельзя!...—согласился старикъ:— только какъ это сдѣлать мнѣ?

— Ну, ужъ тамъ какъ-нибудь сдѣлайте!—заклучилъ Николая и ушелъ, зная, что достаточную искру бросилъ въ легко воспламеняющуюся душу отпа. Надобно сказать, что самъ старикъ Оглоблинъ ничего почти не видѣлъ и не понималъ, что вокругъ него дѣлается, и поэтому былъ бы человекъ весьма спокойный; но зато, когда ему что-либо подсказывали или наводили его на какую-нибудь мысль, такъ онъ обыкновенно въ эту сторону начиналъ страшно волноваться и беспокоиться.

— Пожалуй, они въ самомъ дѣлѣ домъ сожгутъ! Что съ нихъ возьмешь?—повторялъ онъ самъ съ собой, оставшись одинъ; а потомъ, по всегдашнему обыкновенію, послалъ позвать къ себѣ на совѣтъ Феодосія Ивановича.

— Эта.... <http://rcin.org.pl> кастелянша новая, — началъ онъ, ста-

раясь сохранить строгій, начальническій видъ: — живеть... какъ мнѣ говорили, съ полякомъ однимъ?

— Кто вамъ говорилъ это? — спросилъ Θεодосій Иванычъ, дѣлая мину весьма похожую на мину начальника и вмѣстѣ съ тѣмъ глаза его были покрыты какимъ-то невеселымъ туманомъ.

— Сынъ мнѣ говорилъ!... Николая!... — отвѣчалъ ему старикъ опять строго.

Какъ-будто что-то въ родѣ грустной улыбки пробѣжало по губамъ Θεодосія Иваныча.

— А Николаю Гаврилычу это это сказывалъ? — спросилъ онъ явно уже грустнымъ голосомъ.

— Смотритель дома сказывалъ... горничная ея сказывала... солдатъ, что у воротъ стоитъ, говорилъ. Какъ ее послѣ этого не выгнать?...

— Выгоняйте! — произнесъ грустно-насмѣшливо Θεодосій Иванычъ.

— Но какъ это сдѣлать?

— Надо какъ-нибудь сдѣлать! — отвѣчалъ Θεодосій Иванычъ неопредѣленно; но по выраженію его лица видно было, что онъ зналъ, какъ это сдѣлать.

— Надо!... надо!... Да говорите же, какъ это сдѣлать? — закричалъ наконецъ на него начальникъ.

Θеодосій Иванычъ при этомъ еще больше надумался.

— Позовите этихъ — смотрителя, горничную и сторожа, разспросите ихъ.... — отвѣчалъ онъ тѣмъ же неохотливымъ тономъ.

— Ну, позовите!

Θеодосій Иванычъ пошелъ.

— Она, вѣдь, домъ сожечь можетъ! — крикнулъ ему

вслѣдъ начальникъ, какъ-бы желая внушить ему важность дѣла.

Но Θεодосій Иванычъ не обратилъ на это особеннаго вниманія и черезъ нѣсколько времени привелъ въ присутствіе: смотрителя дома, горничную Елены и сторожа.

Генералъ началъ разспрашивать прежде всѣхъ смотрителя, какъ болѣе умнаго и толковаго чело-вѣка.

— Эта...? госножа Жиглинская... кастелянша, какъ слышалъ я, въ связи съ полякомъ Жуквичемъ?

Смотритель при этомъ приподнялъ плечи вверхъ и вскинулъ немного глаза въ потолокъ.

— Надо - быть, ваше превосходительство, что такъ!—проговорилъ онъ.

— И я слышалъ... что у нихъ ночью огонь... часовъ до трехъ бываетъ.

— Было это, ваше превосходительство,—раза четыре это было! — отвѣчалъ смотритель.

— Чтобы не было о меня впередъ этого! Никогда не было — закричалъ вдругъ генералъ и угрозилъ даже пальцемъ смотрителю. — Я теперь ее выгоняю вонъ!... Но она... все еще, можетъ-быть, проживеть тутъ... день и два... чтобы совсѣмъ у ней не было въ эти дни огня... совсѣмъ!... Я съ васъ спрошу, — вы мнѣ за-то отвѣтите!

— Не будетъ, ваше превосходительство, у ней огня никакого-съ!... слушаю-съ!... совсѣмъ никакого не будетъ!—успокаивалъ его смотритель, какъ видно, насквозь знавшій своего начальника, а потому несколько не смутившійся отъ его крика.

— Чтобъ и не было, — повторилъ еще разъ старикъ и съ тѣмъ же раздражительнымъ тономъ обратился къ горничной Елены.

— У твоей госпожи есть возлюбленный?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство! — заперлась было та на этотъ разъ, струсивши до слезъ.

— А я знаю, что есть! — крикнулъ на нее старикъ.

Горничная при этомъ только какъ-то вигнула отъ страха животомъ.

— Ты видѣлъ, какъ госпожа Жиглинская уѣзжала по вечерамъ съ Жуккичемъ? — перекинулся старикъ къ сторожу.

— Уѣзжала, ваше превосходительство, часто уѣзжала! — отвѣчалъ тотъ.

— Ну, а теперь что дѣлать? — спросилъ Оглобинъ совсѣмъ другимъ тономъ Θεодосія Иваныча, стоявшаго нѣсколько вдали и смотрѣвшаго какимъ-то Мефистофелемъ на всю эту сцену.

— Ихъ вотъ отставъ въ сторону, позовите самое Жиглинскую.

Генералъ послѣ этого строго позвонилъ.

Явился сторожъ.

— Госпожу Жиглинскую ко мнѣ, — сказалъ онъ тому какимъ-то зловѣщимъ голосомъ.

Сторожъ побѣждалъ исполнить его приказаніе.

Елена пришла нѣсколько удивленная такимъ приглашеніемъ. При видѣ ея представительной и шикарной наружности, старикъ нѣсколько утратилъ свой черезчуръ начальническій видъ и, даже привставъ на своемъ мѣстѣ и опершись, по обыкновенію, на ло-

жотки рукъ своихъ, началъ, держа лицо потушеннымъ къ столу:

— Вы-съ.... производите въ домѣ.... беспорядки, которые я не могу допустить.

— Какіе беспорядки?—спросила Елена, взглядывая съ недоумѣніемъ на стоявшихъ въ сторонѣ зрителя, сторожа и свою горничную и полагая, что не послѣдняя ли что надурила.

— У васъ,—продолжалъ старый генералъ: — бываетъ человѣкъ, который не долженъ.... никакъ здѣсь бывать.

— Какой человѣкъ у меня бываетъ?—продолжала Елена, все еще не совсѣмъ хорошо понимая.

— Господинъ Жуквичъ у васъ бываетъ!...—признесъ старикъ болѣе уже строгимъ голосомъ.

— Почему же онъ не долженъ бывать у меня?—спросила Елена.

— Потому-съ.... потому что онъ полякъ!

— А развѣ полякамъ запрещено бывать у своихъ знакомыхъ!

— Запрещено-съ!... И я ему запрещаю.... бывать у васъ.

— Но вы не можете этого запретить мнѣ!—возразила Елена.

— Могу-съ!... Вы вотъ ѣздите съ нимъ по ночамъ.... и прекрасно!... Поѣзжайте къ нему и сидите тамъ у него.

Говоря это, старикъ все болѣе и болѣе возвышалъ свой голосъ.

Елена, въ свою очередь, тоже вся вспыхнула, и глаза ея загорѣлись неудержимымъ гнѣвомъ.

— Какъ вы смаете на меня такъ кричать,—я не

служанка ваша!—заговорила она.—Хоть бы я точно ѣздила къ Жуквичу, вамъ никакого дѣла нѣтъ до того, и если вы такой дуракъ, что не умѣете даже обращаться съ женщинами, то я сейчасъ же уволю себя отъ васъ! Дайте мнѣ бумаги! — присовокупила Елена повелительно.

— Какъ, я дуракъ? — воскликнулъ въ свою очередь Оглоблинъ, откинувшись на спинку кресла. — Дайте ей бумаги!... Какъ, я дуракъ? — повторилъ онъ, все еще не могши придти въ себя отъ подобной дерзости.

Ееодосій Иванычъ, по приказанію начальника, подалъ Еленѣ бумаги, и та принялась писать прошеніе объ отставкѣ.

— На гербовой бы собственно слѣдовало!—замѣтилъ ей Ееодосій Иванычъ.

— Все равно-съ! все равно-съ! — закричалъ на него начальникъ.—Я дуракъ, а!... я дуракъ!—Что я долженъ съ вами сдѣлать?

Елена на это ничего не отвѣчала и продолжала писать; а кончивъ прошеніе, она почти перебросила его къ Оглоблину, а потомъ сама встала и вышла изъ присутствія.

— Она сумасшедшая, ей-богу, сумасшедшая! — говорилъ онъ, разводя руками.

Ееодосій Иванычъ, съ своей стороны, саркастически улыбаясь, взялъ прошеніе и, какъ-бы просматривая его, ни слова не говорилъ.

— Ну, ступайте и вы!... Вы больше не нужны! — сказалъ Оглоблинъ призваннымъ свидѣтелямъ.

Тѣ вышли.

— Вѣдь она сумасшедшая, рѣшительно!... — по-

вторилъ еще разъ Оглоблинъ, прямо обращаясь уже къ Θεодосію Иванычу.

— Я не знаю-съ...—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, вы ужь... вы не знаете... вы ничего не знаете!—опять вспылилъ Оглоблинъ.

— Да мнѣ по чему знать это? — отвѣчалъ опять грустно-насмѣшливымъ тономъ Θεодосій Иванычъ и тоже ушелъ.

Читатель, можетъ быть, замѣтилъ, что почтенный правитель дѣлъ нѣсколько измѣнилъ тонъ обращенія съ своимъ начальникомъ, и причина тому заключалась въ слѣдующемъ: будучи лѣтъ пять статскимъ совѣтникомъ, Θεодосій Иванычъ имѣлъ самое пламенное и почти единственное въ жизни желаніе быть произведеннымъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и вотъ въ нынѣшнемъ году онъ рѣшился было попросить Оглоблина представить его къ этому чину; но вдругъ тотъ руками и ногами противъ того. «Да не могу!... Да это поставятъ мнѣ въ пристрастіе!» и тому подобныя пустыя начальническія отговорки, тогда какъ въ сущности онъ никакъ не могъ помириться съ мыслию, что онъ самъ «генералъ» и подчиненный у него будетъ «генералъ», что его называютъ «ваше превосходительство» и подчиненному его будутъ тоже говорить «ваше превосходительство». Θεодосій Иванычъ, кажется, понялъ причину отказа и началъ мстить своему благодѣтелю тѣмъ, что не сталъ ему давать совѣтовъ ни по какимъ дѣламъ.

Елена возвратилась къ себѣ почти обезумѣвшая отъ гнѣва. Она очень хорошо понимала, что все это

штуки Николая, который прежде заставилъ отца опредѣлить ее на это мѣсто, а теперь прогнать; и ее бѣсило въ этомъ случаѣ не то, что Николая и отецъ его способны были дѣлать подобныя гадости, но что какимъ образомъ они смѣютъ такъ нагло и безстыдно поступать въ своей общественной дѣятельности. Въ прежнемъ своемъ удаленіи отъ службы Елена еще видѣла нѣкоторую долю хоть и предразсудочной, но все-таки справедливости: ея тогдашнее положеніе дѣйствительно могло произвести нѣкоторый соблазнъ на дѣтей; а теперь она собственно выгнана за то, что не оказала благосклонности Николаю Оглоблину. Что же это такое?... Гдѣ, въ какомъ варварскомъ и дикомъ государствѣ можетъ быть допущенъ подобный произволь? На первыхъ порахъ Елена думала было жаловаться и объяснить подробно причину, по которой ее лишили мѣста. Но кому?... и кто повѣритъ ей? Николая же и родитель его очень хорошо могутъ наклеветать на нее все, что имъ будетъ угодно, чрезъ разныхъ своихъ лакеевъ и сторожей.. Елена даже заплакала отъ горя и досады. Какъ бы ни было однако, она должна была подумать, куда ей приклонить свою голову. На первое время Елена рѣшилась переѣхать въ ту гостиницу, гдѣ жилъ Жуквичъ, и велѣла своей прислугѣ укладываться. Маленькій Коля ея, начинавшій все говорить, заинтересовался этими сборами и началъ приставать къ своей нянѣ.

— А то ты это дѣлаешь? — спрашивалъ онъ ее, видя, что она кладетъ одну вещь за другой въ сундукъ.

— Укладываюсь, батюшка! — отвѣчала ему няня.

— А засѣмъ?—спросилъ ребенокъ.

— Мы переѣзжаемъ, батюшка.

— А куди?

— Не знаю-съ, маменька переѣзжаетъ,—говорила няня.

Коля побѣжалъ къ матери и взмогился къ ней на колѣни.

— Мы, мама, къ папѣ ѣдемъ?—говорилъ онъ.

Няня и горничная давно натолковали ему, что у него есть папа очень богатый.

— Нѣтъ, мой другъ, у тебя папы нѣтъ!—отвѣчала ему Елена.

— А гдѣ онъ, мама?

— Умеръ.

— Его Богъ взял, мама?

— Нѣтъ, не Богъ.

— А то же его взял?

— Никто. Онъ умеръ, его и похоронили въ землю.

— А засѣмъ его похоронили въ землю?

— Потому, что онъ разлагаться началъ.

Ребенокъ смотрѣлъ на мать; онъ совершенно не понялъ послѣдняго ея отвѣта, а между тѣмъ всѣ эти распросы его, точно острые ножи, рѣзали сердце Елены. Часа черезъ три она совсѣмъ выѣхала изъ своей казенной квартиры въ предполагаемую гостиницу, гдѣ взяла нумеръ въ одну комнату, въ темномъ уголкѣ котораго она предположила помѣстить ребенка съ няней, а свѣтлую часть комнаты заняла сама. Горничную свою Елена рассчитала и отпустила, такъ какъ отчасти подозрѣвала ту въ распущенной сплетнѣ про нее; кромѣ того, ей и дорого

было держать для себя особую прислугу (у Елены въ это время было всего въ карманѣ только десять рублей серебромъ). Покуда она такимъ образомъ устроивалась, Жуквича не было дома, и Елена велѣла ему сказать, какъ онъ придетъ, что она переѣхала въ гостиницу совсѣмъ на житье. Ему, вѣроятно, передали это, потому что, возвратясь, наконецъ, и войдя къ ней въ номеръ, онъ прямо спросилъ ее:

— Что-жь это такое?... Опять новое переселеніе?

— Опять!—отвѣчала Елена.

— Вы-жь были тамъ чѣмъ-нибудь недовольны?— проворилъ Жуквичъ.

— Напротивъ, мной оказались очень недовольны, такъ что выгнали даже меня изъ службы!

Тѣнь неудовольствія явно отразилась въ глазахъ Жуквича.

— Но какая-жь была причина такому неудовольствію на васъ?—спросилъ онъ.

— Причина вся въ томъ, что вы бывали у меня и что я вотъ иногда уѣзжала съ вами кататься по Москвѣ...

— Да нѣтъ-жь!... не можетъ быть!... какая-жь это причина! — говорилъ Жуквичъ, какъ-бы все больше и больше удивляясь.

— Разумѣется, это одинъ только предлогъ,—подхватила Елена,—а настоящая причина все въ томъ, что этотъ дурацкій Никола вздумалъ на дняхъ объясниться со мной въ любви.... Я конечно объявила ему, что не могу отвѣчать на его чувство. Онъ разгнѣвался на это и, вѣроятно, упросилъ родителя, чтобы тотъ меня выгналъ изъ службы... Скажите,

мыслимо ли въ какой-нибудь другой странѣ такое публичное нахальство?

— О, да Боже-жь ты мой! здѣсь много бываетъ, чего нигдѣ не бываетъ!—полувоскликнулъ грустнымъ голосомъ Жуквичъ.

— Прекрасно-съ; но всякому терпѣнію есть предѣлъ,—сказала Елена:—должно же оно когда-нибудь лопнуть.

— Ну, и лопай-жь!... Что изъ этого?... — говорилъ съ досадой Жуквичъ.

— Какъ что изъ этого!—произнесла, вспыхнувъ даже вся въ лицѣ отъ гнѣва, Елена. — Я никакъ, Жуквичъ, не ожидала слышать отъ васъ подобныя вещи; для меня, по крайней-мѣрѣ, это вовсе не *что изъ этого!*... Чувство мести и ненависти къ моей родинѣ до того во мнѣ возрасло, что я хочу, во что бы то ни стало, превратить его въ дѣло,—понимаете вы это?

Жуквичъ на это молчалъ.

— Поѣдемте за границу и устроимте тамъ какой хотите заговоръ; но только я мести и мести жажду!...

— Какой же заговоръ и съ кѣмъ?—возразилъ ей Жуквичъ.

— А съ тѣми, что неужели вся ваша партія и вся страна ваша намѣрены спокойно сносить ваше порабощеніе?

— Пока!... — отвѣчалъ Жуквичъ, пожимая плечами.

— Но долго ли это *пока* будетъ продолжаться?

— Пока жь <http://www.vostok.org.ru> положеніе обстоятельствъ не сложится для насъ болѣе благопріятно.

— А теперь такъ-таки ничего и быть не можетъ?

— Сколько-жъ мнѣ извѣстно, — ничего! — отвѣчалъ, опять пожимая плечами, Жуквичъ.

— И вы, значить, будете тутъ жить подъ при-
смотромъ?

— Буду-жъ жить подъ присмотромъ.

— Ну, я больше на васъ надѣялась, Жуквичъ! — проговорила Елена.

— Панна Жиглинская! — началъ онъ кроткимъ и убѣждающимъ голосомъ: — въ политической дѣятельности, — вы-жъ не знаете еще ея, — прежде-жъ всего нужно терпѣть и выжидать.

— Но чего ждать — я желала бы знать, потому что вы никогда ничего опредѣлительнаго не говорили мнѣ объ этомъ.

— Вы знайте-жъ одно, — продолжалъ Жуквичъ тѣмъ же убѣждающимъ голосомъ, — что духъ Польши не ослабъ, что примиренія между нами-жъ и русскими быть не можетъ, а прочее-жъ все зависитъ отъ политическаго горизонта Европы: покоенъ онъ или буренъ.

— Покоенъ онъ или буренъ... вы все, кажется, прозѣваете и пропустите! — произнесла Елена съ досадою. Переѣзжая въ гостиницу, она почти увѣрена была, что уговорить Жуквича уѣхать съ ней за границу; но теперь она поняла, что онъ и не думаетъ этого, — значить, надо будетъ остаться въ Москвѣ. А на какія средства жить? Съ теченіемъ времени Елена надѣялась приискать себѣ уроки; но до тѣхъ поръ существовать?... Елена, какъ ей ни тяжело это было, видѣла необходимость прибѣгнуть къ помощи Жуквича.

— Въ такомъ случаѣ, — начала она, краснѣя въ лицѣ:—такъ какъ я теперь совершенно безъ всякихъ средствъ, то буду просить у васъ изъ тѣхъ денегъ, которыя мы собрали во вторую лотерею, дать мнѣ рублей сто, которые я очень скоро возвращу.

— Но тѣ-жь деньги въ Парижѣ! — возразилъ ей Жуквичъ.

— Въ такомъ случаѣ не можете ли вы пока дать мнѣ изъ своихъ денегъ, а потомъ и получите ихъ изъ банка?

— Хорошо-сь!—отвѣчалъ Жуквичъ, и Елена очень хорошо почувствовала, что тонъ голоса его былъ при этомъ не совсѣмъ довольный.

— Ну, вы, кажется, устали, да и я тоже устала,—хочу отдохнуть,—проговорила она, протягивая Жуквичу руку.

— Добрый день!—сказалъ онъ ей на это и ушелъ. Вскорѣ за тѣмъ пришелъ отъ него человѣкъ и подалъ Еленѣ пакетъ, въ которомъ, безъ всякой записочки, вложена была сторубливая асигнація.

Елена велѣла человѣку поблагодарить Жуквича, и когда тотъ ушелъ, она, бросивъ деньги съ какой-то неудержимой досадою въ столъ, сѣла сама на диванъ. Жуквичъ на этотъ разъ показался ей вовсе не такимъ человѣкомъ, какимъ она его воображала; а между тѣмъ Елена вынуждена была одолжаться имъ и занимать у него деньги. Эта мысль такъ заставила ее страдать, какъ Елена никогда еще во всю жизнь свою не страдала: досада, униженіе, которое она обречена была переносить, какъ фури, терзали ее; ко всему этому еще Коля раскапризничался и никакъ не хотѣлъ укладываться спать въ своемъ темномъ уголкѣ,

говоря, что ему тамъ холодно и темно. Елена при этомъ только держала себя за голову: она думала, что съ ума сойдетъ въ эти минуты!

Прошло послѣ того съ недѣлю. Однажды вечеромъ Елена, услыхавъ звонокъ въ ея нумеръ, думала, что это пришелъ Жуквичъ, который бывалъ у нея каждодневно. Она сама пошла отворить дверь и вдругъ, къ великому своему удивленію, увидѣла передъ собой Миклакова, въ щеголеватомъ заграничномъ пиджакѣ и совершенно посѣдѣвшаго.

— Что вы съ неба, что ли, свалились? — воскликнула она, очень, впрочемъ, обрадованная появленіемъ такого гостя.

— Зачѣмъ съ неба, — на землѣ еще пока обрѣтаемся! — говорилъ Миклаковъ. — Но погодите, однако, постойте: дайте посмотрѣть на васъ: вы, кажется, еще красивѣе стали!

— Подите вы съ красотой моей! — произнесла Елена съ досадой: — садитесь лучше и рассказывайте.

— Но прежде я желалъ бы знать: какъ вы очутились въ этой клѣткѣ? Что князя вы кинули, это я слышалъ еще въ Европѣ, а потому, пріѣхавъ сюда, послалъ только спросить къ нему въ домъ, гдѣ вы живете... Миѣ сказали, въ такомъ-то казенномъ домѣ... Я въ оный; но миѣ говорятъ, что вы оттуда переѣхали въ сію гостиницу, гдѣ и нахожу васъ наконецъ. Вы, говорятъ, тамъ служили

и, по обыкновенію вашему, вѣроятно, разсорились съ вашимъ начальствомъ.

— Да, такъ, немножко, но главное — надоѣло, — отвѣчала Елена, не желая на первыхъ порахъ быть вполне откровенною съ Миклаковымъ.

— Но скажите на милость, что такое у васъ съ княземъ вышло и зачѣмъ вы разошлись? — продолжалъ тотъ.

— Разошлись потому, что оба поняли, что мы люди совершенно различныхъ убѣжденій.

— О, чортъ возьми, различныхъ убѣжденій! — воскликнулъ Миклаковъ. — У васъ ребенокъ есть, вамъ бы для него надобно было вмѣстѣ жить!

— Ребенокъ, по преимуществу, и заставилъ меня это сдѣлать, чтобы спасти его отъ вліянія отца.

— Отъ вліянія отца спасти!.. — повторилъ съ усмѣшкою Миклаковъ. — Какъ хотите, Елена, а у васъ, видно, характеръ все хуже и хуже становится.

— У васъ пуще хорошъ характеръ!.. — возразила она ему съ своей стороны. — Сами вы зачѣмъ разошлись съ княгиней?

— Ну, мы съ ней разошлись на основаніи весьма уважительной причины.

— А именно?

— А именно потому, что никогда и не сходились съ ней.

Елена сомнительно покачала головой.

— Конечно, это очень благородно съ вашей стороны, — сказала она, — говорить такимъ образомъ о женщинѣ, съ которой все кончено; но кто вамъ повѣритъ?.. Я сама читала письмо Петицвой къ князю, гдѣ она описывала, какъ княгиня любитъ

васъ и какъ вы ее мучите и терзаете, — а развѣ станеть женщина мучиться и терзаться отъ совершенно посторонняго человѣка?

— Я не то, чтобъ былъ посторонній ей человѣкъ: она говорила, что любить меня, но что все-таки желаетъ остаться вѣрна своему долгу.

— Какому это долгу?

— Да такому, какъ и Татьяна Пушкинская, что вотъ-де: *другому отдана и буду въ вѣкъ ему вѣрна.*

— Меня, знаете, эта Татьяна всегда въ бѣшенство приводитъ! — воскликнула Елена. — Если дѣйствительно Пушкинъ встрѣтилъ въ жизни такую женщину, то я голову мою готова прозакладывать, что ее удерживали отъ паденія ея генеральство и ея положеніе въ свѣтѣ: ахъ, Боже мой! какъ-бы не потерять всѣхъ этихъ сокровищъ!

— Можетъ быть!.. — согласился Миклаковъ: — но мою госпожу другое останавливало... — присовокупилъ онъ съ усмѣшкой.

— Другое? — спросила Елена.

— Да!.. Она боялась въ этомъ случаѣ Бога, грѣха и наказанія за него въ будущей жизни.

Лицо Елены сдѣлалось удивленное и насмѣшливое.

— Послѣ этого она просто-напросто дура! — проговорила она.

— Не очень умна! — согласился Миклаковъ.

— Но я одного тутъ не понимаю: какимъ образомъ вы могли влюбиться въ подобную женщину и влюбиться до такой степени, что цѣлые полтора года ѣздили за ней по Европѣ.

— Эта самая непорочность больше всего и влекла меня къ ней... <http://www.in.org.ru/> Очень мнѣ послѣднее время надобно

разныя Маріи-Магдалины!.. Но кто однако вамъ сказалъ, что мы съ княгиней больше не встрѣчаемся? —спросилъ въ заключеніе Миклаковъ.

— Жуквичъ! Ему кто-то писалъ объ этомъ изъ Парижа! — отвѣчала Елена.

— А!.. — произнесъ Миклаковъ: — поэтому онъ еще здѣсь?

— Здѣсь! Онъ тутъ черезъ два номера отъ меня живетъ! — отвѣчала Елена не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Вотъ гдѣ!..— произнесъ не безъ ударенія Миклаковъ. — Такъ вы, значить, къ нему подъ крылышко переѣхали?

— Не къ нему, но потому что я только эту гостиницу и знала въ Москвѣ; а переѣхать мнѣ надо было поскорѣе, — проговорила Елена, еще болѣе смутясь. — Скажите, однако, не знаете ли вы, что онъ за человѣкъ?.. Собственно я до сихъ поръ еще не могу хорошенько понять его.

Миклаковъ подумалъ нѣкоторое время.

— Человѣкъ, какъ вы видите, не глупый!.. плутоватый, кажется... — проговорилъ онъ.

— Но я подозреваю, что онъ предводитель какой-нибудь большой польской партіи! — подхватила Елена.

— Нѣтъ, не думаю! — возразилъ Миклаковъ.

— Непремѣнно такъ! — продолжала Елена: — потому что онъ тутъ хлопочетъ, дѣлаетъ сборы на помощь польскимъ эмигрантамъ.

— Ну, не много еще, видно, собралъ... — замѣтилъ съ усмѣшкой Миклаковъ.

— Это изъ чего вы заключаете? — спросила Елена.

— Изъ того, что нѣкоторые изъ эмигрантовъ въ поденщики идутъ на самыя черныя работы.

Елена при этомъ даже измѣнилась въ лицѣ.

— Я знаю, по крайней мѣрѣ, что, нѣсколько времени тому назадъ, онъ послалъ имъ въ Парижъ значительную сумму! — проговорила она.

— Не слыхалъ-съ этого!.. Знаю только, что господа польскіе эмигранты составляютъ до сихъ поръ одинъ изъ главныхъ элементовъ парижскаго пролетаріата.

— Странно, — произнесла Елена, видимо желавшая скрыть обезпокоившую ее мысль.

Миклаковъ между тѣмъ всталъ съ тѣмъ, чтобы уйти.

Елена тоже встала.

— Когда же мы опять увидимся? — спросила она.

— Не скоро, я думаю; потому что я завтра уѣзжаю въ Малороссію.

— Въ Малороссію?.. Это зачѣмъ?

— По двумъ причинамъ... Во-первыхъ, я за границей климатомъ избаловался, — мнѣ климата хорошаго желается, а здѣсь холодно; кромѣ того, на дняхъ княгиня возвращается въ Москву къ своему супругу.

— Возвращается? — повторила Елена, какъ-бы уволотая чѣмъ-то.

— Возвращается-съ; и такъ какъ я вовсе не желаю, чтобы про меня говорили, что я всюду слѣдую по пятамъ княгини, то и уѣзжаю отсюда.

— Просто, я думаю, боитесь за себя, что не

утерпите и прибѣжите поглядѣть на свое холодное божество, а потомъ, чего добраго, опять, пожалуй, начнете поклоняться ему! — замѣтила Елена.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ!.. другой разъ такимъ дуракомъ не буду! — воскликнулъ Миклаковъ, отрицательно кивая головой и уходя.

Елена, между тѣмъ, послѣ его посѣщенія, сдѣлалась еще болѣе разстроенною: у ней теперь со словъ Миклакова о продолжающейся бѣдности польскихъ эмигрантовъ явилось противъ Жуквича еще новое подозрѣніе, о которомъ ей страшно даже было подумать.

Х.

Въ одно утро Елпидифоръ Мартынычъ садился на свою пролетку, чтобъ ѣхать по больнымъ, какъ вдругъ передъ нимъ точно изъ-подъ земли выросла Мареуша, запыхавшаяся, разстроенная и испуганная.

— Батюшка, Елпидифоръ Мартынычъ, съ барыней нашей что-то очень не хорошо-съ! — завопила она.

— Что такое?.. — спросилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Безъ чувствъ все изволить лежать-съ! — отвѣчала Мареуша.

— О, о!.. Отчего же это съ ней случилось? — произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Да вчера <http://www.ruslib.org> проклятая горничная

Елены Николаевны пришла, — продолжала Мареуша: — она больше у нашей барышни не живетъ-сь, — и начала ей рассказывать, что Елена Николаевна изъ заведенья переѣхала въ гостиницу, въ нумера, къ этому барину Жуковичу.

— Переѣхала?.. Фю!.. поздравляю! — воскликнулъ присвистнувъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Переѣхала-сь... Елизавета Петровна очень этимъ разстроилась: стала плакать, метаться, волоски даже на себѣ рвала, кушать ничего не кушала, ночь тоже не изволила почивать, а поутру только было встала, чтобъ умываться, какъ опять хлопостнулась на постелю. «Мареуша! — кричитъ, — доктора мнѣ.» Я постояла около нихъ маненько: смотрю, точно харабрецъ у нихъ въ горлышкѣ начинаетъ ходить; окликнула ихъ раза два, три, — не отвѣчаютъ больше, я и побѣжала къ вамъ.

Елпидифоръ Мартынычъ выслушалъ Мареушу съ внимательнымъ и нахмуреннымъ лицомъ и потомъ, посадивъ ее вмѣстѣ съ собой на пролетку, поѣхалъ къ Елизаветѣ Петровнѣ, которую нашелъ лежащею бокомъ на постели; лицо ея было уткнуто въ подушку, одна изъ ногъ вывернута въ сторону и совершенно обнажена.

— Закрой! сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, указывая прежде всего Мареушѣ на эту ногу.

Та закрыла.

Елпидифоръ Мартынычъ послѣ этого заглянулъ Елизаветѣ Петровнѣ въ лицо, потрясъ ее потомъ довольно сильно за плечо, затѣмъ взялъ ее руку и сталъ щупать пульсъ.

— Баста!... кончено! — проговорилъ онъ.

— Что, батюшка, умерла, что ли, она? спросила Марѳуша трепещущая.

— Умерла!... Поди объяви объ этомъ въ полиціи! продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ-то спокойно озираясь кругомъ.

Марѳуша заревѣла во весь голосъ и пошла.

Оставшись одинъ, Елпидифоръ Мартынычъ, по-прежнему озираясь по сторонамъ, проворно подошелъ къ комоду, схватилъ дрожащими руками лежавшіе на немъ ключи, отперъ однимъ изъ нихъ верхній ящикъ комода, изъ котораго, онъ видалъ, Елизавета Петровна доставала деньги. Выдвинувъ этотъ ящикъ, онъ отыскалъ въ немъ туго набитый бумажникъ и раскрылъ его: въ бумажникѣ оказалось денегъ тысяча полторы. Тысячу рублей Елпидифоръ Мартынычъ сунулъ себѣ въ карманъ, а пятьсотъ рублей оставилъ въ бумажникѣ, который снова положилъ на прежнее мѣсто, задвинулъ ящикъ и заперъ его. Тысячу эту Елпидифоръ Мартынычъ рѣшительно считалъ законно принадлежащею ему — за всѣ тѣ хлопоты, которыя онъ употребилъ съ своей стороны по разнаго рода дѣламъ Елизаветы Петровны.

Когда полиція пришла, Елпидифоръ Мартынычъ сдалъ ей деньги и вещи и самое покойницу въ полное распоряженіе, а самъ уѣхалъ, говоря, что ему тутъ больше нечего дѣлать. Полиція, съ своей стороны, распорядилась точно такъ же, какъ и Елпидифоръ Мартынычъ: изъ денегъ она показала налицо только полтора ста рублей, которые нужны были, по ея разсчету, на похороны; остальные, равно какъ и другія цѣнныя вещи, напримѣръ, брошки, серьги и даже серебряныя ложки, подпрятала себѣ въ кар-

маны и тогда уже послала извѣстить мирового судью, который пришелъ послѣ того на другой только день и самымъ тщательнымъ образомъ описалъ и запечаталъ разное старое платье и тряпье Елизаветы Петровны. Елену полиція извѣстила о смерти матери черезъ недѣлю послѣ похоронъ. Все это время она какъ-бы разыскивала ее по Москвѣ. Извѣстіе это нѣсколько встревожило и взволновало Елену. Внутренній голосъ совѣсти въ ней говорилъ, что она много и много огорчала мать свою при ея жизни. «Что-жь, и мой сынъ, вѣроятно, будетъ огорчать меня впоследствии!» сказала Елена въ утѣшеніе себѣ. Потомъ, когда ей принесли опись вещамъ, оставшимся послѣ матери, она просила всѣ эти вещи отдать горничной Марѳушѣ, сознавая въ душѣ, что та гораздо болѣе ея была достойна этого наслѣдства. Полиція и на этотъ разъ, удѣливъ себѣ еще кое-что, передала Марѳушѣ рѣшительно одно только тряпье. Покуда все это происходило, Елпидифоръ Мартынычъ занятъ былъ новымъ дѣломъ: прїѣздомъ княгини Григоровой и свиданіемъ ея съ мужемъ.

Княгиня написала ему еще изъ Петербурга, что она такого-то числа прїѣдетъ въ Москву и остановится у Шевріе. Елпидифоръ Мартынычъ, въ назначенный ею день, съ ранняго утра забрался въ эту гостиницу, нанялъ для княгини прекрасный номеръ и ожидалъ ее. Княгиня дѣйствительно прїѣхала и была встрѣчена Елпидифоромъ Мартынычемъ на крыльцѣ гостиницы. Онъ подъ ручку ввелъ ее на лѣстницу и указалъ ей приготовленное помѣщеніе. Княгиня не знала, какъ и благодарить его. Съ княгиней, разумѣется, прїѣхала и Петушкая.

— А вы, кажется, знакомы? сказала княгиня, показывая Елпидифору Мартынычу на подругу свою.

— Какже-съ! воскликнулъ онъ: — имѣлъ честь даже лечить ихъ, когда они съ извощика упали. Изволите помнить это, сударыня? прибавилъ онъ Петицкой.

— Помню! отвѣчала та немного сконфуженнымъ тономъ.

— Надѣюсь, что все это теперь зажило, прошло?... продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ не безъ намека.

— Разумѣется! отвѣчала Петицкая, какъ-бы не понявъ его.

— А что, мужъ приметъ меня? спросила княгиня Елпидифора Мартыныча.

— Конечно!... безъ сомнѣнія! отвѣчалъ было онъ на первыхъ порахъ очень рѣшительно; но потомъ нѣсколько и пораздумалъ: князь послѣ того разговора, который мы описали, ни разу больше не упомянулъ о княгинѣ, и даже когда Елпидифоръ Мартынычъ говорилъ ему: «княгиня, вѣроятно, скоро прїѣдетъ!»—князь, обыкновенно, ни однимъ звукомъ не отвѣчалъ ему, и кромѣ того у него какая-то тоска отражалась при этомъ въ лицѣ.

— Но какъ намъ тутъ поступить: вы ли къ нему прежде поѣдете и предупѣдомите его, или мнѣ прямо къ нему ѣхать? продолжала княгиня.

— Нѣтъ, я къ нему напередъ поѣду и приготовлю его немного, а то вы вдругъ явитесь, — это, пожалуй, его очень сильно поразить! подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ и, не откладывая времени, по-

ѣхалъ къ князю, котораго засталъ въ довольно спокойномъ состояніи духа и читающимъ книгу.

— Къ вашему сіятельству имѣю честь явиться съ новостью великою—к-ха!—воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ, живчикомъ влетая въ кабинетъ князя.

Князь взглянулъ на него вопросительно.

— Ёду-съ я сейчасъ по Газетному переулку, продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ,—и вижу, что къ гостиницѣ Шевріе подъѣзжаетъ карета, выходятъ двѣ дамы, смотрю—Боже мой! знакомыя лица!—к-ха! княгиня и компаньонка ея Петипкая...

— Княгиня? спросилъ князь, какъ-бы вздрогнувъ при этомъ имени.

— Она-съ!..—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.— Я бросился къ ней, нашелъ ей номеръ и говорю: «Какъ вамъ не стыдно не ѣхать прямо въ свой домъ!»— «Ахъ, говорить, не могу, не знаю, угодно ли это будетъ князю!» Ну, знаете, ангельскій характеръ ея и кротость! «Да поѣзжайте, говорю, — князь очень радъ будетъ вамъ.»

Говоря такимъ рѣшительнымъ тономъ, Елпидифоръ Мартынычъ очень хорошо замѣтилъ, что на лицѣ князя опять отразилась какая-то тоска.

«— Нѣтъ, говорить, прежде съѣздите и спросите, приметъ ли онъ меня?» присовокупилъ онъ не столько уже настоятельно.—Вотъ я и пріѣхалъ: какъ вамъ угодно будетъ, но по-моему просто срамъ княгинѣ жить въ гостиницѣ: вся Москва кричать о томъ будетъ.

Князь при этомъ еще болѣе нахмурился.

— Пусть она ѣдетъ сюда! началъ онъ какимъ-

то прерывающемся голосомъ:—но я человекъ больной, раздражительный и желаю, чтобы не приставали ко мнѣ!

— Господи Боже мой! княгиня приставать станетъ, ангель-то этотъ!.. Развѣ только ухаживать за вами будетъ!

— И ухаживанья я ничего не хочу!.. Мнѣ дороже всего, чтобы меня оставляли одного! воскликнулъ князь.

— Ну, и будутъ васъ оставлять, какъ вы желаете того; я даже предпишу это, какъ медицинское правило. Прикажете, поэтому, послать къ княгинѣ сказать, чтобъ она ѣхала къ вамъ? заключилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Посылайте! отвѣчалъ князь, отворачиваясь нѣсколько въ сторону и какъ-бы не желая, чтобы видѣли его лицо.

Елпидифоръ Мартынычъ отправилъ за княгиней свой собственный экипажъ, приказавъ ей сказать, чтобъ она немедленно ѣхала.

Княгиня пріѣхала вмѣстѣ съ Петлицкой. Вся прислуга княжеская очень обрадовалась княгинѣ: усатый швейцаръ, отворяя ей дверь, не удержался и воскликнулъ: «Ай, матушка, вотъ кто пріѣхалъ!» Почтенный метръ-дотель, попавшійся княгинѣ на лестницѣ, какъ-бы замеръ передъ нею въ почтительной и умиленной позѣ. Одна изъ горничныхъ, увидавъ, черезъ стеклянную дверь, княгиню, бросилась къ сотоваркамъ своимъ и весело начала имъ рассказывать, что прежняя госпожа ихъ пріѣхала.

— А вы пока пройдите туда, на мою половину!— сказала княгиня Петлицкой.

— Знаю-съ!—отвѣчала ей та и прошла въ заднія комнаты.

Княгиня стала приближаться къ кабинету мужа; она замѣтно была въ сильномъ волненіи. Елпидифоръ Мартынычъ, все время прислушивавшійся къ малѣйшему шуму, первый услышалъ ея шаги.

— Княгиня пріѣхала!... — проговорилъ онъ какимъ-то торжественнымъ голосомъ.

Князь при этомъ измѣнился нѣсколько въ лицѣ и привсталъ съ своего мѣста.

Княгиня, войдя въ кабинетъ, прямо и быстро подошла къ нему. Князь протянулъ ей руку. Княгиня схватила эту руку и начала ее цѣловать. Князь, съ своей стороны, поцѣловалъ ее въ лобъ. Елпидифоръ Мартынычъ, тоже стоя на ногахъ, съ какимъ-то блаженствомъ смотрѣлъ на эту встрѣчу супруговъ. Наконецъ, князь и княгиня сѣли. Последняя помѣстилась прямо противъ мужа и довольно близко около него. Елпидифоръ Мартынычъ занялъ прежнее свое мѣсто.

— Какъ ваше здоровье теперь? — проговорила княгиня, смотря на князя безпокойными глазами.

— Ничего себѣ; я собственно недолго былъ боленъ и теперь совершенно почти здоровъ, отвѣчалъ онъ труднымъ и медленнымъ голосомъ.

Княгиня продолжала смотрѣть на князя съ безпокойствомъ: ее, по преимуществу, поразили мутный и почти бессмысленный взглядъ князя.

— А вы тоже были больны?—спросилъ онъ, въ свою очередь, почти совсѣмъ не глядя на княгиню.

— Да, я въ Парижѣ была очень больна, — отвѣчала она, немного повраснѣвъ. Въ ея наружности,

впрочемъ, только произошла та перемѣна, что ея бѣлое и нѣжное лицо начало немного дрябнуть и походить на печеное яблоко.

— Но потомъ гдѣ вы жили?—сказалъ князь какъ-бы болѣе механически.

— Потомъ я жила въ Италіи, въ Германіи, — отвѣчала княгиня.

— Съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ или однѣ?—спросилъ князь: ему, кажется, хотѣлось узнать, жилъ ли тамъ Миклаковъ.

— Совершенно одна!... съ одной только Петипкой, — подхватила княгиня, какъ-бы угадавъ его тайную мысль.—Въ Римѣ, впрочемъ, въ одно время со мной жила Анна Юрьевна, гдѣ она и умерла.

— Умерла Анна Юрьевна? — воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Умерла, и какою-то страшной смертью, такъ что кричала на весь маленькій переулокъ, въ которомъ жила, а итальянцы, вообще очень суевѣрные, перестали даже ходить мимо ея дома.

— Какая же болѣзнь у нея была? — спросилъ князь опять какъ-то механически: его даже извѣстіе о смерти Анны Юрьевны нисколько, повидимому, не тронуло.

— Я не знаю какая, — отвѣчала княгиня.

— К-ха! откашлянулся глубокомысленно Елпидифоръ Мартынычъ:—по образу ея жизни ей и нельзя было ожидать отъ Бога покойной кончины,—проговорилъ онъ. — Желательно было бы знать, къ кому теперь перешло все ея громадное состояніе въ наслѣдство?

— Барону, кажется! — отвѣчала княгиня.

— Барону однако! — воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ. — Но, вѣдь, это тысячь сто годового дохода?

— Да! Впрочемъ, онъ и стоитъ того: послѣднее время онъ такую показалъ ей привязанность, что она мнѣ сама нѣсколько разъ говорила, что это рѣшительно ея ангель-успокоитель! Недѣли двѣ, передъ смертію ея, онъ не спалъ ни одной ночи, такъ что самъ до того похудѣлъ, что сталъ походить на мертвеца.

— Ну изъ-за этакого наслѣдства отчего и не похудѣть!..— произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ не безъ усмѣшки.

— Баронъ, вѣроятно, скоро сюда пріѣдетъ!..— продолжала княгиня.

— Вотъ какъ!.. Что-жь, это и хорошо!..— произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, а самъ съ собой въ это время разсуждалъ: «князь холодно встрѣтился съ супругой своей, и причиной тому, конечно, эта дѣвчонка негодная — Елена, которую князь, видно, до сихъ поръ еще не выкинулъ изъ головы своей», а потому Елпидифоръ Мартынычъ рѣшился тутъ же объяснить его сіятельству, что она совсѣмъ убѣжала къ Жуквичу, о чемъ Елпидифоръ Мартынычъ не говорилъ еще князю, не желая его разстраивать этимъ.

— И здѣсь такожде новостей не мало!— продолжалъ онъ, какъ-бы исключительно обращаясь къ княгинѣ. — Елизавета Петровна Жиглинская, если только вы помните, тоже померла.

— Померла? — спросила княгиня.

— Когда она померла?— воскликнулъ при этомъ князь.

— Недѣли съ три, надо быть, — к-ха! — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, потупляясь нѣсколько.

— Отчего вы мнѣ не сказали объ этомъ? — спросилъ князь почти строго.

— Да такъ какъ-то все забывалъ — к-ха! — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ какъ-бы и искреннимъ голосомъ.

— И долго она была больна? — проговорила княгиня, сначала не подозрѣвавшая, къ чему ведетъ всю эту рѣчь Елпидифоръ Мартынычъ.

— Съ ней два удара собственно было! — отвѣчалъ тотъ съ какой-то особенною пунктуальностью и рѣзкостью: — одинъ вотъ первый вскорѣ послѣ поступленія дочери въ вастелянши!.. — на словѣ этомъ Елпидифоръ Мартынычъ приостановился немного: — сами согласитесь, — продолжалъ онъ, грустно усмѣхаясь, — какой матери это можетъ быть пріятно!.. А потомъ съ другой разъ повторился, какъ дочь и оттуда переѣхала.

— А куда она оттуда переѣхала? — спросила княгиня не совсѣмъ уже смѣлымъ голосомъ. Она еще за-границей слышала, что Елена главнымъ образомъ потому оставила князя, что онъ сталъ ее ревновать къ Жуквичу; но чтобъ эта ревность была справедлива, она не слыхала подтвержденія тому.

— Въ гостиницу 'тутъ одну, въ номера, гдѣ вотъ Жуквичъ полякъ жаветь!.. — проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ-бы больше обращаясь къ князю.

Княгиня при этомъ отвѣтѣ окончательно смутилась и не стала больше спрашивать. Князь тоже молчалъ и началъ шипать себѣ бороду: извѣстіе это впрочемъ мало, повидимому, его поразило, — онъ

какъ будто-бы ожидалъ заранѣе этого, и только его блуждающій взглядъ нѣсколько сосредоточился, и онъ замѣтно сталъ что-то серьезное и важное обдумывать.

Княгиню, между тѣмъ, все беспокоила мысль, какъ сказать князю о Петицкой, и вида, что разговоръ ни о чемъ другомъ не начинается, она рѣшилась наконецъ:

— Я Петицкую съ собой привезла; вы позволите ей жить у меня? — проговорила она.

— Пожалуй, мнѣ все равно! — отвѣчалъ князь съ явною досадой, что его отвлекають отъ собственныхъ мыслей.

Елпидифоръ Мартынычъ это замѣтилъ и обратился къ княгинѣ.

— Князь утомился; ему вредно долго бесѣдовать—к-ха!—сказалъ онъ.

— Хорошо, я уйду!—сказала кротко княгиня и сама встала при этомъ.

— До свиданья! — сказалъ ей князь, стараясь какъ можно попривѣтливѣй ей улыбнуться.

Княгиня ушла; но Елпидифоръ Мартынычъ не уходилъ: онъ ожидалъ, что не будетъ ли еще какихъ-нибудь приказаній отъ князя, и тотъ, дѣйствительно, когда они остались вдвоемъ, обратился къ нему.

— Вы тамъ сказали, началъ онъ прерывающимся голосомъ, — что госпожа эта... переѣхала къ Жуквичу; но она вмѣстѣ съ собой таскаетъ и ребенка, которому я отецъ тоже и не могу допустить того! Вся жизнь ея, вѣроятно, будетъ исполнена приключеніями, и это никакъ не можетъ послужить въ пользу воспитанія ребенка!

— Конечно-съ! У такой матерп какое воспита-
ніе!..—подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ...

— А потому заѣзжайте къ ней, хоть завтра, что
ли, и скажите ей, что я не сужу несколько ея по-
ступковъ; но за всю мою любовь къ ней я прошу у
ней одной милости—отдать мнѣ ребенка нашего. Я
даю ей клятву, что сдѣлаю его счастливымъ: я ему
дамъ самое серьезное, самое тщательное воспитаніе.
Княгиня, какъ вы знаете, очень добра и вполне за-
мѣнить ему мать; наконецъ, мы сдѣлаемъ его наслед-
никомъ всего нашего состоянія!

— Отдасть!.. вѣроятно отдасть! — подхватилъ
Елпидифоръ Мартынычъ.—И куда онъ ей?.. У нея
новыя, я думаю, скоро дѣти будутъ.

— Пожалуйста, заѣзжайте!—повторилъ ему еще
разъ князь.

— Заѣду-съ!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Князь въ тотъ день не выходилъ больше изъ
своего кабинета и совсѣмъ не видался съ княгиней,
которая вмѣстѣ съ Петицкой разбирала и разстанав-
ливала разныя вещи на своей половинѣ.

Передъ тѣмъ, какъ Елпидифору Мартынычу при-
ѣхать въ Еленѣ, у ней произошла весьма запаль-
чивая сцена съ Жуквичемъ. Елена недѣли двѣ, по
крайней мѣрѣ, удерживалась и не высказывала ему
своихъ подозрѣній, которыя явились у ней послѣ
свиданія съ Миклавымъ, и все это время наблюдая
за нимъ, она очень хорошо видѣла, что Жуквичъ
хоть и бывалъ у нея довольно часто, но всегда какъ-

то оставался недолгое время, и когда Елена, не смотря на непродолжительность его посѣщеній, заговаривала съ нимъ о польскихъ эмигрантахъ, о польскихъ дѣлахъ, разныхъ соціальныхъ теоріяхъ, онъ или говорилъ ей въ отвѣтъ какія-то фразы, или отмалчивался, а иногда даже начиналъ какъ-бы и подшучивать надъ ней. Елена не изъ такихъ была характеровъ, чтобы равнодушно переносить подобныя вещи: у ней часъ отъ часу все болѣе и болѣе накоплялось гнѣва противъ Жуквича, такъ что въ одно утро она не выдержала и нарочно послала за нимъ, чтобы онъ пришелъ къ ней переговорить объ одномъ дѣлѣ. Жуквичъ явился и, повидимому, былъ нѣсколько смущенъ.

— Мы послѣднее время рѣшительно играемъ съ вами въ какія-то жмурки, гдѣ я хожу съ завязанными глазами, а вы отъ меня увертываетесь!..—начала она прямо:—но такъ какъ я вообще полусвѣта не люблю, а потому и хочу разъяснить себѣ нѣкоторыя обстоятельства: прежде всего я получила извѣстіе, что польскіе эмигранты въ Парижѣ до сихъ поръ страшно нуждаются.

Жуквичъ при этомъ вспыхнулъ весь въ лицѣ.

— Кто-жь вамъ сообщилъ это извѣстіе? какъ-бы больше пробормоталъ онъ.

— Одинъ очень и очень достовѣрный человекъ!—подхватила Елена.—Но вы мнѣ этого не говорили; значить, вы или сами не знаете этого, чего вамъ, какъ агенту ихъ, не подобаетъ не знать, или знаете, но мнѣ почему-то не довѣряете.

— О, панна Жиглинская, почему-жь я стану вамъ

не довѣрять! — воскликнулъ удивленнымъ тономъ Жуквичъ.

— Этого я не знаю!.. Вамъ самимъ лучше это знать!—подхватила Елена. — Во всякомъ случаѣ,—продолжала она настойчиво,—я желаю вотъ чего: напишите вы господамъ эмигрантамъ, что ежели они дѣйствительно нуждаются, такъ пусть напечатаютъ въ какой-нибудь честной, серьезной газетѣ парижской о своихъ нуждахъ и назначатъ адресъ, кому бы мы могли выдать новую помощь; а вмѣстѣ съ тѣмъ они пояснили бы намъ, что уже получили помощь и въ какомъ именно размѣрѣ, не упоминая, разумѣется, при этомъ нашихъ именъ.

— Это невозможно, панна Жиглинская! — снова воскликнулъ Жуквичъ, какъ-бы приведенный почти въ ужасъ послѣдними словами Елены.

— Почему невозможно? — спросила она его насмѣшливо и въ то же время пристально смотря на него.

— Да потому-жь, панна Жиглинская, какъ я могу это написать?.. Мои-жь письма, какъ сосланнаго, все читаются на почтѣ; меня за это-жь письмо сейчасъ сошлютъ въ Сибирь на каторгу.

— Но вы посылали, однако, деньги туда...

— Да Боже-жь ты мой! я посылалъ черезъ банкировъ отъ неизвѣстнаго лица.

— Въ такомъ случаѣ поѣдемте мы съ вами въ Парижъ, потому что я послѣдними деньгами рѣшительно хочу сама распорядиться и даже думаю остаться совсѣмъ въ Парижѣ, гдѣ съумѣю найти себѣ работу: я могу учить музыкѣ, танцамъ, русскому языку и сидѣть даже за конторкой купеческой.

— Но какъ-жь я побѣду съ вами, панна Жиг-

линская?.. Меня арестуютъ на первой станціи, потому что я бѣглый буду.

— Подите вы, Жуквичъ!.. Вы не съумѣете убѣжать и попадетесь кому-нибудь, когда вы съ висилицы успѣли уйти!..— воскликнула Елена.— Не хотите только!..

— Да-жь, панна Жиглинская, и не хочу — это такъ! — воскликнулъ Жуквичъ, въ свою очередь, явно оскорбленнымъ тономъ и весь краснѣя въ лицѣ, — потому что-жь вы, — я не знаю, чѣмъ я подалъ поводъ тому... — вы ѣдете въ Парижъ повѣрять меня!.. Я-жь не подлець, панна Жиглинская!.. Я миллионами-жь польскихъ денегъ располагалъ, и мнѣ довѣряли; а вы въ грошахъ вашихъ подозрѣваете меня!.. Да Богъ-жь съ вами и съ деньгами вашими, я сейчасъ выпишу ихъ изъ банка и возвращу вамъ ихъ!.. Да съѣсть ихъ дьяволъ!.. Поляки никогда-жь не нуждались въ такой обидной помощи!..

Монологъ этотъ еще болѣе разсердилъ Елену.

— Кто честень-съ, тотъ не боится, чтобъ его повѣряли! — произнесла она какимъ-то почти грознымъ голосомъ.

— Я-жь честень и не боюсь вашихъ повѣрокъ! — кричалъ ей на это Жуквичъ.

— Нѣтъ, вы боитесь, — это вы извините!.. — Васъ выдають ваше лицо и тонъ вашего голоса.

— Да нѣтъ-жь, не боюсь, и черезъ недѣлю-жь вы получите всѣ ваши деньги назадъ! — продолжалъ кричать Жуквичъ, берясь за дверь и уходя.

— Сдѣлайте одолженіе, очень рада тому! — кричала ему въ свою очередь Елена. Она предположила, какъ только онъ возвратитъ ей деньги, всѣ ихъ

отослать къ Николаю Оглоблину съ запиской, что отъ такихъ людей, какъ онъ и отецъ его, она не желаетъ принимать помощи ни для какого дѣла. Елена не успѣла еще нѣсколько придти въ себя, какъ ей сказали, что ее спрашиваетъ Елпидифоръ Мартынычъ. Елена, полагая, что онъ пріѣхалъ къ ней по случаю смерти ея матери, послала было сказать ему, что она никакой надобности и никакого желанія не имѣетъ принимать его; но Елпидифора Мартыныча не остановилъ такой отвѣтъ ея. Онъ явился къ ней въ комнату. Взглянувъ впрочемъ въ лицо Елены, Елпидифоръ Мартынычъ понялъ, что ему не совсѣмъ удобно будетъ разговаривать съ ней, а потому и постарался принять какъ можно болѣе льстивый тонъ.

— Пословица русская справедлива: старый другъ лучше новыхъ двухъ!...— Нашелъ же наконецъ я васъ, отыскалъ!—сказалъ онъ, придавъ самое сладкое выраженіе своему лицу.

— Совершенно напрасно трудились!—отвѣчала ему насмѣшливо-презрительнымъ тономъ Елена.

Елпидифоръ Мартынычъ хоть бы глазомъ при этомъ моргнулъ.

— Что дѣлать-съ!—произнесъ онъ спокойнымъ тономъ философа:—не по своей винѣ васъ беспокою, а по приказанію князя, который мнѣ поручилъ передать вамъ, что онъ васъ, попрежнему, уважаетъ и почитаетъ... И какъ бы вы тамъ лично сами—к-ха!—ни поступали—к-ха!—онъ не судья вамъ; но вы еще молоды, можете выйти замужъ, будете переѣзжать съ мѣста на мѣсто, а это онъ находитъ весьма неудобнымъ для воспитанія вашего сына и

потому покорнѣйше просить васъ отдать ему малютку вашего!...

— Малютку моего?..—переспросила Елена.

«— Я, говоритъ, продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, не отвѣчая на ея вопросъ и какъ-то особенно торопливо: — въ какія-нибудь тридцать лѣтъ сдѣлаю его дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ, и если хочетъ Елена Николаевна, такъ и свиты его императорскаго величества генераль-майоромъ!» У князя, вѣдь, прекрасныя связи!..—«Потомъ, говоритъ, я сдѣлаю его наследникомъ всего своего состоянія: княгиня, говоритъ, замѣнитъ ему вторую мать.»

— А княгиня развѣ пріѣхала?—остановила его Елена.

— Да-съ! вчерашняго числа возвратилась, отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Какая-то злая улыбка появилась при этомъ на губахъ Елены.

— Всѣ эти предложенія князя, конечно, очень лестны и заманчивы, отвѣчала она насмѣшливымъ голосомъ:—но, по несчастію, я никакъ не желаю сына моего видѣть ни дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, ни генераль-майоромъ, а желаю, чтобъ онъ былъ человѣкъ и человѣкъ немножко лучше отца своего.

— Это я собственно сказалъ вамъ отъ себя; это мои предположенія, подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ, видя, что онъ ошибся въ своихъ обольщеніяхъ,—а князь его воспитаетъ, какъ только вы пожелаете.

— Нѣтъ, онъ никакъ его не воспитаетъ, какъ я

того пожелаю: князь самъ очень хорошо знаетъ, какъ мы на это розно съ нимъ смотримъ.

— Но состояніе-то-съ, состояніе-то, поймите вы!..—старался было убѣдить Елену Елпидифоръ Мартынычъ.—Вы еще, Богъ знаетъ, будете ли богаты, а князь, мы знаемъ, что богатъ и сдѣлаетъ сына вашего богачемъ.

— Сынъ мой, надѣюсь, будетъ на столько не глупъ, что и безъ состоянія просуществуетъ на свѣтѣ, возразила Елена,—и вы потрудитесь передать князю, что я такъ же, какъ и онъ, попрежнему, его уважаю и почитаю; но сына моего все-таки не отдамъ ему.—Проговоря это, она подошла къ этажеркѣ, взяла съ нея шляпку свою и начала ее надѣвать передъ зеркаломъ.

— Вы, кажется, уѣзжаете куда-то?—спросилъ ее робко Елпидифоръ Мартынычъ.

— Да, мнѣ нужно по одному моему дѣлу!—отвѣчала Елена, начавшая сбираться единственно съ тою цѣлью, чтобы выпроводить какъ-нибудь своего гостя.

— К-ха!—конфузливо откашлянулся Елпидифоръ Мартынычъ,—очень жаль, что я не могъ съ успѣхомъ исполнить моего порученія,—присовокупилъ онъ грустно.

— И мнѣ тоже жаль!—проговорила Елена.

Елпидифоръ Мартынычъ, дѣлать нечего, поклонился ей и вышелъ.

— Вотъ дура-то дѣвка!—выбранился онъ, сходя съ лѣстницы, и къ князю прямо проѣхать не рѣшился, а первоначально околесилъ другихъ своихъ

больныхъ и все обдумывалъ, какъ-бы ему половчѣе передать отвѣтъ Елены.

Князя онъ засталъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Нѣтъ-съ, она никакъ не соглашается на то!— началъ Елпидифоръ Мартынычъ нѣжнымъ голосомъ:— «Я, говоритъ, мать и такъ люблю моего ребенка, что никакъ не могу разстаться съ нимъ.»

— Но она можетъ видаться съ нимъ хоть каждую недѣлю!— произнесъ князь.

— И я говорилъ ей это; но она не соглашается!— сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Князь нѣкоторое время теръ себѣ лобъ.

— Послушайте!... — началъ онъ, видимо что-то придумавъ:— я никогда не имѣлъ подобныхъ дѣлъ... но, говорятъ, полиція всемогуща... нельзя ли хлопотать, чтобы хоть силой они взяли у нея ребенка и отдали его мнѣ.

Слова эти заставили Елпидифора Мартыныча призадуматься.

— К-ха!— кашлянулъ онъ многознаменательно:— пожалуй, можно будетъ попробовать; у меня есть кой-какіе каналы, по которымъ можно будетъ подойти къ разнымъ властямъ.

— Ну, подойдите и общайте имъ денегъ — десять, пятнадцать тысячъ!— подхватилъ князь.

— Ой, Господи, для чего такъ много! — произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ бы испугавшись даже такой огромной цифры денегъ; и послѣ этого обѣщанія, по крайней мѣрѣ, съ недѣлю ходилъ по своимъ каналамъ; затѣмъ, пріѣхавъ наконецъ къ князю, объявилъ ему съ отчаяннымъ видомъ:— Нѣтъ-съ! ничего тутъ не подѣлаешь, и слы-

шать не хотятъ: «Какъ, говорятъ, при нынѣшней гласности, можно это сдѣлать?..—Пожалуй, всѣ газеты протрубить: она мать,—кто же можетъ взять у нея ребенка?»

— Но она погубить его, понимаютъ ли они это?—воскликнулъ съ мучительнѣйшимъ выраженіемъ въ лицѣ князь.

— Понимаютъ-сь, но гласности боятся! — отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

XI.

Елена, не выдавъ Жуквича послѣ описанной сцены около недѣли, начинала раскаиваться, что такъ рѣзко высказала ему столь обидную вещь, и полагала, что онъ нейдетъ къ ней въ ожиданіи присылки денегъ ему изъ Парижа, а что какъ только банкъ вышлетъ ему, онъ явится къ ней и швырнетъ ей эти деньги... О, тогда Елена намѣрена была самымъ искреннимъ образомъ испросить у него прощенія въ своемъ подозрѣніи и умолять его взять деньги назадъ и распорядиться ими, какъ только онъ желаетъ. Наконецъ прошла еще недѣля, но Жуквичъ не шелъ къ Еленѣ, и она ни отъ кого даже звука о немъ не слыхала, такъ что рѣшилась послать его просить къ себѣ и для этого позвала нумернаго лакея.

— Попроси ко мнѣ, пожалуйста, господина Жуквича!—сказала она тому.

Лакей при этомъ съ какимъ-то недоумѣніемъ взглянулъ на нее.

— Господинъ Жуквичъ уѣхалъ-съ,—проговорилъ онъ.

— Куда уѣхалъ?—спросила Елена, удивленная и пораженная этимъ извѣстіемъ.

— Да не извѣстно-съ, по петербургскому ли тракту или по курскому: они сами себѣ-съ изволили нанимать извозчика.

— То-есть, какъ?... Онъ совсѣмъ изъ Москвы уѣхалъ?—переспросила Елена.

— Изъ Москвы совсѣмъ-съ!—отвѣчалъ лакей.

— Но когда же онъ уѣхалъ?—продолжала Елена. Лакей назвалъ ей день. Это былъ тотъ именно день, въ который она съ нимъ поссорилась.

— Но кто его могъ отпустить?... Онъ сосланъ въ Москву!—разспрашивала Елена, все еще не совсѣмъ довѣряя словамъ лакея.

— Кто? господинъ Жуквичъ?... Нѣтъ-съ!—отвѣчалъ тотъ усмѣхаясь.

— Какъ нѣтъ... когда онъ самъ мнѣ говорилъ это?... Позови мнѣ лучше хозяина,—ты ничего тутъ не знаешь!... — говорила Елена, берясь за голову и чувствуя, что она начинаетъ терять всякую нить къ пониманію.

Лакей пошелъ и позвалъ хозяина, который былъ купецъ, въ скобку подстриженный, въ длинноподомъ сюртукъ и съ совершенно безстрастною фізіономіей.

— Извините, что я васъ беспокою, но мнѣ очень нужно знать: что, господинъ Жуквичъ, который, говорятъ, уѣхалъ, — подъ присмотромъ полиціи содержался?

— Нѣтъ-съ, нѣтъ!—отвѣчалъ хозяинъ, какъ-бы даже обидѣвшись на эти слова: развѣ я сталь

бы держать такого? — прибавилъ онъ потомъ съ усмѣшкой.

— Но тутъ, собственно, ничего нѣтъ дурнаго... Я только спрашиваю: что самъ онъ прїѣхалъ въ Москву или сосланъ былъ?

— Какъ же сосланный можетъ ко мнѣ въ гостиницу попасть? Сосланныхъ полиція прямо препровождаетъ и размѣщаетъ въ дома, на которыхъ дощечки нѣтъ, что они свободны отъ постоя!... — создавалъ хозяинъ свое собственное законоположеніе: — а у насъ мѣсто вольное: кто хочетъ, волей прїѣдетъ и волей уѣдетъ!...

— У васъ онъ, поэтому, по паспорту жилъ?

— По паспорту настоящему... Я самъ читалъ его... Станиславъ Жуквичъ, коллежскій секретарь даже... баринъ какъ слѣдуетъ быть.

— Но куда же онъ теперь уѣхалъ? — говорила Елена.

— Не сказалъ, куда именно; отмѣтился только къ выбытію изъ Москвы... — Да что, онъ вамъ долженъ, что ли, остался?

— Немножко... пустякъ тамъ какой-то, — отвѣчала Елена.

— Забылъ, чай, надо-быть... Со мной такъ честно расчелся, баринъ хорошій!

Для Елены не оставалось никакого сомнѣнія, что она была самымъ грубымъ, самымъ наглымъ образомъ обманута!... «Но какъ же Миклакову было не стыдно рекомендовать ей подобнаго человѣка?» думала она; хотя собственно что онъ ей рекомендовалъ? — что Жуквичъ умный человѣкъ и послѣдователь разныхъ новыхъ ученій — все это правда, а

остальное Елена сама придала ему въ своемъ воображеніи. Какой-то злобный смѣхъ надъ собой и своимъ положеніемъ овладѣлъ при этомъ Еленю. «Нечего сказать,—проговорила она сама съ собой:—судьба меня балуетъ: въ любви сошлась съ человѣкомъ, съ которымъ ничего не имѣла общаго, а въ политическомъ стремленіи наскочила на мошенника,—умница я великая, должно быть!» Но какъ бы за тѣмъ, чтобы разсѣять въ Еленѣ эти мучительныя мысли, къ ней подбѣжалъ Коля, веселенькій, хорошенькій, и началъ ласкаться. Елена какъ-бы мгновенно воскресла духомъ и, вспомнивъ, что она мать, съ величіемъ и съ твердостью выкинула изъ души всякое раскаяніе, всякое даже воспоминаніе о томъ, что было, и дала себѣ слово трудиться и работать, чтобы вскормить и воспитать ребенка. Для этого она, не откладывая времени, отправилась по конторамъ, чтобы спросить тамъ, нѣтъ ли въ виду мѣстъ гувернантки, и вошла въ первую попавшуюся ей изъ таковыхъ конторъ, гдѣ увидала криваго и безобразнаго господина, сидѣвшаго за столомъ и что-то такое писавшаго. Елена обратилась къ нему съ своимъ вопросомъ.

— Три рубля серебромъ съ васъ слѣдуетъ получить! — сказалъ онъ ей.

— Но я заплачу, когда получу мѣсто! — возразила было Елена.

— Нѣтъ-съ, у насъ впередъ берется! — отвѣчалъ ей спокойно кривой господинъ.

Елена подала ему три рубля серебромъ, а затѣмъ у ней осталось въ портъ-моне только двадцать рублей. Кривой господинъ далъ ей послѣ этого адресъ трехъ семействъ, желающихъ имѣть гувер-

нантку, изъ которыхъ на одномъ, прочитавъ купеческую фамилію, Елена прежде всего рѣшилась идти въ это семейство, предполагая, что съ простыми людьми ей легче будетъ ужиться. Семейство это жило въ Таганкѣ. Елена отправилась туда пѣшкомъ. Подойдя къ довольно большому каменному дому, она рѣшительно не знала, какъ ей въ него войти, такъ какъ онъ со всѣхъ сторонъ показался ей запертымъ, и только со двора раздавался страшный лай цѣпной, должно быть, собаки. Елена хотѣла было уже уйти отъ этого дома, какъ вдругъ растворилась одна изъ тяжелыхъ калитокъ, его и появился дворникъ. Оказалось, что калитка была не заперта, только у Елены не доставало силы открыть ее.

Елена сказала ему, зачѣмъ она пришла, и спросила, дома ли господъ купцы.

— Хозяйка-то дома, а самого-то нѣтъ, — въ городѣ! — отвѣчалъ дворникъ.

Елена попросила его провести ее къ хозяйкѣ.

Дворникъ повелъ ее сначала дворомъ, гдѣ дѣйствительно привязанная на цѣпи собака не то что лаяла на нихъ, а отъ злости ужъ храпѣла и шипѣла; затѣмъ дворникъ повелъ Елену заднимъ ходомъ, черезъ какой-то чуланъ, черезъ какую-то кухню и прачешную даже, и наконецъ ввелъ ее въ высокую и небольшую комнату, но съ огромною божницей въ одномъ углу и съ какимъ-то глупо и ярко расписаннымъ потолкомъ. Запахъ жареной рыбы и луку царилъ всюду, и все это вмѣстѣ показалось Еленѣ, по меньшей мѣрѣ, очень неприятнымъ. Вскорѣ къ ней вышла лѣтъ сорока женщина, набѣленная,

съ черными зубами и съ головой, повязанной платочкомъ.

— Покорнѣйше прошу садиться! — проговорила она, показывая на одинъ конецъ худаго кожанаго дивана и сама садясь на другой конецъ его.

Елена сѣла. Ее раздѣлялъ съ хозяйкой одинъ навощенный столикъ.

— Вы гувернантка-съ? — спросила ее та.

— Гувернантка! — отвѣчала Елена.

— А рекомендацію вы имѣете? — продолжала хозяйка.

— Какую рекомендацію? — спросила ее въ свою очередь Елена.

— А гдѣ-съ вы прежде жили, оттедова: вонъ у насъ и прикащпковъ николи не берутъ, ежели старый хозяинъ за него не ручается.

— Но у меня нѣтъ никакого стараго хозяина, потому что я въ первый разъ еще желаю жить въ гувернанткахъ, — возразила ей Елена.

— Вотъ видите-съ, вы, значить, къ этому дѣлу-то еще и непривычны, а мы такъ желаемъ, чтобы дочь наша танцовать выучилась и чтобы писала тоже по-исправнѣй, а то отецъ вонъ все ругается: «Что, горить, ты пишешь какъ скверно!»

— Всему этому я могу учить; вотъ дипломъ мой на званіе гувернантки! — проговорила Елена и подала было купчихѣ свой университетскій аттестатъ.

— Въ этихъ бумагахъ мы что понимаемъ? — люди темные; а намъ бы рекомендацію лучше чью-нибудь! — повторяла все свое хозяйка.

— Рекомендаціи я ничьей не могу вамъ предста-

вить, потому что нигдѣ еще не жила,—проговорила Елена.

— А намъ безъ этого какъ рѣшиться-то?.. И характеръ тоже—кто знаетъ, какой онъ у васъ?.. Вонъ другія гувернантки линейкой, говорятъ, колотятъ ученицъ своихъ по чемъ ни попало,—пожалуй, и уродомъ на вѣкъ сдѣлать недолго, а у меня дочь единственная, въ кои вѣки Богомъ данная!

— Я вашей дочери колотить не стану, за это я вамъ ручаюсь; потому что у меня у самой есть сынъ—ребенокъ, котораго я попрошу взять съ собой.

— Вы замужняя поэтому?—спросила купчиха.

— Нѣтъ, я не замужняя!—отвѣчала Елена, желая въ этомъ случаѣ говорить правду.

— Вдова, значитъ?

— Нѣтъ, не вдова... я дѣвушка.

Купчиха даже поотодвинулась отъ нея при этомъ.

— Вотъ это тоже для насъ нескладно будетъ!—произнесла она то потупляя, то поднимая свои глаза и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляясь во весь свой широкий ротъ.

— Что дѣлать!.. Это было увлеченіе съ моей стороны, и я не скрываю того.

— Да-съ!.. конечно!.. —отвѣчала купчиха, не переставая двигать глазами: — но намъ-то ужъ очень не подходящее дѣло это будетъ! — повторила она еще разъ.

Елена, видя, что никакого тутъ успѣха не будетъ, встала и, раскланявшись, просила проводить ее; тотъ же дворникъ, все стоявшій въ сосѣдней комнатѣ и внимательно слушавшій, что хозяйка его

говорила съ гувернанткой, повелъ Елену прежнимъ путемъ; цѣпная собака опять похрапѣла на нихъ.

Елена, очутившись на улицѣ, первое—что начала съ жадностью вдыхать въ себя свѣжій воздухъ; она почти задыхалась, сидя съ купчихой въ ея каморкѣ, отъ запаха жареной рыбы съ лукомъ, и хоть довольно уже устала, но все-таки рѣшилась зайти по слѣдующему адресу къ полковнику Клюкову, живущему на Разгуляѣ, въ своемъ домѣ. Елена, желая поберечь деньги, пошла и туда пѣшкомъ. Домъ полковника Клюкова представлялъ совершенную противоположность купеческому дому: желѣзныя ворота его были распахнуты; по бокамъ крыльца были помѣщены два аристократическіе льва; конюшни обозначены лошадиной головой изъ алебаstra; на одномъ изъ оконъ, выходящемъ на дворъ, былъ прибитъ огромнѣйшій барометръ: словомъ, видно было, что тутъ жилъ человекъ не замѣнутый, съ слѣдами нѣкотораго образованія. Елена прямо подошла ко входу, на рѣзныхъ дверяхъ котораго была прибита мѣдная досочка съ надписью на ней по-французски и по-русски: «Полковникъ Клюковъ». Елена позволила въ колокольчикъ этой двери; ей отворилъ лакей во фракѣ и даже въ бѣломъ галстухѣ.

— Полковнику нужна гувернантка... — начала Елена.

— Пожалуйте! — подхватилъ сейчасъ же сметливый лакей и повелъ Елену черезъ залу, гдѣ ей невольно бросилась въ глаза очень большія и очень хорошей работы гравюры, но только все какого-то строгаго и поучающаго характера: блудный сынъ, являющійся къ отцу; Авраамъ, приносящій сына въ

жертву Богу; Муцій Сцевола, сжигающий свою руку. Лакей довелъ Елену до гостиной, которая тоже имѣла какой-то черезчуръ опредѣленный характеръ; цвѣты, наприимѣръ, разставлены были въ ней совершенно по ранжиру, пепельницы на столѣ — тоже по ранжиру, кресла — тоже по ранжиру.

— Полковникъ сейчасъ выйдетъ! — сказалъ лакей Еленѣ и ушелъ.

Она сѣла на одно изъ креселъ.

Минуть черезъ пятнадцать раздались въ слѣдующихъ комнатахъ правильные шаги и вслѣдъ затѣмъ показался и самъ полковникъ съ височками, съ небольшимъ хохолкомъ, съ нафабранными усами, въ стоячемъ галстухѣ и сюртукѣ съ георгиевскимъ крестомъ въ петлицѣ. По всему туалету его замѣтно было, что онъ только-что прифрантился.

— Bonjour, mademoiselle, prenez place, — je vous prie! — сказалъ онъ, пододвигая Еленѣ, вставшей при его входѣ, кресло, и самъ садясь противъ нея.

— Мѣсто вашего воспитанія? — спросилъ онъ ее затѣмъ съ довольно важнымъ видомъ.

Елена въ отвѣтъ на это подала ему свой аттестатъ и дипломъ. Полковникъ бѣгло взглянулъ на оба изъ нихъ.

— Дѣло въ томъ-съ, — началъ онъ: — что въ конторѣ я, разумѣется, подписывался только какъ полковникъ Клюковъ и многого, конечно, не договорилъ, такъ какъ положительно считаю всѣ эти наши конторы скорѣе логовищемъ разныхъ плутней, чѣмъ какими-нибудь полезными учрежденіями: но съ вами я буду говорить откровенно, какъ отецъ, истинно

желающій дать дочерямъ своимъ серьезное воспитаніе.

— Сдѣлайте одолженіе! — сказала ему на это Елена.

— Прежде всего-съ, — продолжалъ полковникъ: — я долженъ вамъ сказать, что я вдовецъ... Дочерей у меня двѣ... Я очень хорошо понимаю, что никакая гувернантка не можетъ имъ замѣнить матери, но тѣмъ не менѣе желаю, чтобъ онѣ твердо были укрѣплены въ правилахъ вѣры, послушанія и нравственности!.. Дочерямъ-съ моимъ предстоитъ современемъ свѣтская, разсѣянная жизнь; а свѣтъ, вы знаете, полонъ соблазна для юныхъ и неопытныхъ умовъ, — вотъ почему я хотѣлъ бы, чтобъ дочери мои закалены были и, такъ сказать, вооружены противъ всего этого...

— Но какимъ же способомъ вы думаете достигнуть этого? — спросила Елена. Полковникъ начиналъ ей казаться дуракомъ и пошлякомъ.

— Тѣмъ способомъ-съ, — отвѣчалъ онъ ей: — чтобы дѣвочки эти научены были предпочитать науку серьезную — наукѣ вѣтренной, пустой!.. Чтобы даже въ музыкѣ они любили Бетховенскую фугу, а не нынѣшніе какіе-нибудь жалкіе польки и вальсы!.. Я самъ членъ здѣшняго музыкальнаго общества, поклонникъ серьезной музыки, и мое желаніе, чтобъ и дочери мои имѣли такой же вкусъ... Но главное, на что должно быть направлено вниманіе ихъ воспитательницы, это то, чтобы внушить имъ, какъ тщетна и скоропреходяща земная жизнь человѣка, и чтобы такимъ образомъ обратить сердца ихъ къ жизни будущей...

Елена начинала приходить почти въ бѣшенство, слушая полковника, и готова была чѣмъ угодно поклясться, что онъ желаетъ дать такое воспитаніе дочерямъ съ единственною цѣлью запрятать ихъ потомъ въ монастырь, чтобы только не давать имъ приданого. Принять у него мѣсто она находила совершенно невозможнымъ для себя, тѣмъ болѣе, что сказать ему, напримѣръ, о своемъ незаконнорожденномъ ребенкѣ было бы просто глупостью съ ея стороны.

— Нѣтъ, я не могу принять на себя такихъ большихъ обязанностей! — сказала она ему прямо.

— Но почему, отчего? — спросилъ ее полковникъ какъ-бы совсѣмъ другимъ тономъ: дѣло въ томъ, что чѣмъ болѣе онъ вглядывался въ Елену, тѣмъ она болѣе и болѣе поражала его красотою своею.

— Отъ того, что я сама не имѣю тѣхъ убѣжденій, которыя вы желаете, чтобы я внушала дочерямъ вашимъ.

— Позвольте въ этомъ случаѣ вамъ не повѣрить! — воскликнулъ полковникъ: — вашъ аттестатъ, по крайней мѣрѣ, съ такой прекрасной отмѣткой о вашей нравственности говоритъ совершенно противное, но еслибы даже это и было такъ, то я, желая немножко строгой морали для моихъ дочерей, вовсе не хочу стѣснять тѣмъ вашей собственной жизни!.. Кончивъ ваши уроки, вы будете совершенно свободны во всѣхъ вашихъ поступкахъ: вы можете выѣзжать въ театры, въ маскарады; я самъ даже, если вы позволите, готовъ сопутствовать вамъ!.. Большая разница — ихній возрастъ и нашъ съ вами!..

Изъ послѣднихъ словъ полковника Елена очень

ясно заключила, что онъ все бы ей позволилъ, съ тѣмъ только, чтобъ и она ему позволила ухаживать за собой, и этимъ онъ показался ей еще противнѣе.

— Я никогда не привыкла отдѣлять моихъ словъ отъ дѣлъ!—отвѣчала она, уже вставая.

Выраженіе лица полковника при этомъ мгновенно измѣнилось и изъ какого-то маслянаго сдѣлалось довольно строгимъ.

— О, конечно, это качество превосходное! — произнесъ онъ и не пошелъ даже Елену проводить, а кивнулъ только ей головой и остался въ гостиной.

Елена, выйдя отъ полковника со двора, чувствовала, что у ней колѣни подгибаются отъ усталости; но третій адресъ, данный ей изъ конторы, былъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ дома полковника, что Елена рѣшилась и туда зайти: оказалось, что это былъ маленькій частный пансіонъ, нуждающійся въ учительницѣ музыки. Содержательница его, сморщенная старушонка въ грязномъ чепцѣ и грязно нюхающая табакъ, приняла Елену довольно сурово и объявила ей, что она ей больше десяти рублей серебромъ въ мѣсяцъ не можетъ положить.

— Но часто ли я должна ходить давать уроки?—спросила Елена.

— Каждый день-съ, каждый день, какъ и прочія наставницы! — отвѣчала старушонка.

— Но я живу очень далеко, а потому не позволите ли вы мнѣ черезъ день приходить?.. Все равно, я двойное число часовъ буду заниматься.

Старушонка на это сердито замотала головой.

— Нѣтъ-съ! — отвѣтила она какимъ-то

злбно-насмѣшливымъ голосомъ:—миѣ устава моего заведенія не мѣнять для васъ, не мѣнять-съ!

— Хорошо, я буду, въ такомъ случаѣ, каждый день ходить! — сказала Елена, желавшая лучше что-нибудь зарабатывать, чѣмъ ничего.

Очутившись снова на улицѣ, Елена не въ состояннн была болѣе идти пѣшкомъ, а взяла извозчика, который везъ ее до дому никакъ не меньше часа: оказалось, что она живетъ отъ пансіона, по крайней мѣрѣ, верстахъ въ пяти. Прїѣхавъ домой, Елена почти упала отъ изнеможенія на свою постель, и въ ея воображеннн невольнн начала проходить вся ея жизнь и всѣ люди, съ которыми ей удавалось сталкиваться: и тотъ что-то желающнй представить изъ себя князь, и все отвергающнй Миклаковъ, и эти дураки Оглоблины, и, наконецъ тотъ колоссальный негодяй Жуквичъ, и новые еще сюжеты: милый скотина полковникъ и злючка—содержательница пансіона. О, какъ они всѣ казались ей ничтожны и противны, такъ что она не знала даже, кому изъ нихъ отдать хоть маленькое предпочтеннн; и если Миклаковъ все-таки являлся ей лучше другихъ, то по тому только, что былъ умнѣе всѣхъ прочихъ. Въ этой, какой-то полусознательной, переборкѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ Елена провела почти всю ночь и на другой день поутру она отправилась въ пансіонъ на урокъ; тамъ ей пришлось учить, въ довольно холодной залѣ, испитыхъ, мозглявыхъ и страшно, должно быть, безтолковыхъ дѣвочекъ, которыя, въ продолженнн цѣлаго часа, хлопали при ней своими костлявыми рученками по разстроеннымъ фортепианамъ. Елена, по самой природѣ

своей, была небольшая музыкантша и даже не особенно любила музыку, но въ настоящій урокъ она просто показался ей пыткой; какъ бы то ни было, однако Елена пересилила себя, просидѣла свой урокъ больше даже, чѣмъ слѣдуетъ, пришла съ него домой пѣшкомъ, и на другой поутру опять отправилась пѣшкомъ въ пансіонъ, терпѣливо высидѣла тамъ и снова возвратилась домой пѣшкомъ. Въ такого рода занятіяхъ прошла вся недѣля. Единственнымъ развлеченіемъ для Елены было проводить время съ своимъ Колей: каждый вечеръ она обыкновенно усаживалась съ нимъ на диванъ передъ маленькимъ столикомъ и раскрывала какую-нибудь книжку. Главнымъ образомъ Коля доставлялъ ей величайшее наслажденіе тѣмъ, что уже зналъ букву о. «Ну, Коля, покажи, гдѣ о!» говорила она ему, и ребенокъ безъ ошибки показывалъ. Изъ этого Елена заключила, что современемъ онъ будетъ очень уменъ.

При всей завидности такого положенія, Елена далеко не оставляла своихъ политическихъ и социальныхъ мечтаній и твердо была увѣрена, что она переживаетъ переходное только время, и что рано или поздно, но выйдетъ на приличное ей поприще. Впереди угрожающей бѣдности Елена тоже не очень опасалась и ободряла себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что она живетъ не въ совершенно же дикомъ государствѣ, живетъ, наконецъ, въ столицѣ, въ центрѣ образованія, а между тѣмъ она многое знаетъ и на разныхъ поприщахъ можетъ трудиться. Одно, что смущало Елену—это возможность болѣзни, которая, дѣйствительно, недолгъ и посѣтила ее. Послѣ двухнедѣльной ходьбы въ пансіонъ за такую даль Елена почти

съ ужасомъ увидала, что ея вѣткія ботинки протерлись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Она зашла было купить себѣ новыя, но, увы, за нихъ просилъ пять рублей, а у Елены всего только пять рублей оставалось въ кошелькѣ, а потому она эту покупку отложила въ сторону и рѣшилась походить еще въ старыхъ ботинкахъ. На другой день, какъ нарочно, пошелъ сырой, холодный дождь; Елена все-таки пошла въ пансіонъ въ своихъ дырявыхъ ботинкахъ. Пока она шла, то ничего не чувствовала; но когда услалась въ холодной залѣ давать уроки, то замѣтила, что чѣмъ долѣе она тамъ оставалась, тѣмъ болѣе ноги ея холодѣли, а голова горѣла. Елена надѣялась обратною ходьбой согрѣть себя; но, выйдя, увидѣла, что рѣшительно не можетъ идти, потому что въ худыхъ мѣстахъ ботинокъ до того намяла себѣ кожу, что ступить ни одной ногой не могла, и принуждена была взять извозчика, ѣдучи на которомъ, еще больше прозябла; когда, наконецъ, она вошла къ себѣ въ комнату, то у нея зубъ съ зубомъ не сходился. Елена легла въ постель, напилась теплаго чаю—ничего не помогало: ознобъ продолжался и къ вечеру сдѣлался жаръ. Елена вообразила, что у нея горячка и что она непременно умретъ. Собственно сама для себя Елена не желала больше жить; но вообразивъ, что безъ нея Коля, пожалуй, умретъ съ голоду, она рѣшилась употребить все, чтобы подняться на ноги, и для этого послала къ частному врачу, чтобъ онъ пріѣхалъ къ ней; частный врачъ, хоть и былъ дома, сказался, что его нѣтъ. Елена послала пожаловаться на него частному приставу, который очень наивно велѣлъ ей сказать, что частные доктора ни къ кому

изъ бѣдныхъ не ходять, такъ какъ тѣ имъ не платятъ. Елена при этомъ всплеснула только руками: «Ну, можно ли жить и существовать въ подобномъ государствѣ?»—воскликнула она и затѣмъ впала почти въ совершенное безпамятство. На другой день, впрочемъ, къ ней пришелъ одинъ вольно-практикующій молодой врачъ, жившій въ однихъ нумерахъ съ нею.

Врачъ объявилъ Еленѣ, что у нея сильная простудная лихорадка: «Но не умру ли я, не опасна ли моя болѣзнь?»—спросила она его. — «Нѣтъ-съ, не опасна нисколько!»—отвѣчалъ ей тотъ и, прописавъ лекарство, ушелъ. Елена поуспокоилась немного и рѣшилась какъ можно старательнѣе лечиться; но для этого у нея не было денегъ. Елена послала продать свое черное шелковое платье, единственную цѣнную вещь, которою она еще владела: за это платье ей дали 25 рублей, а болѣзнь между тѣмъ длилась. Прошло такимъ образомъ недѣли съ двѣ; у Елены вышли всѣ деньги. Она послала было къ содержательницѣ пансіона письмо, въ которомъ просила ту прислать ей жалованье за прослуженные полмѣсяца, обѣщаясь сейчасъ, какъ только выздоровѣетъ, явиться снова къ своимъ занятіямъ; на это письмо содержательница пансіона увѣдомила ее, что на мѣсто Елены уже есть другая учительница, гораздо лучше ея знающая музыку, и что жалованье она тоже не можетъ послать ей, потому что Елена недослужила мѣсяца. Что оставалось послѣ этого дѣлать Еленѣ? Ей не на шутку представилась мысль, что она въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ можегъ умереть съ голоду, тѣмъ болѣе, что хозяйнѣ гостиницы нѣсколько разъ

уже присылалъ къ ней, чтобъ она порасплатилась хоть сколько-нибудь за столъ и за номеръ.

Къ вечеру, въ день полученія письма отъ содержательницы пансіона, Елена начала чувствовать, что въ комнатѣ становится черезчуръ свѣжо: время это было глубокая осень. Елена спросила няньку, отчего такъ холодно. Та отвѣчала ей, что у нихъ не топена печь и что хозяинъ совсѣмъ ее не велѣлъ никогда топить, потому что ему не платятъ денегъ. Ночью въ комнатѣ сдѣлалось еще холоднѣе, такъ что Коля, на другой день поутру, проснулся весь простуженный, съ кашлемъ и въ жару. У Елены не было даже на что послать за какимъ-нибудь лекарствомъ для него, не было чаю, чтобы напоить его. Мальчикъ метался и плакалъ. Этого Елена уже больше не выдержала: думала было она первоначально достать гдѣ-нибудь жаровню съ угольями, поставить ее въ свою комнату и задохнуться вмѣстѣ съ ребенкомъ, но за что же она и по какому праву прекратить его молодую жизнь?—и Елена съ ужасомъ поспѣшила выкинуть изъ головы это страшное рѣшеніе; думала потомъ написать къ князю и попросить у него денегъ для ребенка, — князь, конечно, пришлетъ ей,—но это прямо значило унизиться передъ нимъ и, что еще хуже того, унизиться передъ его супругой, отъ которой онъ, вѣроятно, не скроетъ этого, и та, по своей пошлой добротѣ, разумѣется, будетъ еще совѣтовать ему помочь несчастной, а Елена скорѣе готова была умереть, чѣмъ вынести подобное самоуничиженіе. «Э, подумала она, что будетъ, то будетъ! лучше продать себя, чѣмъ просить милостыню!» Принявъ какое-то новое рѣшеніе, Елена

подошла къ своему столику и вынула изъ него листъ почтовой бумаги. Лицо ея при этомъ не было ни печально, ни особенно встревожено, а только, какъ случалось это во всѣхъ трудныхъ случаяхъ ея жизни, дышало рѣшительностью и смѣлостью. Елена сѣла и начала писать довольно твердымъ почеркомъ:

«Николай Гаврилычъ! Вы нѣкогда дѣлали мнѣ предложеніе и желали на мнѣ жениться. Въ настоящее время я нуждой доведена до послѣдней степени нищеты; если вы хотите, то можете на мнѣ жениться, но рѣшайтесь сейчасъ же, и сейчасъ же пріѣзжайте ко мнѣ, и не дайте умереть съ голоду моему ребенку!» Надписавъ на конвертѣ письма: «Николаю Гаврилычу Оглоблину», Елена отправила его съ няней, приказавъ ей непременно дожидаться отвѣта. На успѣхъ этого письма Елена, вѣжеться, не совсѣмъ надѣялась, потому что лицо ея послѣ рѣшительнаго и смѣлаго выраженія приняло какое-то отчаянное: она замѣтно прислушивалась къ малѣйшему шуму въ коридорѣ; наконецъ, раздались довольно сильные шаги, двери къ ней въ номеръ распахнулись и влетѣлъ торжествующій и блистающій радостью Николая.

— Ахъ, я очень радъ!.. благодарю васъ... я ужасно радъ!..—говорилъ онъ, цѣлуя руку Елены.— Какъ же вамъ не совѣстно давно мнѣ не прислать, что вы нуждаетесь!—говорилъ онъ.

Хлопоча, чтобъ Елену выгнали, Николая вовсе не ожидалъ, что она впадетъ чрезъ то въ бѣдность, и воображалъ, что Елена превесело будетъ поживать съ Жуквичемъ.

— А гдѣ Жуквичъ-то?—присовокупилъ онъ.

— Онъ давно уѣхалъ, — отвѣчала Елена.

Николя при этомъ выпучилъ глаза.

— Такъ, стало быть, это неправда, что говорили тогда про васъ? — сказалъ Николя.

— Конечно неправда! — воскликнула Елена.

— Ну, и отлично это!... отлично!... — говорилъ Николя, потирая съ удовольствіемъ руки.

— Но вашъ отецъ не позволитъ вамъ жениться на мнѣ! — возразила Елена.

— А, пожалуй, не позволяй; очень мнѣ нужно! — говорилъ совершенно смѣлымъ тономъ Николя.

— Но чѣмъ мы въ такомъ случаѣ будемъ жить съ вами? — спросила Елена.

Николя при этомъ разсмѣялся ей въ лицо.

— Какъ чѣмъ жить? У меня своихъ двадцать тысячъ годоваго дохода, а я еще скопилъ изъ нихъ, — очень мнѣ нужно отцовское состояніе.

— Но правда ли это, monsieur Николя? — произнесла Елена недовѣрчивымъ голосомъ.

На лицѣ Николя при этомъ отразилось въ свою очередь недоумѣніе.

— Вотъ видите что, объяснила ему Елена, — я вамъ буду говорить откровенно, что я васъ не люблю и иду за васъ изъ-за состоянія.

— Понимаю это я... Будто я не понимаю этого! — подхватилъ Николя.

— Кромѣ того, продолжала Елена, — я столько разъ въ жизни была обманываема людьми, что теперь рѣшительно никому не вѣрю, а потому вы какъ-нибудь фактически должны доказать мнѣ, что у васъ есть состояніе.

— Да какъ же я вамъ докажу?—спросилъ Николая, тяжело поворачивая свой толстый языкъ.

— Какъ знаете!...—сказала ему Елена.

Николя послѣ этого нѣсколько времени глядѣлъ на нее, выпуча глаза, и думалъ.

— Развѣ вотъ что сдѣлать! произнесъ онъ: — погодите, я сейчасъ вамъ всѣ бумаги мои привезу!.. проговорилъ онъ радостно и затѣмъ, схвативъ шапку, выбѣжалъ изъ номера; но черезъ какіе-нибудь полчаса снова вернулся и дѣйствительно привезъ показать Еленѣ, во-первыхъ, купчую крѣпость и планы на два огромные каменные дома, собственно ему принадлежащія, и потомъ духовное завѣщаніе отъ родной бабки на очень большое имѣніе.

— Ну вотъ вамъ, успокойтесь! — говорилъ онъ.

Елена пересмотрѣла эти бумаги очень внимательно.

— Все это отлично!... — проговорила она, — но вы теперь мнѣ дайте хоть сколько-нибудь денегъ, потому что ни ребенокъ, ни я другой день ничего не ѣли.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ съ чувствомъ Николая, — возьмите, пожалуйста! продолжалъ онъ, торопливо подавая Еленѣ двѣсти рублей серебромъ.

Та сейчасъ послала за чаемъ и за докторомъ для ребенка.

— Только вы завтра на мнѣ, Николая, и жени-тесь!—говорила ему Елена.

— Завтра, непременно завтра! — отвѣчалъ Николая.

Елена до такой степени спѣшила выйти замужъ, съ одной стороны, <http://rain.org.pl> кажется, изъ опасенія, чтобы

Николя кто-нибудь не отговорилъ, а съ другой — тоже чтобъ и самой не передумать.

XII.

Услыхавъ о женитьбѣ сына на Жяглинской, старикъ Оглоблинъ въ первыя минуты, когда ему сказали о томъ, совсѣмъ потерялся и потомъ, конечно, позвалъ къ себѣ на совѣщаніе своего Феодосія Иваныча.

— Слышали... что тутъ... надѣлалось?—спросилъ онъ его своимъ отрывистымъ языкомъ.

— Что такое-съ?—отозвался Феодосій Иванычъ, какъ-бы и не догадываясь, о чемъ его спрашиваютъ.

— Николай!... женился.... на этой бывшей нашей настюшкѣ!... И я желаю... бракъ этотъ расторгнуть!...—продолжалъ старикъ Оглоблинъ.

Феодосій Иванычъ на это уже молчалъ: онъ, кажется, все еще продолжалъ немножко сердиться на своего начальника.

— Какъ вы думаете, разведутъ ихъ?—приставалъ къ нему Оглоблинъ.

— Какъ мнѣ думать тутъ?... Все это отъ владыки зависитъ! воскликнулъ насмѣшливо Феодосій Иванычъ, въ удивленіи, что начальникъ его подобныхъ вещей даже не знаетъ.

— Отъ владыки, вы думаете, зависитъ это?—переспросилъ тотъ его еще разъ.

— Все отъ владыки!—повторилъ Феодосій Иванычъ тѣмъ же насмѣшливо-грустнымъ тономъ.

Получивъ такое разъясненіе отъ подчиненнаго, старикъ Оглоблинъ въ то же утро, надѣвъ все свои кресты и ленты, отправился къ владыкѣ. Тотъ принялъ его весьма благосклонно и предложилъ ему чаю. Оглоблинъ, путаясь и заикаясь на каждомъ почти словѣ, тѣмъ не менѣе, однако, съ большимъ чувствомъ разсказалъ о постигшемъ его горѣ и затѣмъ изложилъ просьбу о разводѣ сына. Владыка выслушалъ его весьма внимательно; но отвѣтъ далъ далеко не благопріятный.

— Въ законѣ указаны случаи, вызывающіе разводъ; но въ бракъ вашего сына я не вижу ни одного изъ нихъ! — произнесъ онъ своимъ безстрастнымъ голосомъ.

Старикъ Оглоблинъ, разумѣется, возражать ему не осмѣлился и ограничился только тѣмъ, что ухаль отъ владыки крайне имъ недовольный и еще болѣе опечаленный совершившимся въ его семьѣ событіемъ.

Въ слѣдующую затѣмъ недѣлю, все именитые друзья и сослуживцы старика Оглоблина спѣшили навѣстить его для выраженія ему своего участія и соболѣзнованія; на все утѣшенія ихъ онъ только молча склонялъ голову и разводилъ руками. Никола, между тѣмъ, каждый день ѣздилъ къ отцу, чтобъ испросить у него прощеніе, но старикъ его не принималъ. Тогда Никола рѣшился обратиться къ Θεодосію Иванычу и для этого забѣжалъ къ нему нарочно въ канцелярію.

— Послушайте: подите выхлопочите, чтобъ отецъ меня простилъ! сказалъ онъ ему.

На первыхъ порахъ Θεодосій Иванычъ взглянулъ было только какъ-то нерѣшительно на Никола.

— А если не выхлопочете, такъ право отдюю, ей-богу!—присовокупишь тотъ по обыкновенной своей методѣ, и Θεодосій Иванычъ въ самомъ дѣлѣ, должно быть, побанвался подобныхъ угрозъ, потому что на другой же день, при докладѣ бумагъ своему начальнику, онъ сказалъ ему:

— Что вы Николая-то Гаврилыча не прощаете!... одинъ сынъ всего, и съ тѣмъ вы въ ссорѣ!

— А зачѣмъ онъ на такой негодяйкѣ женился?— перебилъ его рѣзко Оглоблинъ.

— Что-жь на негодяйкѣ?... Вамъ, что ли, съ ней жить, али ему? — возразилъ въ свою очередь тоже рѣзко Θεодосій Иванычъ.— Не молоденькіе,—пожалуй, умрете и не повидаетесь съ сыномъ-то! — прибавилъ онъ затѣмъ какимъ-то мрачнымъ голосомъ и этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ окончательно поразилъ своего начальника, такъ что у того слезы выступили на глазахъ.

— Ну, велите, чтобы Николай пріѣхалъ! — произнесъ онъ, почти всхлипывая.

Θеодосій Иванычъ сейчасъ послалъ казеннаго курьера сказать о томъ Николя; тотъ немедля пріѣхалъ къ отцу, сталъ передъ нимъ на колѣни и началъ было у него испрашивать прощенія себѣ и женѣ. Его собственно старикъ тутъ же простилъ и далъ ему поцѣловать свою руку, но о женѣ и говорить не позволилъ. Тогда Николя, опять забѣжавъ въ канцелярію къ Θεодосію Иванычу, попросилъ его повліять на начальника своего. И Θεодосій Иванычъ, вѣроятно, повліялъ ему извѣстнымъ способомъ, потому что когда на другой день Николя пріѣхалъ къ отцу и, ставъ на колѣни, началъ его снова просить

за жену, то старикъ хотъ и съ презрительною нѣскольکو миной, но сказалъ ему: «Ну, пусть себѣ прїѣзжаетъ!» И Елена прїѣхала. Она это сдѣлала единственно затѣмъ, чтобы не поддерживать распри между отцомъ и сыномъ. Старикъ Оглоблинъ, какъ только увидалъ ее, такъ невольно почувствовалъ неотразимое вліяніе красоты ея и, по своей прежней кавалергардской привычкѣ, свернулъ свою правую руку кренделемъ и предложилъ ее Еленѣ. Та вложила въ этотъ крендель свою руку, и такимъ образомъ они вошли въ гостиную, гдѣ старикъ усадилъ свою невѣстку на самое почетное мѣсто и былъ къ ней очень внимателенъ и любезенъ. Когда, наконецъ, молодые кончили свой визитъ и пошли, то Никола на минуту прїостановился съ своимъ отцомъ въ гостиной.

— Что, папа, вакова?... Вѣдь красавица! — проговорилъ онъ не громко и показывая глазами на уходящую Елену.

— Почти!... почти красавица! — произнесъ старикъ съ видомъ знатока. — Желта только какъ-то она сегодня! — прибавилъ онъ.

— Это ничего, пройдетъ! — подхватилъ Никола, весь горя радостью.

Елена не то что была желта — она была почти зеленая: только силой воли своей она скрывала тѣ адскія мученія, которыя переживала внутри себя!

О бракѣ Никола съ Еленой у Григоровыхъ узнали очень нескоро; единственный человѣкъ, который могъ бы принести эту новость, Елпидифоръ Мартынычъ, не былъ у нихъ недѣли уже двѣ, потому что прихворнулъ разлитіемъ желчи. Болѣзнь эта съ нимъ

приключилась отъ безпрестанно переживаемаго страха, чтобы какъ-нибудь не узнали о припрятанныхъ имъ себѣ въ карманъ деньгахъ Елизаветы Петровны: Елпидифоръ Мартынычъ во всю свою многолѣтнюю и не лишнюю разнообразныхъ случаевъ жизнь въ первый еще разъ такъ прямо и начисто цапнулъ чужія деньги. Но послѣднее время общество Григоровыхъ увеличилось появленіемъ барона Мингера, прибывшаго, наконецъ, въ Москву и, по слухамъ, даже получающаго въ оной какое-то важное служебное назначеніе. Когда баронъ пріѣхалъ въ первый разъ къ князю, тотъ принялъ его довольно сухо; но баронъ, однако, отнесся къ нему такъ симпатично, съ такимъ дружескимъ участіемъ, съ такими добрыми и ласкающими манерами, что князь невольно смягчился, и когда баронъ уѣхалъ, онъ переговорилъ по этому поводу съ женою.

— Какой нынче баронъ сдѣлался нѣжный! — сказалъ онъ ей, немножко въ шутку.

— Ужасно! Его узнать нельзя! — подхватила княгиня съ какимъ-то даже увлеченіемъ.

Жизнь съ Анной Юрьевной и ухаживанье за нею, больною, дѣйствительно, еще больше выдрессировали барона и сдѣлали его до утонченности терпѣливымъ и искательнымъ человѣкомъ. Къ Григоровымъ онъ началъ ѣздить каждый вечеръ, и вечера эти обыкновенно проводились такимъ образомъ: часу въ седьмомъ княгиня посылала къ мужу спросить, что можно ли къ нему придти сидѣть въ кабинетъ. Князь, хоть и съ невеселымъ видомъ, но отвѣчалъ, что можно. Княгиня приходила съ работой, а госпожа Петичка съ книгой, въ ожиданіи, что ее заставятъ чи-

тать. Князь при этомъ былъ постоянно съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ и съ какими-то беспокойно переходящими съ предмета на предметъ глазами. Дамы усаживались поближе къ лампѣ; вскорѣ затѣмъ пріѣзжалъ баронъ, подавали чай, и начинался о томъ, о семъ негромкій разговоръ, въ которомъ князь рѣдко принималъ какое-нибудь участіе.

Въ одинъ изъ вечеровъ, баронъ пріѣхалъ съ нѣсколько болѣе обыкновеннаго оживленнымъ лицомъ.

— Какую я сейчасъ новость слышалъ, обѣдая въ англійскомъ клубѣ!... — началъ онъ, усѣвшись на кресло.

— Какую же такую новость?—спросила его княгиня, вовсе не ожидая, чтобы это была какая-нибудь серьезная новость.

Баронъ медлилъ нѣкоторое время отвѣтомъ, какъ-бы опасаясь нѣсколько рассказывать то, что онъ слышалъ.

— Да говорятъ...—началъ онъ, что этотъ Николай, кажется, Гаврилычъ Оглоблинъ, сей весьма глупый господинъ, женился на госпожѣ Жиглинской.

— Не можетъ быть!—воскликнули обѣ дамы въ одинъ голосъ.

Князь, съ своей стороны, перевелъ на барона свой безпвойный взглядъ.

— Говорятъ-съ!—отвѣчалъ баронъ, пожимая плечами.— Въ клубѣ одинъ старичекъ весьма почтенной наружности во всеуслышаніе и съ достовѣрностью рассказывалъ, что онъ самъ былъ на обѣдѣ у отца Оглоблина, который тотъ давалъ для молодыхъ, и при этомъ онъ пояснилъ даже, что сначала отецъ былъ очень сердитъ, но что потомъ простилъ его...

— Странно что-то это! — произнесла Петлицкая, вспыхнувшая даже вся въ лицѣ и видимо страшно опѣшенная этимъ извѣстіемъ.

— То, что Орлоблинъ женился на госпожѣ Жиглинской—это не удивительно: мужчины увлекаются въ этомъ случаѣ часто,—продолжалъ разсуждать баронъ: — но какимъ образомъ госпожа Жиглинская, дѣвушка, какъ всѣмъ это извѣстно, весьма умная, очень образованная, рѣшилась связать свою судьбу на вѣки съ подобнымъ человѣкомъ?...

— Но правда ли это, нѣтъ ли тутъ какой-нибудь ошибки, не другая ли такая-нибудь это Жиглинская?—спросила княгиня, дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ знакъ барону, чтобъ онъ прекратилъ этотъ разговоръ: она очень хорошо замѣтила, что взглядъ князя дѣлался все болѣе и болѣе какимъ-то мутнымъ и устрешеннымъ; чуткое чувство женщины говорило ей, что мужъ до сихъ поръ еще любилъ Елену и что ему тяжело было выслушать подобное извѣстіе.

Баронъ, съ своей стороны, понялъ княгиню и поспѣшилъ успокоить нѣсколько князя.

— Очень можетъ быть, что это и ошибка!... мало ли такихъ qui pro quo бываетъ!—сказалъ онъ.

Князь при этомъ перевелъ свой взглядъ съ барона на жену.

Но какъ-бы ради того, чтобъ окончательно разсвѣять всякое сомнѣніе въ этомъ слухѣ, вдругъ неожиданно-негаданно прибылъ Елпидифоръ Мартынычъ, въ первый еще разъ выѣхавшій изъ дому и поставившій непремѣннымъ долгомъ для себя прежде всѣхъ явиться къ Григоровымъ, какъ ближайшимъ друзьямъ своимъ.

При видѣ доктора, князь на него уже вскинулъ свой взглядъ.

— А правда ли, что Жиглинская вышла замужъ за Оглоблина?—спросилъ онъ его, не давъ еще Елпидифору Мартынычу ни съ кѣмъ путемъ раскланяться и замѣтно считая Иллѣонскаго за самаго всезнающаго и достовѣрнаго вѣстника.

Елпидифоръ Мартынычъ смѣшался даже на первыхъ порахъ отъ такого вопроса.

— К-ха! — откашлянулся онъ прежде всего протяжно:—правда, если вы это изволите знать!—присовокупилъ онъ, пожимая плечами.

— Меня больше всего то удивляетъ, — отнесся баронъ почти шепотомъ къ Елпидифору Мартынычу,—что могло госпожу Жиглинскую побудить на подобный бракъ!

— Бѣдность, больше ничего что бѣдность,—отвѣчалъ тотъ: — а тутъ еще къ этому случилось, что сама и ребеновъ заболѣли. Ко мнѣ она почему-то не соблаговолила прислать, и ее ужъ одинъ молодой врачъ, мой знакомый, навѣщалъ; онъ сказывалъ мнѣ, что ей не на что было не то что себѣ и ребенку лекарства купить, но даже булки къ чаю, чтобы поѣсть чего-нибудь.

Княгиня опять, какъ и барону, сдѣлала Елпидифору Мартынычу знакъ, чтобъ онъ пересталъ объ этомъ говорить, и тотъ замолчалъ было; но князь, въ продолженіе всего разказа Елпидифора Мартыныча то краснѣвшій, то блѣднѣвшій въ лицѣ, самъ съ нимъ возобновилъ этотъ разговоръ.

— Но гдѣ же Жуквичъ, почему онъ не помогъ ей?—спросилъ онъ, и голосъ у него при этомъ какъ-

бы выходилъ не изъ гортани, а откуда-то изъ глубины груди.

— Да, ищи его!... Онъ давно съ собаками удралъ!... Кто говоритъ, что обобралъ даже ее совсѣмъ, а кто сказываетъ, что и совсѣмъ между ними ничего не было!—отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Князь началъ послѣ того себѣ гладить грудь, какъ-бы желая тѣмъ утишить начавшуюся тамъ боль; но это не помогало: въ сердцѣ къ нему точно огненными когтями вцѣпилась мысль, что были минуты, когда Елена и сынъ его умирали съ голоду, а онъ и думать о томъ не хотѣлъ; что, наконецъ, его Елена, его прелестная Елена, принуждена была продать себя этому полуживотному Оглоблину. Далѣе затѣмъ у князя все уже спутывалось въ головѣ. Княгиня, между тѣмъ, продолжала наблюдать за нимъ и, видя, что тревога на лицѣ у него все болѣе и болѣе усиливалась, спросила его:

— Ты, кажется, усталъ, — не хочешь ли отдохнуть?

— Д-да!...—произнесъ князь почти умоляющимъ голосомъ.

— Пойдемте, господа, ко мнѣ!—сказала княгиня гостямъ своимъ.

Тѣ послѣдовали за нею.

— Вы напрасно князю рассказывали всю эту исторію!...—слегка укорила она обоихъ ихъ.

— Но я никакъ не ожидалъ, что это такое сильное впечатлѣніе произведетъ на него!—подхватилъ баронъ.

— А меня, вѣдь, онъ, к-ха! самъ спрашивать на-

чалъ, — какъ тутъ было не отвѣчать! — объяснялъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Далѣе залы княгиня не повела гостей своихъ и просила ихъ усѣсться тутъ же, а сама начала прислушиваться, что дѣлается въ кабинетѣ. Вдругъ князь громко крикнулъ лакея. Тотъ на этотъ зовъ проворно пробѣжалъ къ нему черезъ залу. Князь что-то такое приказалъ ему. Лакей затѣмъ вышелъ изъ кабинета.

— Что такое тебѣ князь приказалъ? — спросила его стремительно княгиня.

— Управляющаго приказали позвать-съ къ себѣ! — отвѣчалъ лакей, быстро проходя.

— Зачѣмъ бы это? — обратилась княгиня къ барону, какъ-бы спрашивая его.

Тотъ молча на это пожалъ плечами.

— Вѣроятно, заняться чѣмъ-нибудь хочетъ и развлечь себя, вмѣшался въ ихъ разговоръ Елпидифоръ Мартынычъ.

Въ это время управляющій прошелъ въ кабинетъ, и княгиня еще внимательнѣй стала прислушиваться, что тамъ будетъ происходить. При этомъ она очень хорошо разслышала, что князь почти строго приказалъ управляющему какъ можно скорѣе заложить одно изъ самыхъ большихъ имѣній.

— Слушаю-съ! — отвѣчалъ ему тотъ фистулой и вышелъ изъ кабинета.

— Имѣнье за чѣмъ-то велѣлъ заложить, — обратилась снова къ барону княгиня.

— Имѣнье? — переспросилъ онъ.

— Да! — отвѣчала княгиня.

— Для чего бы это? — продолжалъ баронъ.

— Можетъ быть, за-границу думаетъ совсѣмъ уѣхать! — пояснила княгиня.

— Что-же, и вы поѣдете?—спросилъ баронъ; въ голосъ его при этомъ послышалась какъ-бы какая-то грусть.

— О, непременно!—подхватила та.

— Князю безотлагательно слѣдовало бы ѣхать за-границу и укрѣпить свои нервы купаньями, а то онъ, пожалуй, тутъ съ ума можетъ сойти! — опять вмѣшался въ ихъ разговоръ Елпидифоръ Мартынычъ.

Во всей этой бесѣдѣ госпожа Петицкая, какъ мы видимъ, не принимала никакого участія и сидѣла даже вдали отъ прочихъ, погруженная въ свои собственные невеселыя мысли: возвращаясь въ Москву, она врядъ-ли не питала весьма сильной надежды встрѣтить Николая Оглоблина, снова завлечь и женить на себѣ; но теперь, значить, надежды ея совершенно рушлись, а между тѣмъ продолжать жить приживалкою, какъ ни добра была къ ней княгиня, у госпожи Петицкой не доставало никакого терпѣнія, во-первыхъ, потому, что госпожа Петицкая жаждала еще любви, но устроить для себя что-нибудь въ этомъ родѣ, живя съ княгинею въ одномъ домѣ, она видѣла, что нѣтъ никакой возможности, въ силу того, что княгиня оказалась до такой степени въ этомъ отношеніи пуристкою, что при ней неловко даже было просто пококетничать съ женщиной. Кромѣ того, госпожа Петицкая была очень капризна по характеру и страшно самолюбива, а между тѣмъ, по своему зависящему положенію, она должна была на каждомъ шагѣ въ себѣ это сдер-

живать и душить. Словомъ, благодаря настоящей своей жизни, она съ каждымъ днемъ худѣла, старѣлась и, къ ужасу своему, начала ожидать, что скоро, пожалуй, совсѣмъ перестанетъ нравиться мужчинамъ.

Управляющій на другой же день принесъ князю занятыя подъ имѣнье деньги, болѣе ста тысячъ. Князь, внимательно и старательно пересчитавъ ихъ, заперъ въ свой желѣзный шкафъ и потомъ, велѣвъ подать себѣ карету, поѣхалъ къ нотаріусу. Нотаріусъ этотъ былъ еще старый знакомый его отца. Увидавъ князя, онъ произнесъ радостное восклицаніе.

— Ваше сіятельство, какими судьбами? Господи, что съ вами, — какъ вы похудѣли и постарѣли! — присвокупилъ онъ.

— Боленъ нынѣшнимъ лѣтомъ былъ, — отвѣчалъ князь. — Есть у васъ особенная комната, гдѣ бы переговорить?

— Есть, имѣю! — отвѣчалъ нотаріусъ, вводя князя въ свой кабинетъ. — Молодымъ людямъ стыдно бы хворать!... вотъ намъ старикамъ—другое дѣло!

— Старые люди крѣче нынѣшнихъ, — говорилъ князь садясь. — Я вотъ по случаю слабаго моего здоровья, — началъ онъ нѣсколько прерывающимся голосомъ, — желалъ бы написать духовную...

— Это дѣло хорошее; это при всякомъ здоровьѣ не мѣшаетъ дѣлать! — одобрилъ его нотаріусъ.

— Завѣщать я желаю, — продолжалъ князь, тряся ногою, — все мое недвижимое имущество въ пожизненное владѣніе женѣ моей — можно это?...

— Можно съ!... Нынче безъ испрошенія высочайшей воли это можно.

— Потомъ, весь капиталъ мой, въ четыреста тысячъ, я желаю оставить моему побочному сыну — сыну дѣвицы Жиглинской, а теперь по мужу Оглобиной... можно это?

— И это можно; деньги — благопріобрѣтенное ваше.

— Только, пожалуйста, чтобы строго-юридически все это было и чтобы наслѣдники никакъ не могли оттягать какъ-нибудь отъ ребенка и у жены моей завѣщаннаго.

— Крѣпко напишемъ-съ, вѣрно будетъ; ничего не оттягаютъ.

— И чтобы какъ можно поскорѣе это сдѣлать.

— Да сегодня же къ вамъ вечеромъ и привеземъ все.

— Пожалуйста! — повторилъ князь.

Провожая его, нотаріусъ еще разъ повторилъ ему свое сожалѣніе, что онъ такъ постарѣлъ и похудѣлъ.

Возвратясь домой, князь, кажется, только и занять былъ тѣмъ, что ожидалъ духовную, и когда часамъ къ семи вечера она не была еще ему привезена, онъ послалъ за нею нарочнаго къ нотаріусу; тотъ, наконецъ, привезъ ему духовную. Князь подписалъ ее и тоже бережно заперъ въ свой желѣзный шкафъ. Остальной вечеръ онъ провелъ одинъ.

На другой день поутру, князь велѣлъ опять заложить себѣ карету и, взявъ все сто тысячъ съ собой, поѣхалъ въ банкъ, гдѣ положилъ деньги на свое имя. Выходя изъ банка, князь вдругъ встрѣтился съ Николаемъ Оглоблинымъ.

— Здравствуйте!—заговорилъ тотъ радостнымъ и въ то же время оторопѣлымъ голосомъ.

— Здравствуйте!—отвѣчалъ ему князь мрачно и хотѣлъ было уйти.

— А я на вашей знакомой Еленѣ Николаевнѣ женился,—не утерпѣлъ и бухнулъ Николая.

— Слышалъ это я!... Поздравляю васъ! — говорилъ князь.

— Вотъ прислала сюда пятьдесятъ тысячъ на свое имя положить; безъ того за меня не шла. «Нѣтъ, говорить, меня другіе обманули, теперь я стала практична!» — мололь Николая.

Князь ничего ему на это не отвѣтилъ и даже поспѣшилъ раздвинуть силою ступившуюся у выхода толпу, чтобы только уйти отъ Николая.

Изъ банка князь заѣхалъ въ театръ и взялъ билетъ на ложу, который, возвратись домой, отнесъ къ княгинѣ.

— Поѣзжайте сегодня съ Петицкой въ театръ,—отличная пѣса идетъ.

— А ты поѣдешь?

— То есть, я приѣду... Мнѣ часовъ до восьми нужно дома быть.

— Хорошо, если ты приѣдешь, — отвѣчала княгиня, полагавшая, что князь этими дѣлами своими и поѣздкой въ театръ хочетъ развлечь себя.

Съ наступленіемъ вечера, князь, по крайней-

мѣрѣ, разъ пять посылалъ спрашивать княгиню, что скоро ли она поѣдетъ? Та, наконецъ, собралась и зашла сама къ князю. Она застала его сидящимъ за столомъ съ наклоненной на руки головой.

— А ты скоро пріѣдешь? — спросила она его, почти испуганная его видомъ.

— Сейчасъ же, очень скоро! — отвѣчалъ князь какъ-то нервно и торопливо. — Поѣзжайте, поѣзжайте! — прибавилъ онъ.

Княгиня поѣхала.

Прошло около часу.

Во всемъ домѣ была полнѣйшая тишина; камердинеръ князя сидѣлъ въ сосѣдней съ кабинетомъ комнатѣ и дремалъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ; камердинеръ вскочилъ на ноги, вмѣстѣ съ тѣмъ въ залу вбѣжала проходившая по корридору горничная. Камердинеръ бросился въ кабинетъ къ князю.

— Что такое, батюшки! — кричала ему вслѣдъ горничная.

Въ кабинетѣ камердинеръ увидалъ, что князь лежалъ распростертымъ на канапѣ; кровь била у него фонтаномъ изо рта; въ правой и какъ-то судорожно согнутой рукѣ онъ держалъ пистолетъ.

— Доктора, скорѣе доктора! — кричалъ камердинеръ и бросился зажимать князю ротъ рукою, желая тѣмъ остановить бѣжавшую кровь. Та же горничная, что выскочила въ залу и заглянувшая въ кабинетъ, сбѣжала въ сѣни и начала кричать швейцару, колотя его плечо и въ шею: «Доктора скорѣе, князю очень дурно, и княгиню воротите изъ театра!»

Швейцаръ едва понялъ ее и послалъ одного лакея за Елпидифоромъ Мартынычемъ, а самъ поѣхалъ

за княгиней. Елпидифоръ Мартынычъ и княгиня въ одно время подѣхали къ крыльцу дома.

— Князю дурно? — говорила княгиня, проворно взбѣгая по ступенькамъ лѣстницы.

— И за мною тоже прислали! — говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, не успѣвая идти за быстрыми шагами княгини, такъ что та первая вошла въ кабинетъ къ князю.

— Ай! — раздался вслѣдъ затѣмъ ея пронижительный крикъ, и когда Елпидифоръ Мартынычъ достигъ кабинета, то увидалъ тамъ княгиню безъ чувствъ уже распростертую у трупѣ мужа.

— Господи помилуй! — произнесъ онъ. — Дѣвушки, люди, отнесите ее, несчастную!

Люди отнесли княгиню, совершенно безчувственную, въ ея спальню.

Елпидифоръ Мартынычъ осмотрѣлъ послѣ того трупъ князя, у котораго пуля навывлетъ пробила затылочную кость.

— Гм! — грустно усмѣхнулся Елпидифоръ Мартынычъ, — какъ угостилъ себя! — Мнѣ, однако, тутъ одному дѣлать нечего, — съѣздите хоть за барономъ! — присовокунилъ онъ камердинеру, все время стоявшему у ногъ барина и горько плакавшему. Тотъ поѣхалъ. Елпидифоръ Мартынычъ пошелъ къ княгинѣ и началъ ее спиртомъ и холодной водой приводить въ чувство.

Она наконецъ опомнилась.

— Гдѣ онъ? гдѣ онъ? — заговорила она почти помѣшаннымъ голосомъ и съ какимъ-то безумнымъ жестомъ откидывая рукою волоса назадъ за ухо.

— Да ничего, матушка, ничего! говорилъ Елпи-

дифоръ Мартынычъ, очень хорошо понимая, что княгиня немножко притворяется.

— Ахъ, его убили, убили!... — Ихъ всѣхъ арестовать надо!... — Это убила его Жиглинская!... — Пусть ее въ острогъ посадятъ! — сумашествовала княгиня.

— Разумѣется, посадятъ! — не спорилъ съ ней Елндифоръ Мартынычъ. — А вотъ погодите, я вамъ амигдалину пропишу; погодите, матушка! — присовокупилъ онъ и сѣлъ писать рецептъ; но у него до того при этомъ дрожала рука, что онъ едва въ состоянii былъ начертать буквы.

Между тѣмъ камердинеръ привезъ барона и привелъ его прямо въ кабинетъ.

— Боже мой, Боже мой! — воскликнулъ тотъ, взглянувъ на трупъ князя. — Но когда же это случилось? — обратился онъ къ камердинеру, который не успѣлъ ему дорогой рассказать всего происшедшаго.

— Да только-что барыня уѣхала, вдругъ я слышу — бацъ!... — вбѣгаю и вижу... — пояснилъ тотъ ему.

Баронъ покачалъ головою и сталъ осматривать комнату. Прежде всего онъ на письменномъ столѣ увидалъ записку, писанную рукою князя, которая была очень коротка: «Я самъ убилъ себя; прошу съ точностью исполнить мое завѣщанiе». Около записки баронъ увидалъ и завѣщанiе. Онъ прочелъ его и видимо смутился.

— Нельзя ли позвать ко мнѣ вашего управляющаго? — проговорилъ онъ.

Камердинеръ послалъ одного изъ лакеевъ за управляющимъ. <http://rcin.org.pl>

Баронъ, между тѣмъ, продолжалъ дѣлать осмотръ. Тутъ же на столѣ, недалеко, онъ увидѣлъ ящикъ отъ пистолетовъ съ открытою крышкой, на которой виднѣлись какія-то написанныя слова. Онъ невольно ими заинтересовался и прочелъ, а прочтя, усмѣхнулся и пожалъ плечами.

Вошелъ управляющій, весь блѣдный и тоже уже слышавшій о страшномъ случаѣ.

— Князь оставилъ завѣщаніе послѣ себя, началъ баронъ официальнымъ и нѣсколько даже строгимъ голосомъ,—а потому нужно знать, сколько у него недвижимаго имѣнія.

— Какъ это сказать вдругъ, ваше превосходительство!...—отвѣчалъ управляющій, немного уже и струсивъ.

— Ну, то есть, примѣрно, на годовой доходъ?—произнесъ баронъ еще строже.

— Тысячъ на двадцать пять годоваго дохода еще осталось.

— Можете идти! сказалъ ему баронъ.

Управляющій вышелъ изъ кабинета на цыпочкахъ.

Баронъ, въ этомъ случаѣ, кажется, интересовался узнать, сколько достанется еще княгинѣ послѣ мужа, и что не много ли очень отошло къ незаконнорожденному сыну князя.

Вскорѣ затѣмъ къ нему вошелъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Что княгиня, — вы у нея были? — спросилъ баронъ.

— Все у нея былъ.

— Къ ней, вѣроятно, нельзя войти?

— Нѣтъ, она вся расшнурована, распущена!.. Все требуетъ, чтобъ убійцъ князя арестовали!

— Какихъ убійцъ? Онъ самъ себя убилъ. Вотъ записка его о томъ, и вотъ ящикъ отъ пистолетовъ съ интересною надписью!—проговорилъ баронъ, показывая Елпидифору Мартынычу то и другое.

Елпидифоръ Мартынычъ прочелъ записку и надпись на крышкѣ ящика.

— К-ха! сумашествіе отъ любви!—проговорилъ онъ.—Цѣлый разрядъ такого рода сумашедшихъ есть; у насъ въ медицинѣ такъ они и называются: сумашедшіе отъ любви.

— Есть этакіе? — спросилъ съ любопытствомъ баронъ.

— Есть! — подтвердилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Цѣлый годъ княгиня носила по мужѣ глубокой трауръ. Она каждую недѣлю ѣздила на его могилу и служила панихиды. Главнымъ образомъ ее убивало воспоминаніе о насильственной смерти князя, въ которой княгиня считала себя отчасти виновною тѣмъ, что уѣхала изъ дому, когда видѣла, что князь былъ такой странный и разстроенный. Всѣ именитые родные князя оказали ей неподдѣльное участіе и цѣлыми вереницами посѣщали ее. Княгиня принимала ихъ, со слезами на глазахъ благодарила; но сама у нихъ бывать наотрѣзъ отказывалась, говоря,

что она никогда не жила для свѣта, а теперь и тѣмъ паче. Изъ постороннихъ у нея бывалъ только Елпидифоръ Мартынычъ, наблюдавшій за ея здоровьемъ, и баронъ, который ей необходимъ былъ тѣмъ, что устраивалъ ея дѣла по наслѣдству отъ мужа, въ чемъ княгиня, разумѣется, ничего не понимала, да и заботиться объ этомъ много не хотѣла, потому что сама думала скоро пойти вслѣдъ за княземъ.

Въ первый разъ въ общество княгиня выѣхала по довольно экстренному случаю: баронъ, получивъ то почетное назначеніе, котораго ожидалъ, не преминулъ сейчасъ же училище, основанное Анною Юрьевной, взять подъ свое попечительство. Испросивъ для него совершенно новый и гораздо болѣе строгій уставъ, онъ пріѣхалъ въ одно утро къ княгинѣ и велѣлъ къ себѣ вызвать госпожу Петецкую, которая въ этотъ годъ еще болѣе поблекла, постоянно мучимая мыслью, что и въ любимой ею Москвѣ она никакъ и ничѣмъ не можетъ улучшить свое положеніе и всю жизнь, поэтому, должна будетъ оставаться въ зависимости. Когда Петецкая вышла къ барону, то онъ просилъ ее присѣсть, видимо приготовляясь повести съ нею довольно продолжительный и серьезный разговоръ.

— Я къ вамъ, madame Петецкая, съ нѣкоторымъ предложеніемъ.

Петецкая при этомъ потупила глаза и скромно приготовилась слушать.

— Вы, можетъ быть, слышали, что у Анны Юрьевны было училище, отъ котораго она хоть и была устранена, но тѣмъ не менѣе оно содержалось на счетъ ея, а потомъ и я сталъ его поддерживать....

Пріѣхавъ сюда и присмотрѣвшись къ этому заведенію, я увидѣлъ, что тѣ плохіе порядки, которые завела тамъ Анна Юрьевна и противъ которыхъ я всегда съ нею ратовалъ, не только что не улучшились, но еще ухудшились.

— Ухудшились?—полувоскликнула Петицкая.

— Даже ухудшились! повторилъ баронъ. — Терпѣть подобныя вещи я нашелъ невозможнымъ для себя и испросилъ себѣ званіе главнаго попечителя надъ этимъ училищемъ.

— Вотъ какъ! — произнесла Петицкая, все еще не догадывавшаяся, къ чему все это ей говорилъ баронъ.

— Званіе, если хотите, довольно высоко поставленное, — продолжалъ тотъ, — считающееся, пожалуй, выше сенаторскаго...

— Однако выше сенаторскаго считающееся!... — опять полувоскликнула Петицкая.

— Почти!... По крайней мѣрѣ, на всѣхъ придворныхъ выходахъ мы стоимъ выше ихъ. Но сами согласитесь, что чѣмъ важнѣе постъ, тѣмъ всякій честный человѣкъ, поставленный на него, больше долженъ употреблять усилій, чтобы добросовѣстно исполнить свою обязанность, что я и рѣшился сдѣлать по крайнему своему разумѣнію; но я одинъ, а одному, какъ говорится, и у каши не споро: мнѣ нужны помощники, нужны подчиненные, которымъ бы я могъ довѣрять. Вы, въ этомъ случаѣ, одна изъ особъ, которую я очень хорошо знаю: я видѣлъ вашу дружбу, вашу преданность княгинѣ и убѣжденъ, что женщина, способная быть такимъ другомъ, мо-

жетъ быть хорошей и полезной руководительницей дѣтямъ...

— Эдуардъ Федорычъ, вы слишкомъ много мнѣ приписываете! — произнесла госпожа Петицкая, потупляя свои глаза.

— Не комплименты, не комплименты желаю вамъ говорить! — подхватилъ баронъ, — а позволяю себѣ прямо предложить вамъ быть главною начальницей моего заведенія; содержаніе по этой службѣ: квартира очень приличная, отопленіе, освѣщеніе, столъ, если вы пожелаете его имѣть вмѣстѣ съ дѣтьми, и наконецъ тысяча двѣсти рублей жалованья.

— О, это такъ много, что... — начала Петицкая и уже совсѣмъ, совсѣмъ потупила свои глаза. Радость ея при этомъ случаѣ была неописанная: вырваться на волю казалось ей теперь почти какимъ-то блаженствомъ.

— Вы, значитъ, согласны принять эту должность? — спросилъ баронъ.

— Совершенно! — отвѣчала Петицкая. — Меня тутъ одно смущаетъ, — прибавила она, помолчавъ немного, — какъ мнѣ оставить княгиню совершенно одну жить: она и безъ того страшно скучаетъ!...

— Но княгиня, я полагаю, не вѣкъ будетъ такъ жить, выйдетъ же когда-нибудь замужъ! — возразилъ ей баронъ.

— Ахъ, непременно бы ей надо было выйти замужъ. Какъ бы это было хорошо для нея и для того человѣка, который бы на ней женился! — произнесла Петицкая.

Баронъ послѣ этого нѣкоторое время размышлялъ самъ съ собой.

— Княгиня вамъ никогда ничего не говорила о моихъ собственно къ ней отношеніяхъ? — спросилъ онъ вдругъ Петицкую.

— Не говорила, но я догадывалась: вы влюблены въ нее? — сказала Петицкая.

— Былъ... былъ влюбленъ, когда она была еще дѣвушкой, потомъ это чувство снова возродилось во мнѣ при встрѣчѣ съ ней здѣсь; но она, какъ въ тотъ, такъ и въ другой разъ отвергла всякія мои исканія, — что же мнѣ оставалось дѣлать послѣ того? Я бросился, очертя голову, на эту несчастную мою женитьбу, и затѣмъ, вы сами видѣли, едва только я освободился отъ этой ферулы, какъ снова всею душой сталъ принадлежать княгинѣ.

— Еще бы не видѣть! — проговорила госпожа Петицкая.

— Въ то же время, — продолжалъ баронъ, пожимая плечами, — снова рискнуть и снова надѣяться услышать отказъ, какъ хотите, становится даже нѣсколько щекотливо для моего самолюбія!

— А почему вы ожидаете отказа? — спросила его Петицкая.

— По многимъ причинамъ: во-первыхъ, по страннымъ отношеніямъ княгини къ Миклакову.

— О, тутъ не было никакихъ отношеній, клянусь вамъ Богомъ! — перебила его Петицкая.

— Можетъ быть!.. Во-вторыхъ, мнѣ кажется, княгиня до сихъ поръ еще такъ сильно огорчена смертью мужа...

— Ну, этого вы не очень опасайтесь! — возразила Петицкая: — мы, женщины, умѣемъ однимъ глазкомъ плакать, а другимъ и улыбаться.

— Вы думаете? Но все-таки, говорю откровенно, у меня духу не хватаетъ напомнить княгинѣ о моемъ чувствѣ къ ней.

— Хотите, я ей напомню?

— Пожалуйста!—воскликнулъ баронъ радостнымъ голосомъ: онъ врядъ-ли и мѣсто предлагалъ Петицкой не за тѣмъ, чтобъ имѣть ее вполнѣ на своей сторонѣ.

— Извольте, поговорю съ ней при первомъ же удобномъ случаѣ.

— Очень много обяжете... очень!..—продолжалъ восклицать баронъ.—Мѣсто, значить, вы принимаете у меня? — присовокупилъ онъ, уже вставая.

— Конечно! — подхватила Петицкая.

Днемъ для открытія вновь преобразованнаго училища баронъ выбралъ воскресенье; онъ съ большимъ трудомъ и то съ помощью Петицкой уговорилъ княгиню снять съ себя глубокой трауръ и пріѣхать на его торжество хоть въ какомъ-нибудь сѣренькомъ платьѣ. Госпожа Петицкая, тоже носившая по князѣ трауръ, сняла его и надѣла форменное платье начальницы. Къ двѣнадцати часамъ они прибыли въ училище. Княгиню баронъ усадилъ на одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Госпожа Петицкая сѣла въ числѣ служащихъ лицъ, впрочемъ рядомъ съ барономъ и даже по правую его руку. Баронъ былъ въ мундирѣ, вышитомъ на всѣхъ возможныхъ мѣстахъ, гдѣ только можно вышить золотомъ, въ красивой станиславской лентѣ и съ станиславскою звѣздой. Онъ замѣтно нѣсколько рисовался въ этомъ костюмѣ. Прежде всего дѣвочки нескладными и визгливыми голосами пропѣли предъ-учебную молитву; затѣмъ

законоучитель, именно знакомый намъ отецъ Іоаннъ, прочелъ прекрасную рѣчь полусвѣтскаго и полудуховнаго содержанія: *о добродѣтеляхъ и о путяхъ къ онымъ*. Наконецъ, всталъ самъ баронъ сказать свое слово. Всѣ исполнились полнѣйшаго вниманія; его вообще считали въ обществѣ болѣе умнымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ! Баронъ прежде всего объяснилъ, что воспитаніе есть основаніе всей жизни человѣка, и поэтому оно составляетъ фундаментъ и оплотъ всей исторіи человѣчества. Баронъ, если только припомнить читатель, вообще любилъ, вслѣдствіе, можетъ быть, основательности собственнаго характера, слова: *фундаментъ, оплотъ, основа*. Далѣе баронъ изложилъ, что воспитаніе женщины важнѣе даже воспитанія мужчины, такъ какъ она есть первая наставница и руководительница дѣтей своихъ, и что будто бы всеми физиологами замѣчено, что дѣти и, по преимуществу, мальчишки всегда наследуютъ нравственныя качества матери, а не отцовъ, и такимъ образомъ женщина, такъ сказать, даетъ всецѣло гражданина обществу. Послѣднія слова баронъ, какъ слѣдуетъ хорошему оратору, произнесъ громче прочихъ, и они были покрыты почти общимъ аплодисментомъ. Про свое собственно училище баронъ сказалъ, что оно пока еще зерно, изъ котораго, можетъ быть, выйдетъ что-нибудь достойное вниманія общества; себя при этомъ онъ назвалъ свѣтелемъ, вышедшимъ въ поле съ добрыми пожеланіями, которыя онъ надѣется привести къ вождѣльному исполненію съ помощію своихъ добрыхъ и уважаемыхъ сослуживцевъ, между которыми баронъ <http://ruim.org.pl> какъ-то съ особою рѣзкостью

въ похвалахъ указалъ на избранную имъ начальницу заведенія, госпожу Петицкую, добродѣтели которой, по его словамъ, какъ свѣточъ будутъ горѣть передъ глазами ея юныхъ воспитанницъ. При этомъ указаніи на добродѣтели госпожи Петицкой, два человѣка изъ бывшихъ въ залѣ сдѣлали нѣсколько удивленные физіономіи: это Елпидифоръ Мартынычъ, сидѣвшій въ переднемъ ряду и уже съ анненской звѣздой, — онъ невольно припомнилъ при этомъ исторію со шляпой Николая Оглоблина; наконецъ самъ Николая, помѣщавшійся во второмъ ряду и знавшій предыдущую исторію еще въ болѣе точныхъ подробностяхъ. Оба они никакъ не считали госпожу Петицкую свѣточемъ добродѣтели.

На лестныя слова барона, госпожа Петицкая, пылая въ лицѣ и потупляя свои глаза, произнесла нѣсколько трепещущимъ голосомъ, что она все стараніе, все усердіе свое положитъ, чтобы исполнить тѣ надежды, которыя возложилъ на нее ея высокопочтенный начальникъ. Затѣмъ музыка грянула: *Боже, царя храни!* и торжество окончилось. Отпущенныя дѣвочки шумно побѣжали изъ залы по корридорамъ прямо въ столовую, гдѣ ихъ ожидалъ болѣе обыкновеннаго сытный обѣдъ. Посѣтители и посѣтельница, съ очень важнымъ видомъ, хоть и съ маленькимъ утомленіемъ въ лицахъ, начали развѣзжаться. Баронъ пріостался на нѣкоторое время въ училищѣ и сталъ что-то такое довольно длинно приказывать смотрителю зданія, махая при этомъ безпрестанно своей шляпой съ плюмажемъ: всѣ эти приказанія онъ затѣялъ, кажется, для того, чтобы подолѣе оставаться въ своемъ нарядномъ мундирѣ.

Петицкая уѣхала пока еще къ нягинѣ. Когда онѣ возвратились домой и переодѣлись изъ своихъ нарядныхъ платьевъ, то между ними начался довольно задушевный разговоръ.

— Вы завтра переѣзжаете въ училище? — спросила княгиня свою подругу невеселымъ голосомъ.

— Завтра! — отвѣчала Петицкая.

Княгиня послѣ этого закрыла себѣ лицо рукою.

— Вообразить себѣ не могу, какъ я останусь одна въ этомъ громадномъ домѣ! — произнесла она.

— Вамъ замужъ надобно выйти, — вотъ что, — сказала ей на это Петицкая.

— Мнѣ?... — спросила княгиня, широко раскрывая въ удивленіи свои голубые глаза.

— Вамъ, да! — отвѣчала Петицкая, нѣсколько даже испуганная такимъ восклицаніемъ княгини.

— Кто же меня возьметъ послѣ всѣхъ тѣхъ ужасныхъ исторій, которыя со мной были? — проговорила та.

— Ха, ха, ха! ха, ха, ха!... — захохотала неудержимо Петицкая: — какія ужасныя исторіи, — скажите, пожалуйста!

— Конечно, ужасныя!

— Перестаньте, княгиня! — произнесла Петицкая какъ-бы уже строгимъ голосомъ: — развѣ повернется у кого-нибудь языкъ, чтобы обвинять васъ въ чемъ-нибудь? Напротивъ, всѣ удивляются вамъ, и я знаю одного человѣка, который очень бы желалъ сдѣлать предложеніе вамъ...

Княгиня при этомъ вспыхнула, но ничего не говорила.

— А вы даже не хотите и спросить: кто это такой?—присовокупила Петицкая.

— Не хочу, потому что знаю, что такого человека нѣтъ.

— Нѣтъ, есть! возразила Петицкая съ удареніемъ:—и это именно баронъ!

— Вотъ глупости!—проговорила, еще болѣе покраснѣвъ, княгиня.

— Почему глупости?... почему?—спросила настойчиво Петицкая.

— Потому что...—отвѣчала княгиня (она очень вонфузилась при этомъ отвѣтѣ):—онъ, я думаю, даже сердить на меня...

— Вы хотите сказать, что за ваши старья къ нему отношенія?—перебила ее Петицкая, очень хорошо понявшая, что хочетъ сказать княгиня послѣдними словами. — Но вотъ видите: онъ все это вамъ простилъ и даже поэтому еще болѣе васъ цѣнить; отказать ему вамъ, по моему, не только что не умно, но даже неблагородно и нечестно!

Княгиня только взглядомъ отвѣтила пріятельницѣ на такой ея рѣзкій приговоръ.

— Конечно, нечестно!—повторила та.—Вы вспомните: полтора года онъ за вами слѣдитъ, какъ самый внимательный дядька...—что я говорю!..—какъ самый заботливый отецъ! — воскликнула Петицкая, покраснѣвши даже въ лицѣ отъ одушевленія.—Я не говорила вамъ, но онъ, во весь нашъ обратный путь изъ-за границы, на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ бралъ для насъ билеты, отправлялъ всѣ вещи ваши, хлопоталъ съ паспортами, наконецъ какое участіе онъ показалъ вамъ во время смерти вашего мужа!—

Княгиня, все это надобно поцѣнить!—Такихъ расположенныхъ и искренно преданныхъ намъ людей мы не часто встрѣчаемъ въ жизни.

Княгиня слушала молча свою подругу, и хотя въ душѣ признавала справедливость ея словъ, но все-таки произнесла какъ-бы нѣсколько холоднымъ тономъ:

— Я и цѣню его очень!

— Но на словахъ мало цѣнить! — воскликнула Петицкая, — надобно доказать это на дѣлѣ: вдругъ онъ теперь присватается къ вамъ и получить отказъ,—сыграть въ третій разъ такую незавидную роль, въ его теперешнемъ положеніи, можетъ быть, ему и не захочется.

— Тогда и теперь—двѣ вещи разныя!—проговорила наконецъ княгиня.

— Но теперь что же вы скажете ему?—приставала къ ней Петицкая.

— А теперь еще и сама не знаю!—отвѣчала съ усмѣшкою княгиня.

— Ну, такъ я знаю! — подхватила Петицкая, твердо будучи увѣрена, что еслибы даже баронъ и не очень нравился княгинѣ, то все-таки она пойдетъ за него, потому что это очень выгодная для нея партія, а потому дальнѣйшее съ ней объясненіе она считала совершенно излишнимъ, и при первой встрѣчѣ съ барономъ прямо сказала тому, чтобъ онъ не робѣлъ и ѣхалъ просить руки княгини. Баронъ послушался ея и, пріѣхавъ разъ къ княгинѣ, сдѣлалъ ей нѣсколько официальнымъ голосомъ предложеніе; она, какъ и надобно ожидать, сначала сконфузилась, а потомъ тоже отчасти официальнымъ тономъ про-

сила у него времени подумать. Баронъ съ удовольствіемъ согласился на это.

Въ періодъ этого думанья княгиня объѣхала всѣхъ близкихъ и именитыхъ родныхъ покойнаго мужа, всѣмъ имъ объявила о предложеніи барона и у всѣхъ у нихъ испрашивала совѣта и мнѣнія касательно того, что не имѣютъ ли они чего сказать противъ. Тѣ единогласно отвѣчали, что ничего не имѣютъ, и такимъ образомъ девятнадцатаго декабря баронъ получилъ согласіе на бракъ съ княгиней, а въ половинѣ января была и свадьба ихъ въ присутствіи опять-таки тѣхъ же близкихъ и именитыхъ родныхъ покойнаго князя, къ которымъ баронъ отправился на другой день съ своей молодой дѣлать визиты, а послѣ того уѣхалъ съ нею въ Петербургъ, чтобы представиться ея роднымъ и познакомить ее съ своими родными. Отъ слиянія состояній двухъ женъ у барона образовалось около полутора ста тысячъ годоваго дохода.

Госпожа Петицкая за услуги свои, оказанныя по случаю женитьбы его на княгинѣ, была награждена барономъ еще тремястами рублей годоваго жалованья и въ настоящемъ своемъ положеніи рѣшительно расцвѣла, поздоровѣла, похорошѣла и даже успѣла пріучить ходить къ себѣ по вечерамъ въ гости одного очень молоденькаго и прехорошенькаго собой студента.

Но что Елена?... Какъ она живетъ и какое впечатлѣніе произвело на нее извѣстіе о самоубійствѣ

князя? Вотъ тѣ послѣдніе вопросы, на которые я долженъ отвѣтить въ моемъ разсказѣ. Вѣсть о смерти князя Еленѣ сообщилъ прежде всѣхъ Елпидифоръ Мартынычъ и даже при этомъ не преминулъ объяснить ей, что князь собственно застрѣлился отъ любви къ ней.

Елену страшно поразило это извѣстіе, но она пересилила себя и какъ бы даже довольно равнодушно проговорила:

— Вотъ вздоръ какой!

— Нѣтъ-съ, не вздоръ! — возразилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ. Онъ полагалъ, что всякой дамѣ пріятно услышать, что какой-нибудь мужчина застрѣлился отъ любви къ ней: сей хитрый старикъ успѣлъ уже какимъ-то образомъ совершенно втереться въ домъ къ Оглоблинымъ и сдѣлаться почти необходимымъ у нихъ.

Елена не стала съ нимъ болѣе разговаривать объ этомъ происшествіи и по наружности оставалась спокойной, но когда Елпидифоръ Мартынычъ ушелъ отъ нея, то лицо Елены приняло почти отчаянное выраженіе: до самой этой минуты гнѣвъ затемнялъ и скрывалъ передъ умственными очами Елены всякое ясное воспоминаніе о князѣ, но тутъ онъ какъ живой ей представился, и она поняла, до какой степени князь любилъ, ее и къ вѣщему ужасу своему сознала, что и сама еще любила его. Принадлежа, впрочемъ, къ разряду тѣхъ существъ, про которыхъ Лермонтовскій Демонъ сказалъ, что для нихъ нѣтъ раскаянія, нѣтъ въ жизни уроковъ, Елена не стала ни плакать, ни стенать, а все, что чувствовала, спрятала въ душѣ; но, какъ ни бодрилась она духомъ,

тѣло ея не выдержало нравственныхъ мукъ: Елена сдѣлалась серьезно больна, прохворала почти полгода и, какъ только встала съ постели, уѣхала съ сыномъ за границу. Возвратясь оттуда нѣсколько поздоровѣвшая, Елена, повидимому, исключительно предалась воспитанію сына: она почти не отпускала его отъ себя никуда, безпрестанно съ нимъ разговаривала, сама учила его. Кромѣ того, Елена повела очень большую переписку съ разными заграничными своими знакомыми, которые тоже ей часто писали.

Въ одно утро, Елена сидѣла, по обыкновенію, съ своимъ ребенкомъ. Сынишко ея стоялъ около нея, и она сейчасъ только, восхищенная его понятливостью, расцѣловала его въ губки, въ щечки, въ глаза, такъ что у мальчика все лицо даже покраснѣло; вдругъ вошелъ человекъ и доложилъ, что Миклаковъ ее спрашиваетъ.

— Ахъ, проси... очень рада!—воскликнула Елена въ самомъ дѣлѣ радостнымъ голосомъ.

Лакей ушелъ звать гостя.

— Вы рѣшительно являетесь, какъ молодой мѣсяцъ!—говорила Елена, встрѣчая Миклакова.

— Да и васъ я застаю всякій разъ въ новыхъ фазисахъ!—отвѣчалъ ей тотъ не безъ насмѣшки; затѣмъ онъ сѣлъ и началъ пристально смотрѣть на Елену. Надобно было имѣть не весьма много наблюдательности, чтобы подмѣтить, какія глубокія страданія прошли по молодежавому лицу Елены: Миклакову сдѣлалось до души жаль ее.

— Но давно ли, однако, вы вышли замужъ?—продолжалъ онъ совершенно уже другимъ тономъ.

— Вамъ, можетъ быть, больше хочется спро-

сать — зачѣмъ и для чего собственно я вышла замужъ?—возразила ему Елена.

— Зачѣмъ и для чего вы вышли замужъ? — повторилъ за нею Миклаковъ.

— Отъ голоду—больше ни отъ чего другаго!... Пришлось такъ, что или самой съ ребенкомъ надобно было умереть отъ нищеты, или выйти за Оглобина... Я предпочла послѣднее.

— О, иронія жизни!... какая страшная иронія!.. —воскликнулъ Миклаковъ. — Вотъ вамъ и могучая воля человѣка! Всѣ мы Прометеи, скованные нуждой по рукамъ и по ногамъ!

— Еще какъ скованы-то! — перебила его Елена, для которой видимо тяжелъ былъ этотъ разговоръ.— Но гдѣ вы были все это время?

— Былъ я въ Малороссіи, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, на южномъ берегу Крыма и на Кавказѣ.

— Что, какъ вамъ тамъ вездѣ понравилось?

— Очень вездѣ не понравилось. Малороссія—природа прекрасная, но это еще дикія степи. Кіевъ нашъ святой—смѣсь кіево-печерскаго элемента съ польско-шляхетскимъ. Одесса, нашъ аки-бы европейскій городъ, въ сущности есть городъ жидовъ и грековъ. Въ Крыму и на Кавказѣ опять-таки хороша только природа, а населяющіе ихъ восточные человѣки, съ ихъ длинными носами и безсмысленными черными глазами,—ужасъ что такое!... въ отчаяніе приводящія существа.... такъ что я дошелъ до твердаго убѣжденія, что человѣкъ, который хоть сколько-нибудь дорожитъ мыслью человѣческой, можетъ у насъ жить только въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

— А этого демократическаго, революціоннаго движенія неужели нѣтъ въ провинціяхъ нисколько? — сказала Елена.

— Подите вы!—воскликнулъ Миклаковъ: — революціонныя движенія какія-то нашли!... Бьются все, чтобы какъ-нибудь копѣйку зашибить, да буянятъ и болтаютъ иногда вздоръ какой-то въ пьяномъ видѣ.

— Странно!... Я думала совсѣмъ другое!..— произнесла Елена какъ-бы въ нѣкоторомъ раздумьи.

— Мало ли что вы думали!—отвѣчалъ ей насмѣшливо Миклаковъ.

— Ну, а вы теперь постоянно думаете въ Москвѣ жить?—спросила его Елена.

— Въ Москвѣ, отвѣчалъ протяжно Миклаковъ,—хоть и тутъ тоже мало какъ-то хорошаго для меня осталось, продолжалъ онъ.—Такія новости услыхалъ, пріѣхавъ: князь, съ которымъ я хоть и разошелся послѣднее время, но все-таки думалъ опять съ нимъ сблизиться, говорятъ, умеръ, — застрѣлился!

— Да, застрѣлился! — повторила Елена, и лицо ея при этомъ мгновенно вспыхнуло.—Говорятъ даже, что застрѣлился отъ любви ко мнѣ!—прибавила она съ усмѣшкою.

— Говорятъ!... — подтвердилъ Миклаковъ.

— Но это пустяки, конечно...—продолжала Елена съ какой-то неприятной усмѣшкой: — просто, я думаю, съ ума сошелъ.

— Да, съ ума-то сошелъ, можетъ быть, отъ любви къ вамъ! перебилъ ее Миклаковъ.

— Это еще страннѣе и глупѣе! — продолжала Елена, все болѣе и болѣе краснѣя въ лицѣ. — Впро-

чемъ, виновата: вы сами когда то отъ любви сходили съ ума!

— Нѣтъ, я сходилъ съ ума не отъ любви, а отъ пьянства и отъ оскорбленнаго самолюбія!.. — возразилъ Миклаковъ.

— Вотъ это такъ вѣрнѣе и естественнѣе! — подхватила Елена. — А вы знаете, что княгиня ваша вышла замужъ за барона Мингера и оба, говорятъ, наслаждаются жизнію?

— Что же мудренаго! — подхватилъ Миклаковъ (при этомъ онъ уже вспыхнулъ). — Въ жизни по большей части бываетъ: кто идетъ по ея теченію, тотъ всегда почти достигнетъ цвѣтущихъ и счастливыхъ береговъ.

— Но только счастья-то я тутъ не вижу никакого... въ чемъ оно состоитъ? — подхватила Елена.

— Въ нѣкоторомъ самодовольствѣ и спокойствіи!.. Стоять вѣчно въ борьбѣ и въ водоворотѣ — вовсе не наслажденіе: бейся пожалуй, сколько хочешь, съ этимъ дурацкимъ напоромъ волнъ, — ихъ не пересилишь; а они тебя навѣрняка или совсѣмъ подъ воду кувырнуть, а если и выкинуть на какой-нибудь голый утесець, такъ съ такой разбитой ладьей, что далѣе идти силы нѣтъ, какъ и случилось это, напри-мѣръ, со мной, да кажется и съ вами.

— Нѣтъ, я могу и хочу еще плыть! — воскликнула Елена.

— Интересно было бы знать, куда? — проговорилъ Миклаковъ.

— Этого я вамъ не скажу, потому что вы всякую надежду, всякое предположеніе съумѣете облить такимъ ядомъ сомнѣнія, что отравите все и навсегда.

— Сомнѣнье — источникъ истины! Вотъ мы съ вами повѣрили Жуквичу на слово, что онъ человекъ порядочный, а вышло, что онъ мошенникъ!...

Елена при этомъ немного смутилась.

— Вы, значить, слышали объ его продѣлкѣ со мною?—спросила она.

— Съ вами?.. не слыхалъ. Но что же такое именно?.. — спросилъ съ своей стороны Миклаковъ.

Елена очень подробно и совершенно откровенно рассказала о своихъ отношеніяхъ къ Жуквичу и объ его поступкѣ съ нею.

Миклаковъ качалъ только головой и грустно усмѣхался.

— Благодарите судьбу, что этотъ баринъ въ еще худшее что-нибудь васъ не запуталъ! — проговорилъ онъ.

— Что же можетъ быть хуже этого?—воскликнула Елена.

— Въ Одессѣ онъ почище этого затѣялъ штуку, продолжалъ Миклаковъ. — Онъ явился туда съ какимъ-то другомъ своимъ юнымъ; сначала, какъ видно, были при деньгахъ, жуировали, въ карты играли; но потомъ профершпилились и занялись дѣланіемъ фальшивыхъ асигнацій; ихъ накрыли и посадили въ тюрьму, гдѣ и донинѣ они обрѣтаются...

— Но скажите: полякъ онъ или нѣтъ?

— И не полякъ даже, а жидъ, говорятъ, перекрещеный.

— Но какимъ же образомъ онъ могъ въ 48 году быть повѣшенъ?

— Повѣшенъ?—воскликнулъ Миклаковъ, широко открывая въ удивленіи свои глаза.

— Да, и только спасся отъ смерти какимъ-то случаемъ. Я сама видѣла у него шрамъ на шеѣ отъ веревки...

Миклаковъ покотился со смѣху.

— Каналья какой!—воскликнулъ онъ. — Если у него дѣйствительно есть шрамъ, такъ вѣроятно его разбитою бутылкой по горлу съѣздили за какую-нибудь плутню, а съ висѣлицъ, сколько я знаю, никто что-то еще не спасался: это онъ все выдумалъ, чтобы больше васъ плѣнить.

— Но неужели люди способны даже подобными вещами лгать?—произнесла Елена.

— Люди способны всякими вещами лгать!—подхватилъ Миклаковъ.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ появленіемъ Николая.

— Ахъ, Боже мой!... Какъ я радъ, — воскликнулъ онъ, пожимая обѣими руками руку Миклакова.—А я сейчасъ отъ баронессы Мингеръ,—продолжалъ Николая, вовсе забывъ, въ какихъ отношеніяхъ баронесса Мингеръ была нѣкогда съ Миклаковымъ,—она родила сына!

— Вотъ какъ!—произнесла съ усмѣшкой Елена.

— Да, и баронъ въ восторгѣ,—продолжалъ Николая: — «Очень, говоритъ, радъ: теперь родъ Мингеровъ не прекратится!»

— Ну, этому радоваться еще особенно нечего!—подхватила Елена.

— Тѣмъ болѣе, если припомните слова Вольтера,—поддержалъ ее Миклаковъ,—который говорилъ, что главный недостатокъ нѣмцевъ тотъ, что ихъ очень много.

— Именно очень много!—воскликнула Елена.

Миклаковъ послѣ того вскорѣ началъ собираться домой.

— Я опять какъ-нибудь къ вамъ недолгѣ заѣду,—сказалъ онъ.

— Непремѣнно, непременно!—подхватила Елена.

— И я васъ прошу покорнѣйше о томъ! — сказалъ ему Николая.

Миклаковъ черезъ недѣлю опять заѣхалъ къ Еленѣ; но она на этотъ разъ не приняла его, велѣвъ ему, черезъ горничную, сказать, что у ней такъ разболѣлся бокъ, что ей ставятъ пѣвки, и потому она никакъ не можетъ выйти къ нему. Черезъ недѣлю Миклаковъ опять къ ней заѣхалъ. Тутъ уже вышелъ къ нему Николая съ сконфуженнымъ и разстроеннымъ лицомъ. Онъ сказалъ, что жена его очень больна и что къ ней никого не пускаютъ и не велятъ ей ни съ кѣмъ говорить.

Миклаковъ ушелъ, сильно опечаленный этимъ, а черезъ нѣсколько дней онъ прочелъ въ газетахъ, что Николай Гаврилычъ Оглоблинъ съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ своихъ родныхъ и знакомыхъ о кончинѣ своей возлюбленной супруги Елены Николаевны Оглоблиной и проситъ пожаловать на отпѣваніе, которое имѣетъ быть тамъ-то.

— Не вытерпѣла, какъ ни храбрилась!—произнесъ Миклаковъ, откидывая газету въ сторону и утирая небольшую слезинку, появившуюся на глазу его, и, обыкновенно не бывая ни на однѣхъ похоронахъ, на похороны къ Еленѣ онъ пошелъ и даже отправился провожать гробъ ея до кладбища пѣшкомъ. Къ нему вдругъ присталъ Епидифоръ Мартынычъ,

тоже шедшіи пѣшкомъ, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ.

— Вы покойницу лечили?—спросилъ его Миклаковъ.

— Я-съ, и потомъ цѣлый легионъ докторовъ...

— Чѣмъ она умерла?

— Чахоткой скоротечной... Простудилась она еще прежде въ дѣвцахъ, когда въ бѣдности жила, потомъ, года съ два тому назадъ, была больна, а въ нынѣшней веснѣ болѣзнь окончательно разыгралась!.. Впрочемъ, — сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, помолчавъ немного,—и слава Богу, что она умерла!..

— Это почему?—произнесъ съ удивленіемъ Миклаковъ.

— Потому что...—(Елпидифоръ Мартынычъ началъ это говорить Миклакову почти на ухо), потому что въ самый день смерти пришли было арестовать ее: такую, говорятъ, съ разными заграничными революціонерами переписку завела, что страсть!

— Вотъ какъ!—проговорилъ съ удовольствіемъ Миклаковъ: ему пріятно было слышать, что Елена до конца жизни осталась вѣрна самой себѣ.

— А передъ смертію она причащалась или нѣтъ?—спросилъ онъ съ полуулыбкою Елпидифора Мартыныча.

— Нѣтъ-съ!.. Нѣтъ! — воскликнулъ тотъ почти на всю улицу.—Вольтеръ-съ передъ смертію покаялся, а эта бабенка не хотѣла сдѣлать того!—присовокупилъ Елпидифоръ Мартынычъ, знаменательно поднимая передъ глазами Миклакова свой указательный палецъ.

— Видно, на плечахъ у великановъ и младенцы дальше ихъ видятъ! — подхватилъ тотъ съ явною цѣлью посердить Елпидифора Мартыныча.

— Тфу мнѣ на это видѣнье!..—опять воскликнулъ ему тотъ:—вы сами тоже—хорошъ соколъ!—прибавилъ онъ,—посмотрю, что вы заговорите, какъ умирать будете.

— Все сдѣлаю, рѣшительно все, что предписано, до того испугаюсь сей скверной вещи!—подхватилъ Миклаковъ.

— Не по страху-съ надобно это дѣлать, а по вѣрѣ! — произнесъ ему въ наставленіе Елпидифоръ Мартынычъ.

— Ну, а мальчикъ Елены Николаевны гдѣ-же и у кого будетъ воспитываться?—продолжалъ его спрашивать Миклаковъ.

— Да сама-то она передъ смертію, Богъ знаетъ, какіе было планы строила, отвѣчалъ кашлянувъ Елпидифоръ Мартынычъ, — и требовала, чтобъ ребенка отвезли въ Швейцарію учить и отдали бы тамъ подъ опеку какого-то философа, ея друга!.. Не послушаются ея, конечно!.. Николай Гаврилычъ просто хочетъ усыновить его и потомъ, говорить, всего вѣроятіе, по военной поведу...

Миклаковъ слушалъ все это съ понуренной головой и пасмурнымъ лицомъ, и когда, послѣ похоронъ, Николая Оглоблинъ, съ распухшимъ отъ слезъ лицомъ, подошелъ было къ нему и сталъ его приглашать ѣхать къ нимъ на обѣдъ, то Миклаковъ отвазаяся наотрѣзъ и отправился въ московскій трактиръ, гдѣ, подъ вліяніемъ горестныхъ воспоминаній

объ Еленѣ и о постигшей ее участи, напился мертвецки пьянъ.

Онъ считалъ Елену за единственную женщину изъ всѣхъ имъ знаемыхъ, которая говорила и поступала такъ, какъ думала и чувствовала!

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

INSTYTUT
BADAŃ ICH PANI
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. Р. ВОЛЬФЪ

Сочиненія Евгенія Маркова;

ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ.

Романъ.

2 т. въ 8 д. л. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

Въ основаніе этого романа положена животрепещущая, полная самаго современнаго интереса, идея — преимущества деревни передъ городомъ. Какъ пронизательный публицистъ, авторъ взглянулъ на этотъ вопросъ съ необыкновенно вѣрной точки зрѣнія; какъ талантливый беллетристъ, онъ облекъ свою идею въ безукоризненно-художественную форму.

БЕРЕГЪ МОРЯ.

Романъ.

2 т. въ 8 д. л. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Какъ истинный поэтъ и художникъ, живо чувствующій красоты природы, г. Марковъ вводитъ своихъ героев въ совершенно новый и какъ-бы заколдованный для насъ міръ; онъ вводитъ своихъ героев — людей культуры и цивилизаціи — въ условія почти первобытной жизни, на берегъ Чернаго моря, среди роскошной природы Крыма. Тутъ, въ этомъ новомъ мірѣ, герои романа, утомленные фальшью и искусственностію современной цивилизаціи, живящей свои собственные идеалы, находятъ успокоеніе и счастье. Въ этихъ словахъ заключается основная идея романа.

БАРЧУКИ.

Картины прошлаго.

Въ 16 д. л. Изданіе 2-е, безъ перемѣнъ. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

Воспоминанія автора относятся къ эпохѣ крѣпостнаго помѣщичества, еще не потрясеннаго сомнѣніями и ожиданіями; они дышатъ тою цѣлостностію настроенія, котораго уже не можетъ быть въ людяхъ нашего времени, — времени отрицанья, колебаній и переходовъ. Разказы эти отрывочны: въ нихъ нѣтъ никакой внѣшней связи, никакой фабулы или интриги... Но всѣ они — картины одной и той же жизни, одного и того же вѣка, всѣ они — портреты одной семьи. Въ этомъ ихъ внутренняя связь. Они посвящены тому раю непосредственнаго дѣтскаго бытія, когда человекъ еще питается плодами одного „древа жизни“, не искушаясь еще соблазнительными плодами „древа познанія“; когда все въ мірѣ кажется ему „добро вѣло“, потому только, что „бысть утро и бысть вечеръ дѣнь первый“. Разказы эти при появленіи ихъ въ свѣтъ, были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ; ихъ читали съ тѣмъ же теплымъ чувствомъ, которое диктовало ихъ автору.

ИЗДАНИЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. Р. ВОЛЬФЪ

Сочиненія А. П. Мельникова:

ВЪ ЛЬСАХЪ.

Разсказано Андреемъ Печерскимъ.

Изданіе второе, исправленное авторомъ. 4 т. въ 8 д. л. Ц. 5 р., съ пер .6 р.

Это гениальное произведеніе представляетъ яркую бытовую картину Заволжскаго края, гдѣ до сихъ поръ сохраняется русская старина въ своеобразныхъ типическихъ чертахъ народной жизни. Въ разсказѣ очерчены съ необыкновенною силою выраженія, мѣстные обычаи, нравы и преданія Заволжья, которыми обусловливается старый бытовое порядоку, составляющій крѣпкій оплотъ старообрядческихъ вѣрваній.

НА ГОРАХЪ.

Разсказано Андреемъ Печерскимъ.

Изданіе первое. 4 т. въ 8 д. л. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

„На Горахъ“—обширная и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно просто задуманная эпопея—составляетъ съ романомъ того же автора въ „Лѣсахъ“ одно цѣлое, съ тѣми же лицами, которые всѣ чрезвычайно выдержаны. Это собственно не романъ, а рядъ сценъ, рисующихъ различныя стороны промышленнаго и раскольничьяго быта приволжскаго населенія. Передъ читателемъ разворачивается цѣлая драма, проникнутая своеобразнымъ и сильнымъ элементомъ народной жизни.

Р А З С К А З Ы

Андрея Печерскаго.

Старые годы.—Бабушкины розсказни.—Красильниковы.—Поюрковъ.—Гриша.—Двудшка Поликарпъ.—Медвѣжій уголь.—Непремѣнный именинный пирогъ.—На станціи.—Въ Чудовѣ.

Изданіе второе. Одинъ томъ въ 8 д. л. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

Рядъ живыхъ, полныхъ интереса и художественныхъ очерковъ содердить это произведеніе автора, имя котораго ставятъ рядомъ съ Тургеневымъ, Гончаровымъ, Достоевскимъ, Максимовымъ и пр. Тутъ и русская старина съ ея широкими натурами и первобытными типами, тутъ и современное старообрядчество, хранящее въ глубинѣ своихъ сель завѣты старорусскаго быта, тутъ и приволье волжскихъ промысловъ и кустарная промышленность Керженца и Ветлуги. Все это разсказано такъ, что немудрено увлечься. Въ книгу, заглавіе которой мы написали сверху, вошли всѣ прежнія произведенія, давшія Печерскому извѣстность въ нашей литературѣ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ его произведеніемъ „Въ лѣсахъ“ этотъ томъ составляетъ уже полное собраніе всѣхъ беллетристическихъ произведеній Мельникова, принадлежащаго теперь къ числу любимѣйшихъ нашихъ писателей.

F

24.186/10-11